

**ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
ЦЕНТР РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**ЮЖНОРОССИЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
ВЫПУСК 95**

ДОБАЕВ И.П., СЕДЫХ Н.С.

**ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА:
ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Отв. редактор Добаев И.П.

Москва - Ростов-на-Дону
Социально-гуманитарные знания

2017

ББК 66.4 (0) + 88.53я73
Д 55

Рецензенты:

Боташева А.К., доктор политических наук, профессор
Романченко Н.Е., кандидат политических наук

Д
55 Добаев И.П., Седых Н.С. Идеология
современного терроризма: проблемы
информационно-психологического
противодействия в Российской Федерации. –
Москва - Ростов-на-Дону: Социально-
гуманитарные знания, 2017. – 158 с.

Монография посвящена вопросам осмысления идеологии современного терроризма, прикрывающегося исламским вероучением. Рассматриваются векторы повышения эффективности информационно-психологического противодействия этому явлению в Российской Федерации.

Адресуется студентам и преподавателям высших учебных заведений, аспирантам, учителям средних и средних специальных учебных заведений, сотрудникам правоохранительных органов, работникам антитеррористических комиссий, а также широкому кругу читателей.

ISBN 978-591604-003-6

© ЦРИ ИСиР ЮФУ

© Добаев И.П., Седых Н.С., 2017

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Идеология современного радикального исламизма: исторические корни, основообразующие категории, трансформация их содержания	7
1.1. Историческая трансформация идеологических доктрин радикальных исламистов.....	10
1.2. Исламистский «такфир»: определение «врагов ислама»	32
1.3. Эволюция концепции джихада в исламе: от традиционализма к радикальному исламизму.....	54
Глава II. Информационно-психологическое противодействие идеологии терроризма в молодежной среде современной России	72
2.1. Терроризм в контексте процессов глобальной информатизации.....	72
2.2. Информационно-психологическое воздействие терроризма на обыденное сознание.....	102
2.3. Предупредительно-профилактическая антитеррористическая деятельность в молодежной среде: состояние и пути совершенствования.....	124
Заключение	140
Библиографический список использованной литературы	144

ВВЕДЕНИЕ

Терроризм современной эпохи – сложное, многомерное социально-политическое явление, представляющее собой идеологическую доктрину и базирующуюся на ней специфическую политическую практику. При этом идеологическая доктрина современных радикальных исламистов является именно террористической, в которой задействованы два главных конструкта — такфир (обвинение в неверии т. н. «врагов ислама») и джихад (война за веру), подразумевающий борьбу с «врагами» любыми силами, средствами и способами, включая террористические. В этой связи игнорирование идеологической составляющей религиозно мотивированного терроризма, перенос борьбы с терроризма на террористов, не приносит ожидаемого успеха, как в мировом масштабе, так и в рамках того или иного международного региона или страны, включая Российскую Федерацию. Отсюда следует, что акценты в антитеррористической практике следует все настойчивее переносить в плоскость идеологическую, в сферу идеолого-пропагандистской и разъяснительной деятельности.

Таким образом, наиболее важной сферой противоборства с современным терроризмом становится духовная сфера, а развитие и укрепление всей системы противодействия идеологии терроризма - важнейшей и неотложной задачей государства и общества. Постепенно приходит осознание того, что вне идеологической сферы победить терроризм невозможно.

Подчеркнём, что увеличение числа террористических актов в различных частях мира, влечет за собой не только массовые человеческие жертвы и разрушение материальных ценностей, но и разрушение духовно – нравственных ценностей и моральных устоев современного общества. Это обусловлено тем, что социально опасными результатами терактов становятся последствия пролонгированного действия. Например, терроризм порождает недоверие, а порой и ненависть между представителями различных национальных и этноконфессиональных групп, которые трудно преодолеть в

течение жизни целого поколения. Очевидно, что в результате бесчеловечного кровопролития происходит деформация общественного сознания. Это выражается, в частности, в снижении уровня социального доверия и солидарности обществ, подвергшихся террористической атаке, так как происходит нарушение основополагающих гражданских прав, прежде всего, права на жизнь. Это зачастую порождает не только страхи и опасения, связанные с боязнью оказаться в зоне террора, но и определённое недоверие к демократическим режимам, не способным защитить граждан от терактов. Даже неудавшийся теракт, имеет значительный эффект, поскольку вынуждает власти тратить огромные средства на дополнительные меры безопасности и тем самым провоцирует панику среди жителей западных мегаполисов.

В настоящее время наблюдается не только рост финансовых возможностей и технической оснащённости террористических организаций, но и распространение экстремистской идеологии, значительное увеличение числа лиц, участвующих в террористической деятельности. Причём особую тревогу у представителей силовых структур, общественных деятелей и работников образования, вызывает участие в террористической деятельности подростков и молодёжи. Это во многом обусловлено тем, что сторонники экстремистских действий, проповедники идей, противоречащих общечеловеческим ценностям, умело используют достижения новейших технологий, возможности Интернет-коммуникации для усиленной пропаганды и вовлечения в терроризм.

Необходимо подчеркнуть, что в России к числу наиболее приоритетных задач относится противодействие распространению идеологии терроризма и активизация работы по информационно-пропагандистскому обеспечению антитеррористических мероприятий. Это требует системного подхода и консолидации усилий со стороны институтов гражданского общества, силовых структур, образования, СМИ, экономического и бизнес-сообщества. По мнению российских экспертов-террологов, в современных

условиях в целях предупреждения терроризма необходимо воздействовать на общественное сознание и создавать самовоспроизводящуюся систему идей и эффективных каналов их распространения. Это подразумевает целенаправленное развитие определённой системы ценностей, установок, моделей социального поведения, исключающего саму возможность использования насилия для достижения каких-либо целей. Очевидно, что в условиях глобальной информатизации социального пространства, такая деятельность будет эффективна только при всестороннем использовании перспективных Интернет-технологий и новых медиа.

ГЛАВА I. ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ, ОСНОВООБРАЗУЮЩИЕ КАТЕГОРИИ, ТРАНСФОРМАЦИЯ ИХ СОДЕРЖАНИЯ

Предваряя рассмотрение вышеназванной темы, сделаем ряд важных замечаний и предложим трактовку основных используемых терминов. Прежде всего, определяя содержание понятий «исламизм», «религиозно-политический экстремизм», «терроризм под прикрытием ислама» и т.п., сделаем принципиальную оговорку: предметом нашего исследования является не собственно мировая, монотеистическая религия ислам, а лишь те его радикальные и превращенные формы, которые ради достижения поставленных их инициаторами политических целей трансформируют религию в идеологический инструмент, оправдывающий насилие в любых ее видах. Анализу подлежит лишь феномен радикального «политического ислама», более того, его прагматический аспект, который в итоге обуславливает конкретную политическую практику, а она в условиях Ближнего, Среднего Востока, а также в северокавказском регионе России нередко принимает террористические формы борьбы.

По нашему мнению, сущность «политического ислама» и «исламизма» («радикального ислама», или «исламского радикализма») четко определена шведской исследовательницей Л. Йонсон, которая считает, что радикальные исламские политические движения выступают частью более широкой тенденции реисламизации общества и политизации ислама¹.

Что касается «исламизма», который трактуется как крайняя часть «политического ислама», то ученые из Российского института стратегических исследований считают, что исламизм — это «...использование политическими группировками исламских лозунгов и элементов учения ислама как идеологической платформы, отличающих их от других общественных формирований, в ходе борьбы за власть со своими

¹ Йонсон Л. Политический ислам и конфликты в Евразии // Центральная Азия и Кавказ. - 1999. - № 4 (5). - С. 56.

политическими противниками. Эта борьба может проходить как в пределах законных для той или иной страны методов, так и выходить за их рамки»².

В свою очередь авторитетный отечественный арабист и исламовед, президент «Института религии и политики» А.А.Игнатенко определил исламизм как «...идеологию и практическую деятельность, ориентированные на создание условий, при которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами будут разрешаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны)»³.

Соавтор настоящего исследования, профессор Южного федерального университета И.П.Добаев предлагает такое определение исламизма – «...это идеологическая доктрина и основанная на ней социально-политическая практика, которые характеризуются нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира «истинного ислама» по отношению к миру «неверных» вовне и миру «неистинной веры» внутри ислама и требуют абсолютного социального контроля и мобилизации (служения идее) своих сторонников»⁴.

Вместе с тем, говоря об исламизме, исследователи выделяют, как минимум, два его крыла: умеренно-радикальное и ультрарадикальное. Цели у их сторонников одни и те же: построение исламского государства, где господствовали бы нормы шариата. Однако методы и формы осуществления заветной цели различны. Умеренные предпочитают эволюционный, бескровный путь развития, продвигая в массы т.н. «исламский призыв» (даава), и, используя демократические процедуры, продвижение своих сторонников в органы власти и управления всех уровней. При достижении определенной «критической массы» числа своих сторонников, в том числе во

² Исламский экстремизм и фундаментализм как угроза национальной безопасности России. Научный отчет Российского института стратегических исследований / Под общ. Ред. Е.М. Кожокина. - М., 1995. - С. 13

³ Исламизм: глобальная угроза? // Научно-исследовательский институт социальных систем. Серия: Научные доклады. № 2. - М., 2000. - С. 5.

⁴ Добаев И.П. Исторические и доктринальные корни исламского радикализма, его современные проблемы и течения // Центральная Азия и Кавказ. - 2001. № 2 (14). - С. 148.

власти, вопрос об «исламском государстве» и «шариатском правлении», по их мысли, будет решен сам собой, автоматически. Их единомышленники-экстремисты возражают: «враг ближний» (государство и его институты, прежде всего, силовые) и «враг дальний» (другие государства) не позволят исламистам взять в руки власть мирным путем. Поэтому «исламские революционеры» не собираются ждать, и готовы взять власть силовым путем, в том числе посредством осуществления диверсионно-террористических атак против «врагов ислама»: «неверных», а также и тех мусульман, кого радикальные исламисты считают «отступниками» («муртаддун» - прежде всего, сторонники силовых структур, противостоящие радикалам) и «лицемерами» («мунафикун» - представители официального мусульманского духовенства).

На практике, при формировании исламистами своих структур, помимо умеренных и экстремистов, отличают еще т.н. «смешанные организации», где две функции исламизма – просветительская и агитационно-пропагандистская (исламский призыв) и боевая – завязаны на одну и ту же организацию. Часть ее членов осуществляет «исламский призыв», а другая, как правило, скрытая часть группировки, проводит силовые атаки на «врагов ислама». Таких организаций много, среди них ливанская «Хезболла», египетские «Братья-мусульмане», палестинская «Аль-Джихад» и др.

Дагестанский ученый Курбанов Х.Т. считает, что «...религиозно-политический экстремизм под прикрытием ислама – это такфиритская идеология (обвинение в неверии всех, кто эту идеологию не разделяет) и основанная на ней специфическая диверсионно-террористическая практика, ложно определяемая джихадом (священной войной за веру)»⁵.

В свою очередь, чеченский исследователь Д.В.Умаров подчеркивает, что «...современный терроризм является терроризмом исламистски мотивированным, включающим в себя конфессиональную, этническую и криминальную составляющие. Отсюда следует, что особенность

⁵ Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. - Москва — Ростов-на-Дону, 2014. - С. 31.

современного терроризма заключается в сращивании на основе идеологии радикального исламизма религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого экстремистскими международными структурами аналогичной направленности и стоящими за ними центрами силы»⁶.

1.1. Историческая трансформация идеологических доктрин радикальных исламистов

Важнейшей составляющей современного терроризма выступают идеологические доктрины радикальных исламистов, в соответствии с которыми выстраивается его специфическая практика. Без идеологической подпитки терроризм был бы невозможен, а речь шла бы о заурядных криминальных акциях⁷.

Теоретически обосновано, что исламизм состоит, как минимум, из двух звеньев – умеренного и экстремистского⁸. Оба крыла в качестве конечной цели определили построение т.н. «исламского государства», функционирующего на шариате. Однако между ними имеются и существенные отличия: умеренные идут к намеченной цели эволюционным, преимущественно мирным путем, делая ставку на осуществление т.н. «исламского призыва» (*даават*, в данном случае – информационно-пропагандистская работа среди населения), а их экстремистски настроенные единомышленники в своем псевдореволюционном порыве готовы к силовому захвату власти, для чего не исключают всех форм вооруженного насилия, включая применение террористических атак.

⁶ Добаев И.П., Умаров Д.В. Терроризм на Северном Кавказе: влияние экзогенного фактора. - Москва — Ростов-на-Дону, 2016. С. 30-31.

⁷ См. об этом подробнее: Добаев И.П. Идеологическое обоснование терроризма в мире и на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир. – 2015. - № 2. – С. 69-87; Добаев И.П. Идеологические конструкты радикального исламизма // Гуманитарий Юга России. – 2015. - № 2. – С. 121-129; Добаев И.П., Умаров Д.В. Терроризм на Северном Кавказе: влияние внешних факторов. – Москва – Ростов н/Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2016; Добаев И.П., Круглова А.Ю. Идеологические основы радикального исламизма // Философия права. – 2015. - № 2 (69). – С. 15-19.

⁸ См.: Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – 416 с.

К экстремистскому крылу исламских радикалов относятся организации, группы, отдельные лидеры, которые в качестве основного метода достижения своих целей используют вооруженную борьбу, в том числе и террористическую деятельность. Ведение пропаганды для них является вспомогательным средством, в основном, для привлечения в свои ряды новых сторонников. Наиболее известными теоретиками этого крыла исламистов выступают Сайид Кутб, Абд ас-Салям Фарадж, Аббуд аз-Зумр, Тарик аз-Зумр, Айман аз-Завахири и др. Эти и другие теоретики радикального исламизма в своих работах опираются на труды авторитетных улемов мусульманского прошлого, среди них Ибн Ханбал, Ибн Таймийя, Ибн Кассир, Аль-Куртуби, ан-Навави, М. Ибн Абд аль-Ваххаб и др.⁹

Ибн Ханбал и его последователи – Ибн Таймийя, Ибн Кассир, Аль-Куртуби, ан-Навави и др., а позднее, уже в XVIII в., Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб из аравийского Неджда – выступали за возвращение ислама к «золотому веку» - времени жизни и деятельности пророка Мухаммеда и четырех праведных (выборных) халифов (610-661 гг.), что совпадает с периодом жизни первых трех поколений мусульман. В тот период («золотой век») ислам был единым, не испытав последовавших позже расколов на направления, толки, идейные течения, появления суфийских братств и т.д. В этой связи Ибн Ханбал, его единомышленники и последователи квалифицировали все изменения в исламе, произошедшие после завершения «золотого века», в качестве бида' (греховных нововведений), и требовали очищения ислама от них. Иными словами, их идеалом был «чистый» ислам, поэтому они настаивали на необходимости возвращения именно к этому фундаментальному идеалу мусульманства. В этой связи, правда, значительно позже, западные оппоненты стали именовать их «фундаменталистами». Сами же они мыслили себя в качестве «салафитов». Этот термин произошел от арабского словосочетания «ас-салаф ас-салихун» («праведные предки»), что по временным характеристикам совпадает с жизнью и деятельностью

⁹ Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. – Ростов н/Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2015. – С. 126-127.

первых трех поколений мусульман, или жизнью и деятельностью пророка и «рашидун» (праведные халифы), или с «золотым веком» ислама. Сегодня термин «салафиты», равно как и «салафизм», прочно вошли в научный оборот не только на мусульманском Востоке, но и на Западе, а также и в России.

Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб (1703 – 1791), проповедник из Аравии, актуализировал концепцию джахилийи, осудив за развращенность распространенные народные верования и обычаи племен полуострова, утверждая, что они вернулись в состояние джахилийи (доисламского невежества), стали идолопоклонниками, а потому заслуживают смертную казнь за отступничество от ислама. Он проповедовал жесткую форму ислама, основанную на строгом толковании Корана, очищение ислама от позднейших наслоений. Основой его доктрины стал «таухид» (с арабского – «единство Бога»), осуждающий как идолопоклонничество любую возможность посредничества в общении с Богом. Заключение аль-Ваххабом союза с главой одного из аравийских племен Мухаммедом ибн Саудом стало прологом образования на территории Аравии нового государства, которое с 1932 г. именуется как Королевство Саудовская Аравия (КСА).

Ибн Абд аль-Ваххаб многие из своих толкований Корана обосновывал фетвами сирийского теолога Таки ад-Дина Ахмада ибн Таймийя (1263-1328 гг.), который жил в один из самых разрушительных периодов мусульманской истории, когда произошло завоевание исламских стран монголами, обращенными тогда же в ислам, но продолжавшими жить по «ясам» - монгольской правовой системе. В этой связи перед Ибн Таймийя был поставлен вопрос: законно ли мусульманам объявить джихад против других мусульман (монголов)? Таймийя в своих знаменитых «Фетвах о татарах» отвечал, поскольку монголы продолжали придерживаться Ясы – норм права, установленных Чингисханом, а не шариата, то они не настоящие мусульмане, а вероотступники, которых, исходя из шариата, следует покарать смертной казнью. Вести джихад против них было правом, даже долгом мусульман.

Мощное воздействие на радикализацию современного исламского движения в различных уголках мусульманского мира оказало создание в XX веке в духе салафитского обновленчества исламистских политических партий. Хасан аль-Банна (1906-1949 гг.) в 1928 г. основал в Египте организацию «Аль-ихван аль-муслимун» («Братья мусульмане»), а Маулана Абу аль-Аля Маудуди (1903-1979 гг.) в 1941 г. в Индии – «Джамаат-и ислами» («Исламское общество»). Оба имели сходные убеждения, особенно в отношении объединения ислама как всеобъемлющего учения в жизни мусульманской уммы. Они отстаивали необходимость создания подлинно исламского государства посредством введения шариата, который они рассматривали не только в качестве закона, основанного на Коране, но и как образ жизни салафитов.

Деколонизация в середине XX в. дала надежду салафитам на создание истинно исламских государств. Однако новые мусульманские лидеры избрали путь имитационных реформ. Их идеи о секуляризме, общественном суверенитете, национализме, правах женщин и конституционализме привели к прямому конфликту с салафитами, поднявшими вопрос об их легитимности как мусульманских лидеров, что создало взрывоопасную ситуацию. Ответом многих режимов стала непоследовательная политика, которая колебалась от компромиссов до репрессий¹⁰.

В такой ситуации не могла не появиться новая плеяда теоретиков салафизма, занявшаяся разработкой современных идеологических доктрин радикальных исламистов. Среди них особенно выделяются египтяне – С.Кутб, М.Шукри, М.Фарадж, А. аз-Завахири и др. При этом, как верно отметил авторитетный отечественный исламовед А.А. Игнатенко, в идеологических доктринах исламистов основообразующими категориями выступают два особым образом интерпретируемые понятия – такфир (обвинение в «куфре», т.е. неверии) и джихад (священная война за веру)¹¹. В

¹⁰ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008. – С. 16.

¹¹ См. подробнее об этом: Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. - № 2 (8).

этой связи радикальных исламистов нередко называют такфиритами-джихадистами.

Понятие «такфир» базируется на выделении т.н. «врагов ислама», куда по мысли современных теоретиков-исламистов, входят, во-первых, все немусульмане («кафиры» - неверные), а, во-вторых, мусульмане, не разделяющие идеологических взглядов исламистов («муртаддун» - отступники от ислама, а также «мунафикун» - лицемеры – т.е. те, кто верит неправильно или неискренне). Что касается концепции джихада, то она, в противовес мусульманской ортодоксии, стала квалифицироваться исключительно как война с «врагами ислама», причем радикальные исламисты допускают наступательный, инициативный характер этой борьбы.

Согласно мусульманской ортодоксии, джихад подразделяется на «большой» и «малый». Большой джихад – это ненасильственное стремление личности жить так, как подобает праведному мусульманину, следуя воле Бога. Он достигается приверженностью пяти столпам исламского вероучения: выражением ислама как веры (шахада), регулярными молитвами, постом во время месяца Рамадан, благотворительностью и совершением хаджа, паломничества в Мекку. Это требует дисциплины и усердия на протяжении всей жизни, постоянной напряженной работы по самоусовершенствованию. В противовес «большому», малый джихад – вооруженная борьба за ислам. Традиционная исламская юриспруденция определяла джихад в качестве обязанности мусульманина в мире, разделенном на «земли ислама» (дар аль-ислам) и «земли войны» (дар аль-харб). Мусульманское сообщество, умма, было обязано участвовать в джихаде, чтобы расширить «дар аль-ислам» по всему миру, дабы все человечество могло благополучно жить в пределах справедливого политического и общественного порядка. В интерпретации одной из школ мусульманского права подобная воинственность смягчалась введением понятия «земля мира» (дар ас-сульх), - это территории, где проживают

немусульмане, которые заключили перемирие с «дар аль-ислам», а потому не являются объектом джихада.

В рамках «малого» джихада существовало также более глубокое различие между оборонительным и наступательным джихадом. Если неверные вторгаются в «дар аль-ислам» и угрожают существованию в нем ислама и его исповедованию, богословское заключение на основе мусульманского права (фетва) может объявить состояние джихада против неверных. Это означает личную обязанность для каждого мусульманина (фард аль-айн) участвовать в оборонительном джихаде либо за счет непосредственного участия в борьбе, либо посредством финансовой поддержки, благотворительности и молитвы. Напротив, наступательный джихад для нападения на земли неверных (дар аль-куфр), чтобы подчинить их шариату, строгим нормам на основе Корана, подразумевает коллективную обязанность (фард аль-кифайя), которая может быть исполнена и, обычно, исполняется правительствами мусульманских государств без личного участия в ней отдельно взятых мусульман¹².

Что касается теоретиков современного радикального исламизма, то они не только отрицают деление джихада на «большой» и «малый», но говорят только об одном джихаде – боевом, зачастую делая акцент исключительно на наступательной версии джихада.

С.Кутб – теоретик и идеолог египетской ассоциации «Братья-мусульмане» в 50-60-е гг. XX в. - написал целую серию работ, в которых им развивались различные аспекты идеологии «исламского возрождения». Концепция С.Кутба делила общество на два типа: исламское общество, в котором признается власть одного Аллаха и действует шариат, и общество джахилийи (доисламского язычества), в котором люди сами творят законы и нарушают главный принцип единобожия – единовластие Аллаха (хакимийя). Согласно такому выводу, языческими является большинство современных обществ, в том числе те, которые считают себя исламскими, но не живут по

¹² Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. – Москва – Ростов н/Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2014. – С. 138.

шариату. Отрицание хакимийи, по сути, означает вероотступничество, ввергающее в неверие. Ислам и джахилийя – это абсолютно несовместимые системы, между которыми невозможно какое-либо мирное сосуществование или постепенная трансформация джахилийи в ислам. Восстановить власть Аллаха на земле можно лишь после того, как силой будет уничтожена джахилийя, и участие в этой борьбе есть обязанность каждого мусульманина.

В свою очередь, умеренный исламист, пакистанец Маудуди, вслед за своим предшественником М. Абд аль-Ваххабом, вновь актуализировал концепцию джахилийи как абстрактного понятия для описания системы верований и идей в Индии. Однако в его трудах нет ни единого намека на то, что он намеревался использовать ее для оправдания вооруженного восстания. Что касается жесткого радикала С.Кутба, то он взял положение ибн Таймия о долге джихада против вероотступников и, вырвав из контекста, концепцию Маудуди о джахилийи, по-новому соединил их, еще шире трактуя идеи М. Абд аль-Ваххаба. Объявляя существующие мусульманские общества джахилистскими, Сейид Кутб дает обоснование для отвержения и вооруженного выступления (джихад бис сайф) против номинально мусульманских режимов, избегая проблемы смуты (фитна). В его версии правоверные мусульмане воюют не против других мусульман, а против идолопоклонников. Вскоре после публикации самого яркого труда «Вехи на пути» египетское правительство Насера в очередной раз арестовало Кутба за подстрекательство к восстанию, и он был казнен в каирской тюрьме 29 августа 1966 г. Мученичество Кутба моментально придало его идеям импульс дальнейшего развития¹³.

Большое влияние идеи Кутба оказали на Шукри Мустафу, который довел до логического максимума положения доктрины джахилийи, основав в Египте секту «Джамаат аль-Муслимин» («Общество мусульман»), основным принципом которой стал инициативный изоляционизм его членов от порочного общества джахилийи. Однако его группа стала объектом

¹³ Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. – С. 140.

насмешек в прессе, которая изображала их сборищем фанатиков или преступников, помешанных на двуединой концепции отлучения и изгнания (ат-Такфир ва-ль Хиджра), именно под этим названием община М.Шукри и вошла в историю исламистского движения¹⁴. В 1977 г. после преследований со стороны правящего режима Египта эта секта исчезла, но ее идеи не были забыты последующими поколениями радикальных исламистов.

Наиболее известным последователем С.Кутба был Мухаммед абд аль-Салам Фарадж (1954-1981 гг.), являвшийся главой каирского отделения «Танзим аль-джихад» («Организация джихада»), осуществившего в 1981 г. убийство президента Египта – Анвара Садата. Свои идеи Фарадж сформулировал в своей брошюре «Забытый долг» («Аль-фарида аль-гайба»). В ней он, в частности, пишет: «Установление исламского государства – это обязанность мусульман: то, без чего что-то необходимое не может быть выполнено, (само) становится необходимым. Если, кроме того, (подобное) государство не может быть основано без войны, тогда и война точно таким же образом оказывается необходимой... Законы, которыми управляются мусульмане сегодня, это законы Безверия, на самом деле они являются сводами законов, созданными неверными, которые затем подчинили им (законам) мусульман... После исчезновения халифата, очевидно, в 1924 г., и (потом) отказа от законов ислама в их целостности, и (затем) их подмены законами, введенными неверными, положение (мусульман) стало подобным тому, которое было у монголов»¹⁵.

Фарадж подчеркивал, что ислам распространялся мечом, доказывая, что джихад в исламе не был оборонительным. Для обоснования своей позиции он процитировал из Корана «стихи меча»: «А когда закончатся запретные месяцы, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте» (Коран 9:5).

¹⁴ Там же. – С. 141.

¹⁵ Faraj M. Al-Faridah al Ghaibah, in Johannes Jansen, The Neglected Duty: The Creed of Sadat's Assassins and Islamic Resurgence in the Middle East. – New York: Macmillan, 1986. – P. 165-167.

Фарадж также отрицал как опасное современное нововведение - различие большого джихада (усилия по самоусовершенствованию мусульманина, борьба с собственными дурными наклонностями) и малого джихада (война против врага), потому что оно умаляет ценность борьбы посредством меча. Точно также, по его мнению, и отсутствие халифа не является оправданием для переноса джихада. Все это делало тем более необходимым организацию джихада ради возвращения мусульманским народам ислама. Цена отказа от джихада – это «низость, унижение, разделение и раздробленность, в которых мусульмане живут сегодня»¹⁶.

Общая стратегия джихада у А.Фараджа определяется представлениями о «враге ближнем» (мусульмане, которые не разделяют идеологических воззрений и практику радикалов), «враге дальнем» (немусульманские противники радикалов, прежде всего, представители западно-христианской цивилизации) и о джихаде как об индивидуальной обязанности для каждого мусульманина (фард айн). По мнению А.Фараджа, джихад становится обязательным, в том числе, и в том случае, если правитель мусульманского государства отвергает руководство по шариату. Тогда такого правителя нужно свергнуть, и джихад становится индивидуальной обязанностью каждого мусульманина. На его ведение не нужно даже специального разрешения улемов, джихад становится такой же индивидуальной обязанностью, как пост и молитва¹⁷.

Копии труда Фараджа были обнаружены в домах подозреваемых в заговоре в ходе волны арестов после убийства президента Садата. Сама работа была опубликована в Египте лишь после того, как египетское правительство потребовало от богословов исламского университета Аль Азхар опровергнуть его тезисы. Дебаты относительно обвинений в джахилии и такфире восходят к сути спора между традиционалистами и воинствующими салафитами о значении джихада и законности внутреннего

¹⁶ Ibid. – P. 205.

¹⁷ Ат-Тураби Х. Аль-Харака аль-исламия фи ас-Судан (Исламское движение в Судане). - б.м. - б.г. - С. 4-5.

вооруженного восстания (фитны), учитывая запрещение фитны. Сторонники вооруженного пути, подобно Фараджу, использовали выборочное цитирование Корана для обоснования своих выводов. Например, в своей трактовке «стихов меча» он цитировал лишь их первую часть. В Коране же имеется продолжение: «Если они обратились и выполняли молитву и давали очищение, то освободите им дорогу: ведь Аллах – прощающий, милосердный» (Коран, 9:5). Эта последняя часть опровергает обоснование убийства без разбора «врагов ислама», используемое сторонниками вооруженной борьбы.

Салафитский джихад, таким образом, - это мусульманское обновленческое движение, оправдывающее насильственное свержение местных мусульманских правительств как «ближнего врага» с целью установления исламистского государства.

Вместе с тем, не стоит забывать, что подобно другим священным книгам, Коран открыт для разных, порой противоположных друг другу интерпретаций. В нем содержатся призывы, как к любви, так и к ненависти и насилию, и было бы иллюзией пытаться однозначно толковать коранические тексты исключительно как проповедь мира. Тем более сегодня, когда целые исламские теологические школы и ведущие духовные авторитеты открыто проповедают ненависть к «неверным», отвергают право на существование других религий и благословляют терроризм. Используя отдельные положения из Корана и других священных книг ислама (как, например, призыв «убивайте их там, где найдете, и вытаскивайте их отовсюду, где бы они не прятались»), исламские теологи оправдывают захват чужих земель, подчинение и убийство немусульман. Современные мусульманские школы провозглашают «всемирный джихад» против «неверных» и демонстрируют особенное презрение к евреям, которых они называют не иначе, как «потомками свиней и обезьян»¹⁸.

В последующем на рубеже 80 – 90-х гг. XX в. новый лидер «Аль-

¹⁸ Либлер Изи. Где найти умеренного исламиста? // Эхо (русскоязычная еженедельная газета, Израиль). - 2011. - 7 марта.

Джихада» Аббуда аз-Зумра насытил идеологическую доктрину организации новыми концепциями. Помимо него, еще одним плодотворным автором движения выступил Тарик аз-Зумр. Особенности трактовки ими концепции джихада практически не отличаются от идей А.Фараджа. Так, по мнению Аббуда аз-Зумра, джихад есть фард айн – то есть индивидуальная обязанность каждого мусульманина, который должен участвовать в нем по мере своих сил и возможностей¹⁹. Другой теоретик исламизма Тарик аз-Зумр считал, что высшее проявление из всех форм джихада – это вооруженная борьба. Он резко критиковал тех лидеров из числа исламских радикалов, которые ограничиваются только идейной борьбой²⁰. Более того, джихад в таком случае имеет наступательный характер, и необязательно, чтобы неверные инициировали нападение первыми, «достаточно, чтобы они всего лишь имели признаки тех людей, с которыми надлежит воевать»²¹.

Следует также отметить, что «Аль-Джихад» отверг тактику постепенной «исламизации снизу». Такая стратегия основывается на изменении общества посредством осуществления т.н. «исламского призыва». Однако «Аль-Джихад» считает, что общество трудно изменить, пока оно будет находиться под властью режима неверных, способного применять и использовать разнообразные методы, препятствующие мирной исламизации. По мнению идеологов организации, стратегия «исламизации снизу» демонстрирует свою ограниченность в деятельности «Братьев-мусульман» и салафитских джамаатов. Первые замыкаются рамками интеллигенции и отрываются от масс, вторые практически утратили чувство реальности. Более того, для «Аль-Джихада» неприемлемо какое-либо участие в парламентской деятельности: это означало бы признание того, что источником законов может быть не Аллах, а его творения – люди²².

В конце 80-х годов Усама Бен-Ладен вместе с Айманом аз-Завахири создали «Аль-Каиду» в Афганистане, определив свою стратегию и ключевые

¹⁹ Ерасов Б. Культура, религия и цивилизация на Востоке. - М., 1990. - С. 73.

²⁰ Там же. - С. 147-148.

²¹ Ruthven M. Islam in the World. - N.Y., Oxford, 1984. - P. 308.

²² Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте. – М., 2003. - С. 88-89.

цели на перспективу. Согласно салафитской идеологии, которую проповедует эта структура, главный удар должен быть направлен против режимов в мусульманских и, прежде всего, арабских странах. Эти режимы рассматриваются как искусственные, противоречащие исламским нормам, представляющие собой орудие Запада по контролю над мусульманским миром. Они были противны «букве и духу Корана» и препятствовали мусульманам в создании «подлинно мусульманского общества». Ближневосточные режимы, утверждали салафиты, были результатом колониальной политики западных держав, которые произвольно разделили арабский мир границами и создали марионеточные правительства. Это, в свою очередь, привело к национализму, взаимным конфликтам и возвышению светской идеологии, не имеющей никакого отношения к принципам подлинно исламского правления. Все это ослабляло арабский мир и не позволяло ему объединить свои силы против истинного врага, коим является западная цивилизация, утверждал влиятельный представитель и наставник Бен-Ладена палестинец Абдалла Азам²³.

Исходя из своего мировоззрения, «джихадисты» стремились свергнуть «искусственные марионеточные режимы» в Египте, Ливии, Саудовской Аравии и других странах региона и создать на их месте единое исламское государство – халифат, основанный исключительно на предписаниях Корана и других священных арабских текстов. С момента создания «Аль-Каиды», ее региональные ответвления и родственные группировки прилагали отчаянные усилия для достижения цели, мобилизуя боевиков для «джихада», распространяя идеологию и осуществляя дерзкие вылазки, однако до последнего времени все попытки расшатать и свергнуть арабские режимы терпели фиаско.

Отсюда неизбежно следует мысль о том, что практически невозможно победить «врага ближнего», не нанеся мощные удары по «врагу дальнему». Тем не менее, в своей фетве «Изгоняйте неверных с Аравийского

²³ Лапин Яков. «Аль-Каида»: провал или «окно возможностей»? // THE JERUSALEM POST. - 2011. - 10 марта.

полуострова», объявленной Усамой Бен Ладеном 8 августа 1996 г., лидер «Аль-Каиды» отстаивал понятие оборонительного джихада для изгнания неверных из мусульманских стран. Однако уже 18 февраля 1998 г. в фетве Мирового Исламского Фронта, объявившей «джихад против евреев и крестоносцев», Бен Ладен расширил свое прежнее понимание джихада, от оборонительного до наступательного. Мировой салафитский джихад теперь ведет борьбу с «врагом дальним» (Соединенные Штаты и Запад в целом) на его территории или в третьих странах. Оправданием для этого нового типа джихада служило то, что «оккупация» Соединенными Штатами Америки Саудовской Аравии, поддержка Израиля и убийства иракских детей были «открытым объявлением войны Аллаху, его Посланнику, и мусульманам». В фетве постулируется: «Постановление убивать американцев и их союзников – гражданских и военных – это личная обязанность для каждого мусульманина, который может исполнить ее в любой стране, в которой это можно сделать... Мы – с помощью Аллаха – призываем каждого мусульманина, кто верит в Аллаха и желает награды за выполнение приказов Аллаха, убивать американцев и расхищать их богатства, где и когда они найдут их. Мы также призываем мусульманских улемов, лидеров, молодежь и солдат совершать нападения на американские войска Сатаны и союзных с ними сторонников Дьявола и отстранять тех, кто укрывается за ними, дабы они смогли извлечь урок»²⁴.

К концу 90-х гг. новые идеи выдвинул один из лидеров зарубежного руководства «Аль_Джихада» - Айман аз-Завахири, главный идеолог «Аль-Каиды» и «Мирового фронта джихада», в июне 2011 г., после уничтожения Усамы бен-Ладена, ставший лидером «Аль-Каиды». Прежде всего, он обосновал идею глобального джихада, в первую очередь, с «дальним врагом» - альянсом мирового куфра. Под ним он подразумевает, прежде всего, страны Запада, в первую очередь США и Израиль; потом в этот список попала и Россия, примкнувшая, по мнению исламистов, к этому союзу. А. аз-Завахири

²⁴ Цит. по: Сейджман М. Указ соч. – С. 27-28.

пишет: «Не следует считать, что борьба за создание исламского государства является региональной войной. Альянс крестоносцев и сионистов, возглавляемый США, не позволит мусульманским силам прийти к власти в какой-либо из мусульманских стран. Надо готовиться к тому, что эта борьба не ограничится рамками одного региона, она будет вестись как против внутреннего врага – вероотступников, так и против внешнего – альянса крестоносцев и сионистов»²⁵. По его мнению, джихад с «дальним врагом» нельзя откладывать, поскольку альянс евреев и крестоносцев не дает ни времени, ни шансов нанести поражение «внутреннему врагу». Поэтому А. аз-Завахири предложил перенести войну за пределы исламского мира на территорию врага. В частности, он высказывался за то, чтобы вывести успешный джихад за освобождение мусульман из пределов Афганистана и Чечни и перенести его с окраин исламского мира в его самое сердце²⁶.

В преддверии ударов террористов по целям в Америке 11 сентября 2001 г. в своей программной книге «Рыцари под знаменами Пророка» А. аз-Завахири объявил, что новый джихад является борьбой между исламом и враждебными мировыми силами: западными державами и Россией, использующими «набор средств», включая «1. Организацию Объединенных наций. 2. Дружественные правители мусульманских народов. 3. Транснациональные корпорации. 4. Международные коммуникации и системы обмена данных. 5. Международные информационные агентства и спутниковые информационные каналы. 6. Международные организации помощи, которые используются как прикрытие для шпионажа, прозелитизма, подготовки переворотов и перевозки оружия». Противостояла этому врагу новая исламистская фундаменталистская коалиция, состоящая из джихадистских движений в различных землях Ислама: «Она представляет собой растущую силу, которая собирается под знаменами джихада во имя Бога и действует за рамками нового мирового порядка». Аз-Завахири описывал ситуацию как новый феномен молодых моджахедов, которые

²⁵ Там же. - С. 89.

²⁶ Enayat H. Modern Islamic Political Thought. - Austin, 1982. - P. 84.

«оставили свои семьи, страны, богатства, учебу и работу в поисках полей брани джихада во имя Господа». По его мнению, не существует никакого решения возникших проблем без джихада. Предательство мирного алжирского фундаменталистского движения показало бессмысленность «всех других методов, которые пытались избежать принятия бремени джихада»²⁷.

Аз-Завахири объявил, что джихад должен продемонстрировать измену мусульманских правителей и их апологетов, которая вытекает из-за отсутствия у них веры и их поддержки неверных против мусульман. Поэтому исламистское движение должно установить исламское государство в центре мусульманского мира, из которого впоследствии вступит в бой за восстановление халифата, основанного на традициях пророка. «Если успешные операции против врагов ислама и серьезный урон, нанесенный ими, не послужат достижению конечной цели создания мусульманской нации в сердце исламского мира, - доказывал он, - независимо от их масштабов они будут не более чем нарушением порядка, который можно вынести и стерпеть, даже если они продлятся некоторое время и принесут определенные потери»²⁸.

Для достижения успеха аз-Завахири требовал от единомышленников сблизиться с массами простых мусульман, быть среди них или слегка впереди, а не изолированными от них. Для этого «движение джихада должно посвятить деятельность одного из своих крыльев работе с массами, проповедям, создать службы поддержки мусульман, разделять их заботы всеми возможными для благотворительности и образовательной работы путями; ни одну из сфер жизни мы не должны оставить неохваченной»²⁹.

Для эффективной мобилизации массам нужно руководство, которому они могут доверять, понимать и следовать; ясный враг, по которому нужно нанести удар, и избавление от цепей страха и слабости в их душах. Аз-

²⁷ Al-Zawahiri A. Knights Under the Prophet's Banner. Serialized in eleven parts in Al-Sharq al-Awsat (London). – 2001. - July 4. Part 11.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

Завахири так описывает основную цель движения исламского джихада, невзирая на жертвы и время, которые она потребует: «Освобождение мусульманской нации, противостояние врагам ислама и начало джихада против них требуют мусульманской власти, установленной на мусульманской земле, которая поднимет знамя джихада и соберет под ним мусульман. Без достижения этой цели наши действия будут не более чем простыми и повторяющимися беспорядками, которые не приведут к желаемой цели, а именно восстановлению халифата и изгнанию захватчиков с земли Ислама»³⁰.

После терактов в Америке и начала антитеррористической операции А. аз-Завахири в своей книге «Аль-Валайя ва-ль-бараа» подчеркнул, что ныне каждый мусульманин должен руками, языком или хотя бы в помыслах оказывать противодействие оккупантам. В книге он обнародовал своеобразную фетву, в которой говорится о том, что мусульманину запрещено сближаться с кафирами, следует хранить в тайне любые секреты мусульман. Запрещено вести какие-либо дела с кафирами. Запрещено воспринимать какие-либо теории и идеи безбожников. Запрещено помогать кафирам в их войне с мусульманами и как-то оправдывать крестоносцев. Мусульманам предписано вести джихад с безбожными агрессорами, отступниками и лицемерами (под двумя последними подразумеваются арабские режимы, предоставившие свою территорию для антитеррористической кампании, а также улемы, издающие лживые фетвы, купленные властями)³¹.

В свою очередь, уничтоженный в июне 2006 г. в Ираке лидер местной ячейки «Аль-Каиды», иорданский террорист Абу Мусаба аз-Заркави в своей лекции, размещенной на многих сайтах, под заголовком «Вы больше знаете или Аллах?» заявил, что «джихад есть обязательная война против неверных». Термин «гражданское население», утверждал аз-Заркави, является «ложным», поскольку ислам не делит людей на гражданских и военных: он

³⁰ Ibid.

³¹ Ражбадинов М.З. Указ. соч. - С. 91-92.

знает лишь разделение людей на мусульман и неверных. И если «кровь мусульманина запретна, чтобы он ни делал и где бы ни находился», то «кровь неверного дозволена, чтобы он ни делал и где бы ни находился, если с ним не заключен договор или он не был пощажен»³².

Аз-Заркави делит людей на три разряда: 1. мусульмане; 2. неверные, мирно относящиеся к исламу, т.е. вошедшие под покровительство (зимма) мусульман, заключившие с ними перемирие (худна) или пользующиеся предоставленной им пощадой (аман); 3. все прочие люди. Последних аз-Заркави объявляет «воюющей стороной»: шариат, напоминает он, лишает их защиты и дает мусульманам право убивать их, делая исключение лишь для отдельных категорий (в первую очередь, детей и женщин). На этом основании, считает аз-Заркави, «неверие в Аллаха – достаточное основание для убийства неверного, чтобы он ни делал и где бы ни находился»³³.

Таким образом, усилиями зарубежных, прежде всего египетских исламистских теоретиков, к началу XXI века сложилась стройная идеологическая доктрина такфиритов-джихадистов, являющаяся идеологическим обоснованием современного терроризма, прикрывающегося исламским вероучением, а также оправданием жестокой политической практики радикальных исламистов и террористов. Идеологи «Аль-Каиды» адаптировали эту доктрину применительно к современным реалиям. Что касается «Исламского государства» или «Фронта победы» («Джабхат ан-Нусра»), то в своей агитационно-пропагандистской деятельности они используют идеологические клише «Аль-Каиды», не привнеся чего-либо нового в данном направлении. И это неудивительно, поскольку «Исламское государство» возникло на базе радикальной исламистской группировки «Аль-Каида в Ираке», а «Джабхат ан-Нусра» ранее именовалась, как «Аль-Каида в Сирии».

Что касается современного Северного Кавказа, то, несомненно, на adeptов северокавказского терроризма огромное влияние оказывали и

³² Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. – С. 150.

³³ Там же. – С. 150-151.

продолжают оказывать ультрарадикальные идеи зарубежных исламистских радикалов, где путь вооруженного противодействия и диверсий – по версии радикалов – джихада, был началом и завершением всякой борьбы с «системой куфра» (неверия) и их «пособниками» из числа т.н. «отступников» («муртаддун») и «лицемеров» («мунафикун»). Под первыми понимаются этнические мусульмане, чаще всего, сотрудники силовых структур, поэтому против них и направлено, в первую очередь, острие терроризма; под вторыми – представители официального ислама.

Идеолог и практик ультра-радикального крыла дагестано-чеченской салафийи Багауддин Мухаммад выделяет три вида или типа взаимоотношений «кафиров» и мусульман. Первый тип – это *Ахль аль-Зимми* - «неверные», которые проживают среди мусульман и подчиняются исламскому порядку: то есть заключают договор, живут на договорных началах - отсюда *зимма* с араб. «договор». За обеспечение безопасности и условий для добычи пропитания зиммии - «договорники», платят подушный налог (*джизью*), который освобождает их от воинской повинности и позволяет пользоваться минимумом благ данного региона-государства. Второй тип взаимоотношения мусульман с немусульманами – это «*муадис*»: «неверные», находясь на своей территории, заключают некое подобие пакта о ненападении. «Третий тип кафира, – продолжает Багауддин, - «*харби*», находящийся у тебя на земле и между нами военное положение. Тогда другое дело, если речь идет о тех русских войсках, находящихся на нашей земле; приехавших сюда, чтобы навязать свои порядки; охраняющих здесь законы московских правителей. Мы этих людей будем изгонять из нашей земли, и убивать на месте, и это до тех пор, пока они не уйдут с нашей земли, или же приняв ислам, не перейдут на нашу сторону – это для них самый лучший вариант. Я бы сказал всем этим русским войскам: пока для них не наступила смерть, пусть они полностью переходят на нашу сторону и если они, при этом, примут ислам, то они станут нашими братьями и будут жить среди нас, деля с нами горе и радость и мы будем их кормить тем же, что и сами едим.

Они станут братьями и будут защищены нами, ибо они будут находиться под защитой Аллаха. Если же они этого не сделают, то пусть они отсюда убираются или мы их *ИншаАллах*, выгоним. Вот такое положение должно быть, когда речь идет о русских, именно выгонять и бороться с теми из них, кто пришел на нашу землю утверждать свои законы»³⁴.

В последующем на Северном Кавказе появились и другие идеологи радикального исламизма, среди которых можно назвать дагестанца Абузагира Мантаева, кабардинца Анзора Астемирова, бурята Саида Бурятского и некоторых других. Характерно, что все они, будучи активными членами террористического бандподполья, были уничтожены в ходе боестолкновений с сотрудниками правоохранительных структур, не сумев вырасти в авторитетных идеологов даже регионального масштаба.

Тем не менее, вследствие и их усилий, современные чеченские войны, особенно вторая, привнесли в регион самые последние идеологические наработки зарубежных исламских экстремистов, стали кузницей наиболее идеологически подготовленных и непримиримо настроенных по отношению к России исламистов. Сепаратистски ориентированные носители исламистской идеологии продолжают привлекать в свои ряды молодых боевиков практически во всех республиках Северного Кавказа. Например, в 90-е гг. начала оформляться идеология движения «молодых мусульман» в Кабардино-Балкарии, в основу которой была положена идея активизации и частичной модернизации исламской жизни в республике. Методами формирования этой идеологии стали организация системы исламского образования, пропаганда своих взглядов в общеобразовательных и спортивных школах; формирование контингента грамотных проповедников, способных произносить пятничные хутбы, во время которых подробно разъясняются основные постулаты идеологии современного исламизма и т.д. Ведущими распространителями идеологии радикального фундаментализма в республике стали выпускники саудовских исламских институтов Мусса

³⁴ Пятничная проповедь Б.Мухаммеда в исламском институте «Кавказ» // Аль-КАФ. - 1998. - № 6.

Мукожев и Анзор Астемиров, ставшие организаторами известных событий, имевших место 13-14 октября 2005 г. в Нальчике.

Например, бывший «кадий Имарата Кавказ, амир объединенного вилайята Кабарды, Балкарии и Карачая Сайфуллах» (он же – Анзор Астемиров) предоставил ответы на вопросы корреспондента одного из исламистских сайтов, из которых четко прослеживаются его идеологические приоритеты. В частности, он обвиняет северокавказских мусульман в язычестве, подчеркивая, что «в нашем обществе главной и доминирующей является такая форма язычества как служение России с ее конституцией и ее законами», отмечая далее, что «практикуются такие языческие обряды и ритуалы, как присяга на верность России (в армии, милиции, политических партиях и т.п.), клятва уважать конституцию при получении паспорта, возложение венков к могилам «героев России», которые убивали мусульман в Афганистане и на Кавказе и т.д. Также широко распространены такие языческие традиции, как участие в выборах депутатов парламента. Так что язычество это не только поклонение камням и деревьям. ...Поэтому мы считаем своей первоочередной задачей борьбу против этой формы язычества, как самой опасной для общества...». Обвинив мусульман, прежде всего сотрудников правоохранительных органов, в такого рода «язычестве», «кадий Сайфуллах» практически дал санкцию на их убийства, тем более что, по его мнению, «...со временем, под влиянием российской пропаганды, большинство из них заняли твердую антиисламскую позицию».

Таким образом, в ходе второй чеченской кампании, особенно со второй половины 2005 г. в экстремистском подполье, как активные участники террористических групп, появились молодые представители северокавказской мусульманской интеллигенции: студенты, аспиранты, ученые и т.д. Например, один из уничтоженных 9 октября 2005 г. в Махачкале боевиков т.н. джамаата «Шариат» - Абузагир Мантаев – в 2002 г. в Москве защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата

политических наук на тему «Ваххабизм и политическая ситуация в Дагестане». Некоторое время он работал в Духовном управлении мусульман Европейской части России. В 2005 г. возвратился в Дагестан и влился в ряды террористов «Шариата». И таких примеров по республикам Северного Кавказа немало, среди идеологов и одновременно практиков «джихадизма» уже назывались М.Мукожев, А.Астемиров, С.Бурятский и др.

Вместе с тем, после уничтожения этих и других «идеологов» северокавказского терроризма, наблюдается явный недостаток такого рода кадров в составе бандподполья, в этой связи ведется усиленный поиск новых фигурантов и одновременно наблюдается вынужденный переход на «идеологические суррогаты». Об этом, в частности, свидетельствует интервью некоего «амира Баксанского района вилайята Кабардино-Балкарии Имарата Кавказ» Ташу Казбека. В своем многословии, далеком от доказательной базы салафитов, ссылающихся на сакральные источники мусульманства, этот «моджахед», безо всяких обиняков, ретранслирует пропагандистские клише безвременно ушедших из жизни сотоварищей: «... Наши враги совершают куда более гнусное преступление – они поклоняются идолам, которые наделили себя правом издавать законы, противоречащие Закону Аллаха! А обожествление кого-то или чего-то наряду с Аллахом – самый тяжкий грех. И главная причина, которая побудила нас взять в руки оружие – это защита религии от язычников и возвышение слова Аллаха. ... Работа по уничтожению беспашаевых и других подобных выродков будет проводиться планомерно и методично»³⁵.

Имеющиеся в нашем распоряжении примеры свидетельствуют, что в последние годы в террористическом движении региона произошла смена поколений: в войну вступило новое, молодое поколение северокавказских этносов, зараженное вирусом русофобии и сепаратизма, а потому более ожесточенное и дерзкое, нежели их предшественники. Определенная их часть готова к вооруженной борьбе с властями во всех ее формах. Однако

³⁵ Там же. – С 155.

следует согласиться с московским исламоведом Д.В.Макаровым, который еще в 2000-м году сделал правильный вывод о том, что лидеры российского исламизма до сих пор пока еще «не создали ни одного оригинального произведения, которое позволило бы говорить о появлении...» у них «... собственной политической идеологии, соответствующей современным... реалиям. Общие рассуждения о необходимости введения шариата... не смогли компенсировать отсутствие социально-политической программы у этого движения...»³⁶. Этот вывод продолжает оставаться актуальным и в настоящее время.

Таким образом, идеология современного джихадистского движения, базируясь на постулатах, выдвинутых в свое время Ибн Ханбалой, Таки ад-Дином ибн Таймийей, М. Ибн Абд аль-Ваххабом и другими радикалами минувших эпох, ведет свое происхождение из Египта, так как ее главными вдохновителями были С.Кутб, М.Шукри, М.Фарадж, А. аз-Завахири и др. Она ясно проповедует идею ненависти к немусульманским, прежде всего, к западным ценностям, таким, как индивидуализм, социальный плюрализм, верховенство светского законодательства над религиозным правом, отделение религии от политики и т.д. Ее призыв основывается на очевидной простоте, доступности и непротиворечивости идеологических аргументаций, четком определении «врагов ислама» и необходимости ведения против них «джихада». Все это находит отклик и понимание в среде молодых мусульман, как правило, маргиналов, не слишком образованных в традиционном мусульманском вероучении, которое они к тому же отвергают.

В этой связи не следует забывать, что в зарубежных средних и высших мусульманских учебных заведениях, в том числе и исламистского толка, продолжают учиться сотни, а может быть, и тысячи молодых северокавказцев. На родине их с нетерпением ждут те, кто делает ставку на дальнейшее развитие идеологической составляющей «джихада», и порой не без оснований.

³⁶ Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. - М., 2000. - С. 48.

Краткий обзор этапов развития современной идеологической доктрины радикальных исламистов в мире и, в частности, на Северном Кавказе со всей очевидностью свидетельствует о привнесении на территорию регионов России практически всех идеологических постулатов радикального исламизма, об экзогенности идеологического фактора в деятельности северокавказского бандподполья.

Одновременно еще раз подчеркнем, что, несмотря на многообразие идеологических доктрин радикальных исламистов прошлого и настоящего, их главными, основообразующими элементами выступают два конструкта — «такфир» и «джихад». В этой связи в последующих параграфах более подробно рассмотрим трансформацию содержания этих понятий от эпохи раннего ислама до современного состояния их осмысления идеологами радикального исламизма.

1.2. Исламистский «такфир»: определение «врагов ислама»

Ислам, как мировая религия, весьма толерантна, выступает религией мира, милосердия и терпимости, что лежит в основе ее вероучения, зафиксированного в Коране и Сунне. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что «эндогенные, внутренние факторы, которые радикализуют ислам», как подметил А.А. Игнатенко, нетрудно обнаружить в текстах все тех же священных источников мусульманства - Коране и Сунне, а также в трудах некоторых исламских ученых, начиная от Ахмада ибн-Ханбала (783-855) и Ибн-Таймийя (1263-1328), вплоть до идеологов современного фундаментализма Аль-Маудуди (Пакистан), Сайида Кутба (Египет) и т.д.

Анализируя базовые политико-мировоззренческие постулаты основных доктринальных течений в исламе, можно выделить некоторые общие характерные особенности, лежащие в основе его радикальной составляющей.

Среди них - ***молодость ислама***, поскольку мусульманская религия возникла значительно позже других мировых монотеистических систем и в

отличие от них не исчерпала своих возможностей. В аналогичном «возрасте», например, христианство также нередко демонстрировало радикализм, в частности, организовав целую серию «крестовых походов» против мусульман. Ислам же сегодня находится в расцвете своих сил, играя активную роль в современном мире.

Другой особенностью выступает *тотальность ислама*, под которой большинство современных ученых понимают широкий охват исламской религией всех сфер жизнедеятельности верующих. Это не только вера, но и экономическое и социальное устройство, и управление, и семья, и быт. Шариат определяет как правовые, так и нравственные отношения. Все это в совокупности приводит к тому, что ислам выступает как образ жизни, всецело определяющий мировоззрение и поведение людей³⁷. Идеолог фундаменталистской организации «Братья-мусульмане» С.Кутб в этой связи отмечает: «Ислам - последнее, полное послание всему человечеству, гласящее о человеческом благоразумии, включающее всеобъемлющее толкование, на котором основывается уклад человеческой жизни, выводящий людей из невежества к божественности, а их реальную жизнь - к шариату Аллаха, их совесть - к богобоязненности»³⁸.

Характерной для мусульманства, как системы, выступает неразрывная *связь ислама и политики*. Так, иранский автор М.Санаи подчеркивает: «Безусловно, общепризнанным является то, что ислам по сравнению с другими религиозными учениями имеет наиболее тесные и глубокие связи с политикой и властью как важнейшими средствами реализации своих принципов. Поэтому среди мусульман сохраняется особая приверженность политике, подпитываемая непосредственно исламским учением». В свою очередь, С.Кутб поясняет причины этому: «Приверженцы исламской религии должны хорошо знать, что Ислам по сути своей - небесная религия, и что его руководство к действию - также небесный закон, совпадающий с природой этой религии. Ни в коем случае нельзя отделять истину этой религии от ее

³⁷ Аль-Маудуди. Основы ислама. - М., 1993. - С. 102-126.

³⁸ Кутб С. Будущее принадлежит исламу. - М., 1993. - С. 19.

руководства к действию. ...Шариат Аллаха означает все то, что законодательно ниспослано Всевышним для организации человеческой жизни. Шариат находит свое воплощение в основах веры, в принципах власти...»³⁹.

Другой особенностью выступает идея "**завершения пророчества**", которая в трактовке мусульманских теологов означает, что пророк Мухаммед был последним посланником Бога на земле, «печатью пророков», и принес человечеству окончательную истину: «...Исламский призыв, с которым выступил Мухаммед, посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, представляет собой последнее звено в долгой цепи призывов к Исламу, проводившихся под руководством целой плеяды благородных посланников...». Это свидетельствует об исключительности мусульман как избранной общности и особом положении ислама по сравнению с другими религиями⁴⁰.

Важным фактором выступает и **аутентичность ислама личности мусульманина**, под которой понимается полное выражение мусульманской религии в личности верующего: «Ислам заявил о том, что объединяет или разделяет людей не цвет кожи, не пол, не происхождение, не общая территория и не общие интересы, а вера, являющаяся связующим звеном между ними и Господом их и определяющая собой их отношения друг с другом»⁴¹. Иначе говоря, мусульмане всех стран одинаковы, независимо от этнических, расовых и иных отличий. Это люди, сформированные исламом, составляющие единую общность - "умму"⁴². Поэтому мусульмане независимо от страны, в которой они проживают, тянутся друг к другу как братья по вере. Отсюда различные панисламистские концепции, пропагандирующие объединение всех мусульман мира в единое государство.

³⁹ Санаи М. Исламская революция, международное право и диалог цивилизаций // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. - М., 1999. - С. 13.

⁴⁰ Кутб С. Вехи на пути Аллаха. - Махачкала, 1997. - С. 226.

⁴¹ Кутб С. Эта религия. - Махачкала, 1997. - С. 174.

⁴² Аль-Маудуди. Образ жизни в исламе. - М., 1993. - С. 44.

В восприятии же мусульманина-радикала религиозная община единоверцев-мусульман выступает в качестве главной мировоззренческой ценности. С.Кутб по этому поводу пишет: «...ислам предполагает существование Исламского общества, под покровительством которого каждый отдельный мусульманин мог бы жить, придерживаясь своей религии и обязательных с точки зрения этой религии нравственных установок. ...вне такой среды жизнь мусульманина становится невозможной или, по меньшей мере, весьма трудной...»⁴³. Этот же автор в своей книге «Вехи на пути Аллаха» идет еще дальше: «Что касается подлинно богоизбранного народа, то это - мусульманская Умма, которая осенена знаменем Аллаха, независимо от относящихся к ней рас и народов, независимо от цвета их кожи и места жительства»⁴⁴: «Вы были лучшей из общин, которая выведена для людей: вы приказывали одобряемое и удерживали от неодобряемого и веровали в Аллаха...» (Семейство Имрана, аят 110).

Для фундаменталистского течения в суннитском исламе отличительным свойством также выступает *идеализация и мифологизация государственно-политической системы, которая существовала в мусульманском мире в период правления пророка Мухаммеда и первых четырех "праведных" халифов (Абу-Бакр, Омар, Осман, Али), стремление к ее возрождению.*

Интеллектуальное и политическое движение, ставящее целью возвращение к первоосновам (фундаменту) религии, в исламском мире получило название «салафизм» (а в трудах западных ученых - фундаментализм). Сторонники салафизма выступают за то, чтобы мусульмане во всех своих действиях и верованиях, нормах и правилах следовали тому, что существовало и делалось в период первоначального ислама.

Необходимо отметить, что сама по себе логика возвращения к первоистокам для исправления недостатков, привнесенных временем и людским несовершенством, является вполне законной с точки зрения

⁴³ Кутб С. Эта религия. - С. 135.

⁴⁴ Кутб С. Вехи на пути Аллаха. - С. 322.

религиозного сознания. Более того, для мусульманской цивилизации подобная логика представляет собой базовую модель, обеспечивающую сохранение и развитие духовной традиции и социально-религиозного самосознания. На протяжении всей истории Ислама обращение к истокам, к фундаменту традиции выступало как средство преодоления кризиса и упадка в переходную эпоху. Однако, как подчеркивает автор статьи «Ваххабизм: история проблемы» Идрис Абдуллах, «реальное преодоление этого кризиса могло быть достигнуто лишь при полностью адекватном понимании Откровения не только с точки зрения буквы, но и с точки зрения духа исламского учения. Эта духовно-историческая миссия осуществлялась великими подвижниками, на которых была возложена сакральная функция обновления (таджид), согласно хадису о том, что Бог посылает обновителей (муджаддидун) Уммы каждое столетие»⁴⁵.

Современная салафитская литература основательно насыщена восхвалением периода «золотого века» ислама. Например, пакистанский автор, основатель современной фундаменталистской организации «Джамаат-и-Ислами» Аль-Маудуди, идеализируя состояние первоначального ислама, пишет: "Вы можете наблюдать, несмотря на жалкое положение, до которого докатилась исламская умма, следы того отпечатка, который она носила на первом этапе своей истории. Если вы заглянете в душу любого мусульманина, каким бы порочным и безнравственным он ни был, и копнете ее, то узнаете, что больше всего он тоскует по тому идеальному обществу, которое основал Мухаммед, да благословит его Аллах и приветствует, и его праведные халифы. Каждый мусульманин рассматривает этот золотой этап в качестве образца и примера, испытывая к нему пылкую любовь, и мечтает увидеть его еще раз воплотившимся в жизнь"⁴⁶. Ему вторит С.Кутб: «Уникальное кораническое поколение - ... это поколение асхабов - сподвижников Пророка. ...Таких людей больше никогда не было. ...никогда не было так, чтобы в одном месте и одновременно проживало бы столь

⁴⁵Идрис Абдуллах. Ваххабизм: история проблемы // Мусульмане. - 2000. - № 1 (4). - С. 36.

⁴⁶ Аль-Маудуди. Ислам сегодня. - С. 13.

огромное число таких людей, как случилось в первые годы становления Ислама»⁴⁷.

Следующей особенностью радикального ислама выступает его ***фатализм, фанатизм, мусульманский энтузиазм и воинственный характер, стремление к мировому господству.***

Одним из первых в монотеистическом исламе возник вопрос о предопределении, о совместимости существования единовластного Бога с присутствием в мире зла. Сторонники учения об абсолютном предопределении получили наименование «джабариты» (от слова «джабар» - принуждение, насилие). Свои представления об обусловленности всех поступков человека, равно как и всего того, что происходит в мире, божественной волей, джабариты основывали на соответствующих текстах Корана.

Главная цель догмата божественного предопределения - это беспрекословное исполнение воли Бога, а в реальной, земной жизни - его пророка и халифа на земле. Учение джабаритов о предопределенности человеческих поступков божественной волей имело важное практическое значение, поскольку на его основании утверждалось правомочие любых лиц или групп, добившихся политической власти. Догмат предопределения оказался важным духовным оружием в период завоевательных войн, так как из него вытекало, что, какая бы опасность не угрожала мусульманину, он не погибнет, если это ему не предопределено, а потому вел к фанатизму и бесстрашию.

В непосредственной связи с фатализмом находится и мусульманский энтузиазм. Он также вытекает из идейной сущности ислама и его системы. Религиозный энтузиазм в исламе проявляется в высшей степени эмоционально, особенно в отношении к немусульманам. Ислам требует от своих последователей неукоснительного следования кораническим идеям и хадисам во всех практических делах.

⁴⁷ Кутб С. Вехи на пути Аллаха. - С. 194.

Развитию религиозного фанатизма в исламе способствовали такие основоопределяющие положения как вера в загробную жизнь и Судный день, в рай и ад. Вера в то, что "шахид" (погибший за веру) обязательно попадет в рай: «...А у тех, которые убиты на пути Аллаха, - никогда Он не собьет с пути их деяний: Он поведет их и сохранит в порядке их состояние и введет их в рай, который Он дал им узнать». (Мухаммад, аяты 5-7).

Выдающийся юрист Абу-Юсуф (713-798), последователь мазхаба Абу-Ханифы и Верховный судья халифата при халифах ал-Махди, ал-Хади и Харун-ар-Рашиде так описывает исламский фанатизм, ссылаясь на предание, сущность джихада в работе "Китаб-ал-харадж" ("Книга о харадже"): "Затем рассказывается о походе Халида в Ирак. Перед Хирой он говорит: "Я приглашаю вас признать бога и ислам; если вы это сделаете, то у вас будут такие же права и обязанности, как и у мусульман; если же вы откажетесь, то уплатите нам поголовную подать, если же откажетесь, то ведь я пришел к вам с людьми, для которых смерть желательнее нежели для вас жизнь"⁴⁸.

В условиях мусульманской экспансии фанатизм как один из идеологических факторов сыграл важную роль. Завоевание чужих территорий проходило под лозунгами ислама, тем более что в Коране зафиксированы идеи необходимости завоевания всего мира мусульманами как исполнителями миссии Аллаха: «Мы послали тебя только как милость для миров» (Пророки, аят 107), «напоминание для миров» (Йусуф, аят 104) и др. Ислам в данном случае стал выполнять идеологическую функцию оправдания мусульманских завоевательных войн.

От завоевания мирового господства не отказываются и современные исламские мыслители радикального толка, утверждающие, что именно исламу принадлежит будущее человечества. В частности, С.Кутб в работе «Будущее принадлежит исламу» пишет: «Мы полагаем, что будущее - за этой религией, считая ее, таким образом, путем жизни, который охватывает все эти взаимосвязанные и неотделимые составные элементы, регулирующие все

⁴⁸ Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов (по арабским источникам). - СПб,1903. - С. 132.

сферы человеческой жизни, удовлетворяющие все потребности человека, господствующие над всеми сторонами человеческой деятельности»⁴⁹. Ему вторит аль-Маудуди: «...Ислам не является субстанцией прошлого или будущего. Он есть бессмертная, вечная истина, очевидная и бесспорная еще миллиарды лет назад, она останется таковой, пока существуют небеса и земля»⁵⁰.

Для ислама, как религии, характерна и **нетерпимость**, которая проявляется в том, что правоверные всегда отчетливо ощущают свое превосходство над неверными, что это превосходство с самого возникновения ислама фиксировалось на государственном уровне (мусульманин платит более легкие налоги и освобожден от подушной подати, джизии), что выше всего, как уже отмечалось выше, ценится принадлежность человека к умме, что неверный всегда рассматривается в мусульманском государстве как не вполне равноправный. Впитанное веками и опирающееся на всю толщу религиозно-культурной традиции, такого рода высокомерное чувство превосходства и нетерпимости к неверным - одна из важнейших и наиболее значимых характерных черт ислама. Это чувство совершенства образа жизни в сочетании с всеобщностью и всесторонностью ислама всегда было залогом крайнего консерватизма и конформизма мусульман. Естественно, что все это не могло не отразиться не только на нормах поведения и ценностных ориентациях всех тех, кто с гордостью всегда причислял себя к умме, но и, в конечном счете, на психике людей, точнее, на их социальной психологии⁵¹.

Отсюда столь характерное для мусульман-радикалов состояние как **нацеленность на борьбу с врагом, определение его понятием "кафир" (неверный)**. В узком смысле - это "...люди, которые, рождаясь мусульманами и оставаясь ими подсознательно всю жизнь, не используют свои способности и интеллект для признания своего Господа и Создателя. Более того, они

⁴⁹ Кутб С. Будущее принадлежит исламу. - С. 3.

⁵⁰ Маудуди Ислам сегодня. - С. 3-4.

⁵¹ Васильев Л.С. История Востока. В 2-х т. - М., 1998. - Т. 2. - С. 185-186.

неправильно используют свободу выбора, выбирая отрицание Бога. Такие люди становятся неверующими, что на языке Ислама называется КАФИР»⁵². В широком смысле слова радикалами под термином "неверные" понимаются не только "неистинно верующие" внутри ислама, но и немусульманское общество в целом: «Джахилистским (джахилийя - эпоха язычества, доисламский период и одновременно религиозное состояние жителей Аравии до начала проповеди пророка Мухаммеда - И.Д.) обществом является всякое немусульманское общество, ... которое не исповедует принцип поклонения Аллаху, и только Ему, с учетом того, что такое поклонение должно прослеживаться в вероисповедальном представлении, в обрядах поклонения и юридических законоположениях. ...это ...коммунистические общества..., ...общества ...Индии, Японии ...в Африке..., которые придерживаются вероисповедального мировоззрения, основывающегося на обожествлении кого-либо, кроме Аллаха... ...Сюда же относятся христианские и иудейские общества...»⁵³. Аналогичных взглядов придерживается и «практик» радикального исламского фундаментализма, известный по современным чеченским войнам полевой командир иорданец Э.Хаттаб: "Аллах предостерег нас от всего плохого: от евреев, христиан, от зина (прелюбодеяния), вина, от тех, кто поклоняется камню и огню (буддистов к примеру)⁵⁴.

Действительно, священное писание ислама содержит многочисленные призывы к борьбе с неверными. Оно пронизано враждой к отступникам от ислама и тем, кто не признает аллаха за единого бога: "Поистине, те, которые не веровали и умерли, будучи неверными, -над ними проклятие Аллаха, и ангелов, и людей - всех!" (Корова, аят156).

В аятах 160,161, 162 этой же суры немусульман называют "нечестивыми", им грозят наказанием, подчеркивая, что "они не выйдут из огня".

⁵² Аль-Маудуди. Основы ислама. - С. 9.

⁵³ Кутб С. Вехи на пути Аллаха. - С. 268-269.

⁵⁴ Аль-Каф. - 1998. - Апрель.

Коран запрещает дружественные отношения мусульман с иноверцами:

“О вы, которые уверовали! Не берите неверных друзьями вместо верующих”. (Женщины, аят143).

В другой суре Корана дается объяснение причин подобного запрещения:

“Они не преминут вам вредить, они хотели бы того, чтобы вы попали в беду”. (Семейство Имрана, аят114).

Подобными поучениями Коран воспитывает непримиримость и вражду у мусульман к иноверцам, призывает к неповиновению последним: “О вы, которые уверовали! Если вы будете повиноваться тем, которые не веровали, они обратят вас вспять, и вы вернетесь понесшими убыток”. (Семейство Имрана, аят142).

Многие положения Корана даже призывают к физической расправе над иноверцами: “...бейте же их по шеям, бейте их по всем пальцам!” (Добыча, аят12); “...берите их и избивайте, где бы не встретили вы их. Над этим Мы дали вам явную власть!” (Женщины, аят 93).

Более того, в ряде аятов содержится призыв к мусульманам убивать упорствующих в своих взглядах иноверцев: “...Не берите же из них друзей, пока они не выселятся по пути Аллаха; если же они не отвратятся, то схватывайте и убивайте их, где бы ни нашли их...”. (Женщины, аят 91).

В другой суре говорится: “И убивайте их, где встретите... Если же они будут сражаться с вами, то убивайте их: таково воздаяние неверных!” (Корова, аят187).

А в суре “Мухаммад” содержится следующее указание: “А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то - удар мечом по шее; а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы”. (Мухаммад, аят 4).

Хотя эти и другие приведенные выше аяты Корана, сложившиеся в раннюю эпоху ислама, отражали период борьбы против язычников, а затем отступников от ислама и «лицемеров», будучи зафиксированы в священном писании, они превратились в догмат. И впоследствии направлялись не только, а затем уже не столько, против язычников и других категорий

«неверных», сколько против всех иноверцев, хотя в самом Коране имеются аяты, свидетельствующие, что в эпоху его создания авторы отличали “людей писания” (ахль-китаб), под которыми преимущественно имелись в виду христиане и иудеи, от идолопоклонников, язычников. Если к последним Коран неукоснительно и непримиримо относился враждебно, то за “людьми писания” он признавал определенные права. Однако впоследствии, когда ислам стал идеологическим и военно-политическим знаменем завоевателей-халифов, аяты Корана и слова пророка Мухаммеда, направленные первоначально против идолопоклонников, лицемеров и отступников от ислама, стали направляться против всех иноверцев, всех немусульман.

Ввиду вышеизложенного неудивительно, что носители идеологии радикального ислама, существенно расширяя круг обвиняемых в «неверии» по сравнению с исламской ортодоксией, как правило, **настороженно, подозрительно и враждебно относятся к «людям Писания»**, «...прежде всего потому, что [они] исповедуют извращенное вероисповедальное мировоззрение, в соответствии с которым Аллах, хвала Ему, не наделяется таким атрибутом как божественность. ...они придают ему сотоварищей в одной из форм многобожия, как называя сына Божия, так и причисляя Троицу. ...еще с древних времен Аллах заклеил их позором причастности к многобожию...»⁵⁵: «Они взяли своих книжников и монахов за господ себе, помимо Аллаха, и Мессию, сына Марйам. А им было повелено поклоняться только единому Богу, помимо которого нет божества. Хвала Ему, превыше Он того, что они Ему придают в соучастники!» (Покаяние, аят 31).

С.Кутб пишет: «К тому же, по их представлениям, Аллах, хвала Ему, не таков, каковым Он является. Они также представляют связь Его творений с Ним в превратном свете»⁵⁶: «И сказали иудеи: «Узайр - сын Аллаха». И сказали христиане: «Мессия - сын Аллаха». Эти слова в их устах похожи на слова тех, которые не веровали раньше. Пусть поразит их Аллах! До чего они отвращены!» (Покаяние, аят 30).

⁵⁵Кутб С. Вехи на пути Аллаха. - С. 269-270.

⁵⁶ Там же. - С. 270.

«Не веровали те, которые говорили: «Ведь Аллах - третий из трех», - тогда как нет никакого божества, кроме единого Бога. А если они не удержатся от того, что говорят, то коснется тех из них, которые не уверовали, мучительное наказание». (Трапеза, аят 77).

«И сказали иудеи: «Рука Аллаха привязана!» У них руки связаны, и прокляты они за то, что говорили. Нет! Руки у Него распростерты: расходует Он, как желает...» (Трапеза, аят 69).

«И сказали иудеи и христиане: «Мы - сыны Аллаха и возлюбленные Его». Скажи: «Тогда почему Он вас наказывает за ваши грехи? Нет, вы - только люди из тех, кого Он создал...». (Трапеза, аят 21).

Аналогичные взгляды в своих трудах пропагандирует и известный турецкий миллиардер, глава религиозной общины «Нурджалар» («Свет»), активный сторонник распространения идей исламского радикализма и пантюркизма Мухаммед Фетуллах Гюлен: «Истоки вражды, испытываемой к исламу иудеями и христианами и делящейся до наших дней, уходят во времена, когда в Медине закладывалась основа исламской государственности. Борьба ислама против всякого рода ложных и извращающих истину мнений, его горячее стремление вернуть людям утраченное достоинство, война против сословных предрассудков настроили против него и идолопоклонников, и церковь, и синагогу. С тех пор кровоточат раны, наносимые исламу этой зловерной троицей, - меняются только имена и звания»⁵⁷.

Одновременно в Коране, по мнению исламских радикалов, зафиксированы также «конечные цели» иудеев и христиан в отношении мусульман: «Многие из обладателей писания хотели бы обратить вас после вашей веры в неверных по зависти в них самих, после того как ясна стала им истина. Извините и отвернитесь, пока придет Аллах со Своим повелением. Поистине, Аллах мощен над каждой вещью!» (Корова, аят 103).

⁵⁷ Гюлен М.Ф. Сомнения, порожденные веком. Пер. С турецкого. - Измир, 1999. - С. 156.

" И никогда не будут довольны тобой ни иудеи, ни христиане, пока ты не последуешь за их учением...". "...А они не перестанут сражаться с вами, пока не отвратят вас от вашей религии, если смогут...". (Корова, аяты 114, 214).

Такие же суждения можно встретить и в сборниках хадисов: «Не спрашивайте ни о чем у людей Писания. Они не укажут вам правильного пути, после того как сами попали в заблуждение. Вы либо примете ложь за правду, либо правду сочтете ложью. Воистину, если бы, Аллах тому свидетель, Муса был живым и находился среди вас, ему ничего не оставалось бы, кроме как следовать за мной»⁵⁸.

Как уже отмечалось выше, в учении практически всех радикальных исламистских группировок и организаций присутствуют два системообразующих, органично присущих фундаментальному исламу положения - о такфире и джихаде. Причем, главным объектом такфира выступают, прежде всего, те мусульмане, которые не согласны с фундаменталистской интерпретацией ислама, а потому провозглашающиеся салафитами неверными. Так, по этому поводу С.Кутб пишет: «...под категорию джахилистского общества попадают и те общества, которые утверждают, что они - общества мусульманские. Эти общества являются неисламскими не потому, что они веруют в божественность еще кого-либо, кроме Аллаха. Они являются неисламскими потому, что они не претворяют в системе своей жизни поклонение Единому Аллаху, и только Ему. Хотя они и не веруют в божественность кого-либо, кроме Аллаха, они отдают наиболее специфичную особенность божественности кому-то иному, кроме Аллаха. Отталкиваясь от такого принципа высшей власти, они строят свою систему, свои законоположения, свои ценности, свои критерии, свои обычаи...»⁵⁹. В этом случае мусульмане, которых радикалы-салафиты обвиняют в неверии - куфре, автоматически приобретают статус вероотступников (ар.: муртад), т.е. людей, которые были мусульманами, а затем отошли от ислама. В

⁵⁸ Цит. По: Кутб С. Вехи на пути Аллаха. - С. 308-309.

⁵⁹ Кутб С. Вехи на пути Аллаха. С. 271.

отношении же вероотступников в шариатских нормах предусмотрена исключительная мера - смертная казнь или убийство, которое становится похвальным делом для всякого мусульманина. Такфир фундаменталисты распространяют на представителей власти в исламских государствах, на правоохранительные органы и силовые структуры, а также на тех мусульман, которые это государство защищают и поддерживают: «...А кто не судит по тому, что низвел Аллах, то это - неверные. ...А кто судит не по тому, что низвел Аллах, те - несправедливы». (Трапеза, аяты 48-49).

А, говоря о тех, кто подчинен таким правителям, авторы священного писания подчеркивают: «Разве ты не видел тех, которые утверждают, что они уверовали в то, что ниспослано тебе и что ниспослано до тебя, и они желают обращаться за судом к тагуту, в то время как им приказано не верить в него...» (Женщины, аят 63).

С.Кутб подчеркивает, что такие люди - «неверующие. Никто ни на одно мгновение не сможет остаться среди сторонников этой религии и быть мусульманином, утверждая, что конкретный интерес заключается в том, что, по его мнению, противоречит шариату Аллаха»⁶⁰.

На основании вышеизложенного радикально настроенными фундаменталистами делается вывод о том, что существуют лишь «две разновидности человеческих обществ: общество исламское и общество джахилистское. Исламским обществом является такое общество, в котором реализуется Ислам, т.е. религиозные исламские убеждения, поклонение Аллаху, исламские законоположения и система, исламские нравственные и этические нормы. Джахилистским обществом является такое общество, в котором не реализуется Ислам...»⁶¹.

Таким образом, исламисты, в отличие от представителей ортодоксального ислама, произвольно расширяют круг объектов такфира, абсолютизируя понятие «неверие» («куфр», или «безбожие») и «многобожие» («ширк», или «язычество»). Провозглашая строгое

⁶⁰ Кутб С. Вехи на пути Аллаха. - С. 275.

⁶¹ Там же. - С. 283.

единобожие, исламисты и их последователи квалифицируют «неверными» и «многобожниками» всех тех, кто, по их мнению, не является «единобожниками». В категорию «врагов ислама», по их мнению, входят:

- *иудеи и христиане* (люди Писания, ахль аль-китаб). В «Книге единобожия», автором которой является сам вероучитель аль-Ваххаб, со ссылкой на высказывание пророка Мухаммеда, говорится: «Когда у них умирает праведный человек или праведный раб Аллаха, они сооружают на его могиле храм и рисуют на нем изображения. Это - наихудшие из творений Аллаха!»... «Да падет проклятие Аллаха на иудеев и христиан, которые превратили могилы своих пророков в храмы!»⁶². «Явными врагами Ислама» называет христиан и иудеев, а особенно их проповедников, салафитский автор аль-Умар, поскольку «их раздражает совершенство, благородство и широта распространения Ислама». Поэтому «враги мусульман клеветуют на Ислам и последнего посланника Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует, то отрицая его миссию, то порицая его поведение, хотя он лишен Аллахом всяких недостатков»- иудеи и христиане (люди Писания, ахль аль-китаб). В «Книге единобожия», автором которой является сам вероучитель аль-Ваххаб, со ссылкой на высказывание пророка Мухаммеда, говорится: «Когда у них умирает праведный человек или праведный раб Аллаха, они сооружают на его могиле храм и рисуют на нем изображения. Это - наихудшие из творений Аллаха!»... «Да падет проклятие Аллаха на иудеев и христиан, которые превратили могилы своих пророков в храмы!»... «Явными врагами Ислама» называет христиан и иудеев, а особенно их проповедников, салафитский автор аль-Умар, поскольку «их раздражает совершенство, благородство и широта распространения Ислама». Поэтому «враги мусульман клеветуют на Ислам и последнего посланника Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует, то отрицая его миссию, то порицая его поведение, хотя он лишен Аллахом всяких недостатков»⁶³.

⁶² Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими (М. Ибн Абд аль-Ваххаб). Книга единобожия. - М., 1999. - С. 119.

⁶³ А. Бин Хаммад аль-Умар. Религия истины Ислам. - М., 1997. - С. 53-54.

Однако не только произведения исламистских идеологов, но и священное писание ислама, как уже отмечалось выше, содержит многочисленные призывы к борьбе с «неверными». Оно пронизано враждой к отступникам от ислама и тем, кто не признает аллаха за единого бога.

- **мусульмане-вероотступники (муртадд)**, совершившие «самомалейшее отступление» от принципа единобожия. Такими «отступлениями» у исламистов считаются и возвеличивание праведников, и поклонение Аллаху у могилы праведного человека (вали), и поклонение идолам, и гадание по звездам (астрология), и любые виды предсказаний, и амулеты, и ношение каких-либо предметов для отвращения неприятностей, и возвеличивание какого-то человека, и масса других вещей и действий. Эти люди, по мнению идеологов радикального салафизма, «больше всех наносят вред Исламу», поскольку «они способны на совершение таких больших грехов, как ложь, обман, невыполнение, зависть», в результате чего «иноверцы могут подумать, что Ислам разрешает все эти преступления»⁶⁴.

К беда' современные последователи ваххабитских идей (неоваххабиты) относят и такие «еретические нововведения», как устройство праздников по случаю дня рождения, выделение особых дней и недель для тех или иных обрядов поклонения, устройство разного рода религиозных праздников, годовщин и юбилеев, воздвижение изваяний и памятников, организация траурных собраний, изобретение всяких новшеств в траурных церемониях, возведение строений на могилах, водружение дорогих памятников, иной раз мраморных и т.п..

Вместе с тем, согласно традиционалистскому подходу, обвинение в неверии (такфир) представляет собой шариатское решение, которое следует принимать на основании Корана и Сунны, как и решения о дозволенности, запретности или обязательности тех или иных дел. Человека можно считать неверным лишь в том случае, если на то имеются ясные указания в сакральных источниках — Коране и Сунне Пророка. В сомнительных

⁶⁴ Аль-Умар. Указ. соч. - С. 53.

случаях установленные шариатом наказания не применяются, хотя их применение повлекло бы менее серьезные последствия, чем обвинение в неверии, а это значит, что, если дело внушает сомнения, от обвинений в неверии тем более следует воздержаться.

Пророк предупреждал: «Когда человек называет своего брата (в исламе) неверующим, это возвращается (по меньшей мере) к одному из них»⁶⁵. Из этого следует, что по традиции ни один мусульманин не может назвать другого неверующим (независимо от его недостатков или совершенных греховных дел) до того момента, пока тот сам публично признается в этом. Это положение специально оговаривалось и считалось очень важным, так как вероотступничество почиталось одним из самых тяжких грехов и каралось смертью (хотя в этом случае людям предоставлялись три возможности отречься от неверия).

Для вынесения шариатского решения о неверии, как настаивают традиционалисты, необходимо наличие известных причин и условий и отсутствия соответствующих препятствий. Так, например, можно обнаружить такие аяты Корана и хадисы, из содержания которых можно понять, что то или иное слово, действие или убеждение является проявлением неверия. Тем не менее, «того, кто произносит такие слова, совершает такие действия или придерживается таких убеждений, нельзя обвинять в неверии в силу наличия определенных препятствий»⁶⁶.

Совсем по-другому подходят к вопросу «такфира» радикальные исламисты. Например, главный идеолог египетских «Братьев-мусульман» в 50-60-е гг. XX в. Сайид Кутб прямо говорит о том, что «...на Земле существуют лишь две партии: партия Аллаха и партия шайтана. Партия Аллаха состоит из тех, кто стоит под знаменем Аллаха, а к партии шайтана относится каждая секта, группа, народ или отдельный человек из числа тех, кто под этим знаменем не находится»⁶⁷. Любое неисламское общество С.Кутб

⁶⁵ Сахи́хМуслим. Кита́б ал-Иман. Цит. По: Мухаммад Хасан. Источник террора. Идеология ваххабизма-салафизма. - М., 2005. - С. 62.

⁶⁶ Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий. - М., 2003. - С. 115.

⁶⁷ Кутб С. Будущее принадлежит исламу. Эта религия. Вехи на пути Аллаха. - Махачкала, 1997. - С. 174-175.

называет «джахилистским» (доисламское общество в Аравии – многобожники, язычники).

Так, по этому поводу С.Кутб пишет: «...под категорию джахилистского общества попадают и те общества, которые утверждают, что они - общества мусульманские. Эти общества являются неисламскими не потому, что они веруют в божественность еще кого-либо, кроме Аллаха. Они являются неисламскими потому, что они не претворяют в системе своей жизни поклонение Единому Аллаху, и только Ему. Хотя они и не веруют в божественность кого-либо, кроме Аллаха, они отдают наиболее специфичную особенность божественности кому-то иному, кроме Аллаха. Отталкиваясь от такого принципа высшей власти, они строят свою систему, свои законоположения, свои ценности, свои критерии, свои обычаи...»⁶⁸.

В этом случае мусульмане, которых радикалы-салафиты обвиняют в неверии - куфре, автоматически приобретают статус вероотступников (ар.: муртадд), т.е. людей, которые были мусульманами, а затем отошли от ислама. В отношении же вероотступников в шариатских нормах предусмотрена исключительная мера - смертная казнь или убийство, которое становится похвальным делом для всякого мусульманина. Такфир фундаменталисты распространяют на представителей власти в исламских государствах, на правоохранные органы и силовые структуры, а также на тех мусульман, которые это государство защищают и поддерживают: «... А кто не судит по тому, что низвел Аллах, то это - неверные. ...А кто судит не по тому, что низвел Аллах, те - несправедливы». (Трапеза, аяты 48-49).

А, говоря о тех, кто подчинен таким правителям, авторы священного писания подчеркивают: «Разве ты не видел тех, которые утверждают, что они уверовали в то, что ниспослано тебе и что ниспослано до тебя, и они желают обращаться за судом к тагуту, в то время как им приказано не веровать в него...» (Женщины, аят 63).

⁶⁸ Там же.

Однако еще в обнародованном в 1017 г. в Багдаде в период правления халифа аль-Кадира «Кадирийском трактате веры» («ар-Рисала аль-кадирийя») говорилось: «Не следует обвинять в неверии кого-нибудь, если он упустил что-либо из законных установлений веры, исключая, конечно, предписанную молитву»⁶⁹. Известны также высказывания Пророка о том, что «кровь, имущество и честь мусульманина являются запретными и неприкосновенными для всех мусульман». Однако ваххабиты утверждают, что любое, самое малейшее отступление от единобожия превращает мусульманина в «неверного»: «Любое сомнение или колебание (относительно принципа единобожия - И.Д.) лишает неприкосновенности имущество и жизнь человека»⁷⁰;

- так называемые «*лицемеры*» (мунафикун)- те мусульмане, которые «выказывают приверженность к исламу и скрывают неверие».

Отсюда следует, что «неверным» ваххабиты могут объявить любого мусульманина, заподозренного ими в «лицемерии». Так, бывший верховный муфтий Королевства Саудовская Аравия Бен-Баз предупреждал о том, что «...нарушающий (по-ваххабитски понимаемый принцип единобожия - И.Д.), открыто или тайно, должен знать, что он становится безбожником и должен ожидать возможности убийства или заключения его»⁷¹.

В то же время улемы-традиционалисты, опираясь на хадисы Сунны, в отличие от ваххабитов, отмечают, что лицемер - это тот, кто обещает, но не исполняет обещанного; лжет; подводит доверившегося ему. А современный отечественный теолог, выпускник авторитетнейшего в мусульманском мире университета «аль-Азхар» Ш.Аляутдинов считает даже эти требования чрезмерно завышенными. В этой связи он подчеркивает, что «делать поспешные выводы, используя вышеназванные критерии в отношении других людей, - очень опасное дело». Этот же автор напоминает о том, что «если мысли наши в отношении братьев-мусульман приобретают все более

⁶⁹ Мец А. Мусульманский ренессанс. - М., 1996. - С. 203.

⁷⁰ Добаев И.П. Исламский радикализм. - С. 154.

⁷¹ Бен Баз, Абдуль Азиз бен Абдулла. Необходимость соблюдения сунны Посланника (да благословит его Аллах и приветствует) и признание безбожниками тех, кто ее отвергает. - Эр-Рияд, 2000. - С. 35.

темные тона, то тучи гнева Всевышнего Аллаха сгущаются над нашими - именно нашими(!) - головами»⁷².

- *последователи всех без исключения идеологических течений* (кроме ваххабизма). Так, «принадлежность к атеистическим течениям наподобие течений коммунистических, светских, демократических, капиталистических или иных подобных им течений неверных является вероотступничеством от религии Ислама». В этот список входят также «антирелигиозный секуляризм, угнетательский капитализм, марксистский социализм, атеистическое масонство». Иудаизм и вовсе «стоит за спиной всех и за каждой разрушительной доктриной, подрывающей мораль и духовные ценности», к таким идеологическим течениям также относятся «масонство, мировой сионизм и бабувизм»⁷³.

- *отвергающие шариат в качестве единственно возможного источника права*. «Неверие, - утверждает аль-Фаузан, - правление и суждение не на основе ниспосланного Аллахом»⁷⁴. «Неверием» объявляется и любая человеческая законотворческая и нормотворческая деятельность: предоставление права законотворчества кому-либо, кроме Аллаха, по мнению радикалов, противоречит исламу⁷⁵.

В противоположность обвиняемым ими в «неверии» и «многобожии», ваххабиты называют себя «спасенной группой», то есть такой, которая «избежит на Страшном Суде адского пламени» и попадет в рай. Более того, приверженцы этого течения утверждают, что «спасенная группа» представляет собой меньшинство в умме - сообществе правоверных. Безусловно, в этом случае реально выделяется миноритарный характер ваххабитов (то, что они составляют меньшинство) и сектантский характер их движения.

Исходя из вышеуказанных мировоззренческих посылок, идеологами радикального ваххабизма (шире - радикального салафизма) основательно

⁷² Аляутдинов Ш. Путь к вере и совершенству. - М., 2001. - С. 43-44.

⁷³ Фаузан аль-Фаузан. Дружба и непричастность в исламе. - Махачкала, 1997. - С. 44, 64.

⁷⁴ Там же. - С. 58.

⁷⁵ Ибрагим. М.А.-Л. Установление законов Аллаха. - Махачкала, 1997.

разработана человеконенавистническая, лженаучная концепция «Симпатии и антипатии» (Аль-валяя ва-ль-бараа). Ее суть излагается, в частности, в книге салафитского автора Салеха бин Фаузана аль-Фаузана «Дружба и непричастность в исламе». В ней все человечество разделено на три группы:

1) тех, кого следует только любить, не испытывая к ним никакой враждебности;

2) тех, кого следует только ненавидеть и только враждовать с ними, не испытывая к ним ни любви, ни дружеских чувств;

3) тех, кто с одной стороны заслуживает любви, а с другой стороны - ненависти.

Разумеется, в первую категорию попадают только члены «спасенной группы», ваххабиты, к которым единоверцы обязаны проявлять только терпимость и благожелательность. При этом решающим свидетельством единобожия того или иного человека, согласно концепции «Симпатии и антипатии», является только абсолютное подчинение исламистско-ваххабитской группировке и активная вражда (вплоть до убийства) по отношению ко всем, кто к ней не принадлежит. Другими словами, решающий довод в отношении «единобожия» того или иного мусульманина, при котором он не провозглашается «неверным», состоит в лояльности (симпатии, любви, признании) по отношению к исламистам-ваххабитам и враждебности, ненависти ко всем неваххабитам. Это требование зафиксировано в трудах самого аль-Ваххаба: «Это может быть достигнуто лишь любовью к исповедующим таухид Аллаха (т.е. к единобожникам, или ваххабитам - И.П.), преданностью им и оказанием им всяческой помощи, а также ненавистью и враждой по отношению к неверным и мушрикам (многобожникам, политеистам - И.Д.)»⁷⁶.

Истинный единобожник, член ваххабитского джамаата, обязан ненавидеть всех тех, кого его единоверцы считают «неверными» («многобожники», «лицемеры» и «отступники»). Причем такого рода

⁷⁶М. Ибн Абд аль-Ваххаб. Книга единобожия. С. 70.

ненависть должна неизбежно проявляться в практической деятельности адепта веры, вплоть до лишения жизни своих идеологических противников.

Ко второй группе причисляются все немусульмане, а к третьей - все мусульмане, не разделяющие салафитский призыв. К этим последним и применяется такфир, именно они являются его главным объектом, поскольку немусульмане и так кафиры - неверные. Другими словами, радикально настроенные исламисты-ваххабиты провозглашают кафирами - неверными - всех мусульман, которые не следуют той, специфической интерпретации ислама, которую салафиты провозглашают единственно правильной. В результате чего именно с ними, в первую очередь, следует бороться, осуществляя «джихад на пути Аллаха». Их главное преступление - дружба с другими категориями «неверных». Проявлениями этой дружбы, как подчеркивает аль-Фаузан⁷⁷, являются:

- уподобление им в одежде, словах и прочем;
- проживание в странах неверных и отказ от переезда в какую-нибудь из стран ислама ради сохранения своей религии;
- совершение поездок в страны неверных для развлечений и наслаждений;
- оказание им помощи и содействия против мусульман, а также их восхваление и защита;
- обращение к ним за помощью, оказание им доверия, назначение их на те посты, пребывание на которых позволят им узнать тайны мусульман, и избрание их в качестве приспешников и советников;
- использование их летоисчисления, особенно если речь идет об их обрядах и праздниках наподобие рождества;
- участие в проведении их праздников, оказание им помощи в их организации и поздравление их в связи с этим;

⁷⁷ Фаузан аль-Фаузан. Дружба и непричастность в исламе.

- их восхваление за достижения их культуры и цивилизации и выражение восхищения их нравами и мастерством, без учета порочности их воззрений и ложности их религии;

- использование их имен;

- испрашивание для них прощения и обращение к Аллаху с молитвами о ниспослании им милости.

В отношении каждого, «кто нарушает Закон Аллаха», согласно требованиям религиозных радикалов, «следует питать ненависть, относиться с враждой, вести с ними Джихад словом и сердцем по мере сил и возможностей». Убийство «врагов ислама» должно, по убеждению носителей радикальной идеологии, проводиться системно и организовано - в форме джихада против всех категорий «неверных»⁷⁸. Поэтому, по убеждению радикалов, экстремистов и террористов от ислама с таким (джахилистским) обществом надо вести неустанную борьбу, для чего ими используется особо интерпретируемое понятие джихада, планетарной миссии пророка Мухаммеда и его последователей.

1.3. Эволюция концепции джихада в исламе: от традиционализма к радикальному исламу

Согласно разработкам мусульманских теоретиков, касающихся некоторых аспектов теории *джихада*⁷⁹, весь мир разделен на «область ислама» (*дар-ал-ислам*) и «область войны» (*дар-ал-харб*). К первой относятся

⁷⁸ Добаев И.П. Исламский радикализм. С. 158-159.

⁷⁹ См. о *джихаде* подробнее: Агрономов А.И. Джихад. Священная война мухаммедан. - Казань, 1877; Арухов З.С. Концепция джихада в раннем исламе. Дис. ...канд. философ. наук. - Махачкала, 1995; Ахмадуллин В., Мельков С. Государственно-исламские отношения в России. - М., 2000. - С.65-84; Дельмаев Х.В. Сущность и социальная роль исламской концепции джихада. Дис. ...канд. философ. наук. - М., 1987; Керимов Г.М. Проблемы войны и мира в исламе // Вопросы научного атеизма. Вып. 31. - М., 1983. - С. 148-162; Ротарь И. Война и мир в исламе. - М., 1999; Сагадеев А. Джихад // Наука и религия. - 1986. - № 6. - С. 18-20; Тегин Ю.А. Идеологическая концепция ассоциации «Братьев-мусульман» как орудия реакции (критический анализ). Дис. ...канд. философ. наук. - М., 1983; Peters Rudolf. Jihad in Mediaeval and Modern Islam. - Leiden: E.J.Brill, 1977; Schwarts W. Gihad unter Musterheiten. Studien Jum Musterheiten problem in Islam. - Wiesbaden, 1980; Ferguson G. War and Peace in the world's religions. - L., 1977; Watt W.M. Muhammad at Mecca. - L., 1953; Watt W.M. Muhammad at Medina. - Oxford, 1956; Khadduri Majid. The Islamic Conceptor of Gusstice. - Baltimore, 1984; Maududi A. Jihad in Islam. - Lahore, 1980; ал-Алайаний Али Нафайа. Ахдаф ал-джихад ва гайатуху. - ар-Рийад, 1411; Вахба Тауфик Али. Ал-Харб фи-л-ислам ва фи-л- муджтама ал-дували ал-му асыр. - ал-Кахира, 1393; ал-Кадурри Мухаммад ибн Абдаллах. Ал-Джихад фи сабили ллах. - Джидда, б/г; ат-Тантави Мухаммад. ас-Сарайа ал-харбийя фи-л-аср ан-набави. - ал-Кахира, б/г.

страны, находящиеся под властью мусульман, ко второй – «неверных» правителей. «Область ислама» теоретически всегда должна находиться в состоянии вечной войны с «дар-ал-харб». В исключительных случаях ислам допускает временное перемирие сроком до десяти лет. Кроме этих категорий стран некоторые факихи выделяют еще одну категорию земель – «область мира» (*дар-ал-сульх*). Это такие земли, которые не принадлежат мусульманам и не управляются ими, но их правители считают себя вассалами мусульманских государств и платят за это определенную дань.

В начальный период становления ислама «джихад» понимался, прежде всего, как борьба в защиту и за распространение ислама, как приложение напряженных усилий на пути Аллаха, что означало повсеместное распространение веры в Аллаха, при этом участие в «джихаде» считалось прямым путем достижения рая. Представляется уместным сделать ссылку на суру «Ряды» (аяты 10-12): «О вы, которые уверовали! Не указать ли мне вам на торговлю, которая спасет вас от мучительного наказания» (аят 10); «Вы веруете в Аллаха и Его посланника, боретесь на пути Аллаха своим имуществом и своими душами. Это лучше для вас, если вы знаете» (аят 11); «Он простит тогда вам ваши грехи и введет вас в сады, где внизу текут реки, и в жилища благие, в сады вечности. Это – великая прибыль» (аят 12).

Следует подчеркнуть, тем не менее, что даже взгляды самого пророка Мухаммеда на сущность джихада прошли ощутимую эволюцию во времени: в мекканский период, прошедший под лозунгом «нет принуждения в религии»⁸⁰, запрещалось входить с «многобожниками» в конфронтацию, а предлагалось склонять их к истинной вере «мудростью и хорошим увещанием»: «Рассеки же, как тебе приказано, и отвернись от многобожников (сура «Ал-Хиджр», аят 94)⁸¹. Язычников следовало склонять к истинной вере путем убеждения: «Зови к пути Господа с мудростью и хорошим увещанием и препирайся с ними тем, что лучше. Поистине, господь твой – Он лучше знает тех, кто сбился с Его дороги, и Он лучше

⁸⁰ Коран. Сура ал-Баккара (Корова), аят 56 (Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – М., 1986.).

⁸¹ Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – М., 1986.

знает идущих прямо» (Сура «Пчелы», аят 126). Однако уже в мединский период, когда последовали нападения на мусульман со стороны мекканских многобожников, война была санкционирована: первоначально было разрешено вести с врагами ислама оборонительную войну, затем нападать на неверных, но так, чтобы военные действия не приходились на священные месяцы, а окончательно – нападать на них в любое время и повсюду⁸².

Другими словами, в период мекканских откровений «джихад» рассматривался скорее как усилие по спасению души, нежели чем борьба за обращение в веру. Более того, в тот период времени не было единой точки зрения в отношении обязательности участия в «джихаде» для членов мусульманской общины. В мединских же сурах Корана война за веру вменяется в обязанность последователей ислама как священная, она возводится в ранг выполнения божественной миссии, подкреплённой авторитетом Аллаха: «Пусть же сражаются на пути Аллаха те, которые покупают за ближайшую жизнь будущую! И если кто сражается на пути Аллаха и будет убит или победит, Мы дадим ему великую награду. И почему вы не сражаетесь на пути Аллаха за слабых из мужчин и женщин, и детей, которые говорят: «Господи наш! Выведи нас из этого селения, жители которого тираны, и дай нам от Тебя покровителя и дай нам от Тебя помощника». Те, которые уверовали, - сражаются на пути Аллаха, а те, которые не веруют, - сражаются на пути тагута. Сражайтесь же с друзьями сатаны; ведь козни сатаны слабы!» «Сражайся же на пути Аллаха! Вменяется это только самому тебе, и побуждай верующих...» (Женщины, аяты 76-78, 86).

В ходе развития концепции джихада типология этого явления с точки зрения объекта вооруженного нападения стала включать шесть разновидностей: джихад против врагов Аллаха (т.е. тех, кто угрожает существованию исламской уммы, тех, кто преследует мусульман, а также против язычников); джихад против тех, кто покушается на

⁸² Ислам. Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С. 51.

неприкосновенность границ «дар-аль-ислам»; джихад против вероотступников («мунафикун»); джихад против притеснителя («аль-баги»); джихад против разбойников; джихад против монотеистов – немусульман, оказывающихся платить «джизию»⁸³.

Однако вплоть до сегодняшнего дня в силу определенной разобщенности исламского движения на различные направления, идейные течения и толки (мазхабы) общепризнанной классической доктрины «джихада» так и не создано, таковой просто не существует⁸⁴, как не существует и единого для всех мусульман правоверия. Сказанное объясняется тем, что ислам как идеологическая система исторически формировался и продолжает функционировать в борьбе идей и мнений, находится в состоянии поисков дальнейшего пути развития. В каждой стране имеются разные группы, которые предлагают свой путь и выступают за решение возникающих проблем на базе предлагаемых ими концепций. Однако с достаточной степенью уверенности можно утверждать, что единого для всех исламских стран, всех мусульман, единого правоверия, как и единого исламского пути, все же, не существует, а в центре общественного внимания оказываются различные, нередко противоречащие друг другу модели. Сказанное целиком и полностью относится и к исламской концепции «джихада»: в исламе нет такой инстанции, которая могла бы поставить точку в споре относительно того каким образом следует трактовать и осуществлять священную войну за веру.

На протяжении всей истории ислама концепция «джихада» выполняла зачастую противоречивые функции, была в основе внутренней и внешней политики различных субъектов политического процесса. В понятие «джихада» вкладывался и до сих пор вкладывается самый различный, зачастую противоречащий друг другу, смысл: это и борьба за сбор урожая, борьба с неграмотностью, борьба нового со старым, «джихад»

⁸³ Ислам. Энциклопедический словарь. – С. 67.

⁸⁴ См., например: Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. – М., 2003. – С. 77.

рассматривался и как классовая борьба⁸⁵.

Под термином «джихад» в мусульманском «правоверии» понимается борьба за веру, которая ведется в следующих основных формах: «джихад сердца» - борьба с собственными дурными наклонностями; «Джихад языка» - «повеление достойного одобрения и запрещение достойного порицания»; «джихад руки» - принятие соответствующих мер наказания в отношении преступников и нарушителей норм нравственности; «джихад меча» - вооруженная борьба с неверными, павшему в которой уготовано вечное блаженство в раю.

Согласно традиционной точке зрения, «джихад с самим собой» есть «большой джихад», более трудный, чем «малый джихад» (вооруженный джихад). Кроме того, по мнению идеологов умеренного исламизма, «внутренний джихад», а именно самовоспитание, есть необходимое условие, через которое нужно пройти для достижения «высшей степени» религиозной сознательности⁸⁶.

Однако «в европейском общественном сознании за джихадом закрепилось, в первую очередь, представление как о «джихаде меча», тогда как, согласно Корану и сунне, это понятие является многозначным»⁸⁷. Подтверждением сказанному выступает, в частности, то, что в ортодоксальном исламе институт «джихада» не входит в число пяти «столпов» веры («аш-шахада» - исповедание веры; «ас-салат» - молитва; «ас-саум» - пост; «аз-закят» - налог в пользу бедных; «ал-хаджж» - паломничество).

В различных идейных течениях ислама (традиционализм, модернизм, фундаментализм) понятие джихад также воспринимается по-разному.

В традиционном исламе джихад понимается в большей степени как усилие над собой, а не насилие над другими, а «малый джихад» («джихад в форме меча») – как оборонительная война, направленная против притеснения

⁸⁵ Жданов Н.В. Указ соч. – С. 79.

⁸⁶ Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте. – М., 2003. – С.86.

⁸⁷ Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий. - М., 2003. – С. 41.

мусульман. Неотрадиционалистами (современными традиционалистами – И.Д.) в отношении одного из главных предписаний ислама – ведение джихада проповедуется принцип: «В религии нет принуждения»⁸⁸. В этой связи, хотя ведение «священной войны» (джихада) признается долгом мусульманина, исходя из представлений о том, что человечество делится на праведных – мусульман и неправедных – иноверцев, подлежащих обращению любыми путями, не исключая и насильственный⁸⁹, тем не менее, джихад в традиционном исламе, в отличие от фундаментализма, рассматривается в большей степени как усилие над собой, а не насилие над другими, а «малый джихад» («джихад в форме меча») – как оборонительная война, направленная против притеснения мусульман. Хотя в условиях серьезных социальных потрясений позиции традиционалистов в отношении джихада могут смыкаться с воззрениями фундаменталистов⁹⁰.

Современный турецкий традиционалист Харун Яхья под джихадом «в полном смысле слова» видит «любого рода идейную борьбу с антирелигиозными, атеистическими, богопротивными учениями»⁹¹. Наряду с вышеуказанными значениями джихада он же под этим термином понимает также и реальную войну, которая «согласно повелениям Корана может быть только оборонительной и вестись при строгом соблюдении моральных принципов Ислама. Использование же понятия «джихад» применительно к любым формам насилия, направленным против ни в чем не повинных людей, то есть для описания террора, является величайшей несправедливостью и искажением истины»⁹².

В противоположность традиционалистам и особенно фундаменталистам, реформаторы (модернисты) утверждают, что ислам – религия универсального гуманизма (*инسانية*), проповедующая

⁸⁸ Коран. Сура ал-Баккара (Корова), аят 56.

⁸⁹ Степанянц М.Т. Реформаторство как антитеза традиционности // Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока / Отв. ред. М.Т.Степанянц. - М., 1993. - С. 222.

⁹⁰ См. об этом: Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Дону, 2003. – С. 52.

⁹¹ Харун Яхья. Ислам прокликает террор. – Астана, 2002. – С. 36.

⁹² Там же. Указ. соч. – С. 36.

общечеловеческое братство. *Инсания* модернистами противопоставляется национализму как идеологии, разделяющей человечество. Исходя из таких мировоззренческих установок, реформаторы настаивают на том, что религиозная терпимость представляет собой основополагающий принцип ислама⁹³. Отсюда, например, «джихад» толкуется либо как исключительно оборонительная война, либо как «битва» за экономическое процветание, либо как борьба за духовное обновление. Так, например, современный мусульманский реформатор Фазлур Рахман даже настаивает на необходимости «интеллектуального джихада»: «Священная война» такого рода должна быть направлена на изменение правил прошлого в соответствии с новой обстановкой (при условии, что эти изменения не нарушают общих традиционных принципов и ценностей) и одновременно на изменение современной ситуации там, где это требуется, чтобы привести ее в соответствие с этими общими принципами и ценностями»⁹⁴.

В свою очередь, фундаменталисты рассматривают джихад, прежде всего, как вооруженную борьбу. Данное обстоятельство, по нашему мнению, объясняется теми целями и задачами, которые ставит перед собой фундаментализм как идейное течение. Если традиционалисты выступают за сохранение той версии ислама, которая сложилась на определенной территории именно сегодня, а модернисты отстаивают эволюционный путь его развития, то фундаменталистские «революционеры» требуют возвращения к прошлому, в так называемый «золотой век» (VII в.) ислама. Разумеется, добровольный ценностно-мировоззренческий исход современных людей в ранее средневековье вряд ли возможен, поэтому умеренными фундаменталистами не исключается, а их радикально настроенными единомышленниками предполагается, применение насилия в той или иной форме.

⁹³ См.: Shepard W. The Faith of a Modern Muslim Intellectual. The Religious Aspects and Implications of the Writings of Ahmad Amin. - Delhi, 1982. - P. 132.

⁹⁴ Rahman F. Islam and Modernity. - Chicago, London, 1982. - P. 7.

Джихад является неперенным атрибутом практически всех современных идеологических доктрин исламских радикалов (исламистов). Как подчеркивает авторитетный израильский исследователь радикального ислама Э.Сиван, «теория джихада в интерпретации исламских радикалов исходит из того, что конфликт есть и будет правилом, по крайней мере, до тех пор, пока Мессия (Махди) не придет на конец света. Поэтому исламисты считают, что единственно возможным ответом мусульманского мира нынешним режимам в странах распространения ислама, при которых там господствуют западные идеалы, может быть только священная война в ее силовом понимании. Лишь после свержения этих режимов и восстановления единства всех мусульман, как это было в золотую эпоху Халифатов, внутри Уммы могут быть установлены мирные взаимоотношения»⁹⁵.

Исламские радикалы фактически считают «джихад» шестым «столпом» веры. Именно такое понимание «джихада», как и расширительное толкование термина «такфир» (обвинение в неверии) отличает исламистов от собственно правоверных мусульман. При этом умеренные исламисты делают упор на оборонительный характер джихада, а ультра-радикалы – исключительно на наступательный аспект «священной войны».

Однако, например, наиболее авторитетный в исламском мире теоретик и практик умеренно-радикального крыла пакистанец аль-Маудуди всегда последовательно выступал против построения исламского государства силовым путем. В одной из своих лекций, обращаясь к молодежной аудитории, в целях достижения стоящих перед исламским обществом задач, он не рекомендовал осуществлять свою деятельность по типу подпольных группировок и призывал исключить применение насилия и оружия для изменения существующего строя. Более того, насильственный метод характеризуется им как поспешный и малоперспективный, хотя он, казалось бы, и подразумевает достижение цели кратчайшим путем. По его мнению, наиболее приемлемое решение для мусульманской общины и каждого, кто

⁹⁵ Сиван Э. Указ. соч. - С. 14.

занимается распространением исламского призыва – это проведение мирного и верного в своей конечной цели переворота посредством открытой и самой широкой пропаганды, обращенной к умам и сердцам людей⁹⁶.

«Джихад в исламе, пишет египетский исламистский теоретик умеренного направления аль-Ашмави, полностью определяется хадисом Пророка, обратившегося к верующим после битвы при Бадре, в которой они одержали победу: «Мы вернулись с Малого джихада – к Великому джихаду». И война против врагов, в которой подвергается риску жизнь и имущество, это – меньший, малый джихад с точки зрения правильного (ортодоксального – И.Д.) ислама. Что же касается настоящего Великого джихада, то это сопротивление души испытаниям, преодоление человеком порицаемых свойств характера и поведения, содействие тому, чтобы нрав [человеческий] возвышался, приучение собственного духа к щедрости»⁹⁷.

Однако достоверность приведенного аль-Ашмави хадиса ставится под сомнение не только мусульманскими теологами, но и большинством зарубежных и российских ученых-востоковедов в силу сомнительности его происхождения и противоречия с другими признанными хадисами пророка⁹⁸. Ультра-радикалами этот хадис и вовсе игнорируется. Они не только не приемлют деление джихада на «большой» и «малый», но и категорически отрицают его оборонительный характер. Наиболее авторитетный теоретик этого крыла радикалов египтянин Сейид Кутб категорически выступал против оборонительного характера джихада: «...Если мы неизбежно должны назвать движение Джихада в Исламе оборонительным движением, то мы непременно должны изменить смысл слова «оборона» и понимать под ним «защита человека»... Ислам, устремляясь к миру, не имеет в виду тот дешевый мир, суть которого сводится лишь к тому, чтобы обезопасить территорию, на которой проживает население, воспринявшее исламское

⁹⁶ Аль-Маудуди. Ислам сегодня. – М., 1992. – С. 26-27.

⁹⁷ Мухаммад Саид аль-Ашмави. Джихад в исламе // Аль-ислам ас-сийяси (Политический ислам). 3-е изд. – Каир, 1992. – С. 116.

⁹⁸ Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Россия и мусульманский мир. – М., 2000. – № 12. – С. 99.

вероучение. Ислам желает такого мира, под сенью которого вся религия полностью бы принадлежала Аллаху, то есть, чтобы люди, все люди под сенью этого мира поклонялись только Аллаху...»⁹⁹.

Концепция С.Кутба делила общество на два типа: исламское общество, в котором признается власть одного Аллаха и действует шариат, и общество джахилийи (доисламского язычества), в котором люди сами творят законы и нарушают главный принцип единобожия – единовластие Аллаха (хакимийя). Согласно такому выводу, языческим является большинство современных обществ, в том числе те, которые считают себя исламскими, но не живут по шариату. Отрицание хакимийи, по сути, означает вероотступничество, ввергающее в неверие. Ислам и джахилийя – это абсолютно несовместимые системы, между которыми невозможно какое-либо мирное сосуществование или постепенная трансформация джахилийи в ислам. Восстановить власть Аллаха на земле можно лишь после того, как силой будет уничтожена джахилийя, и участие в этой борьбе есть обязанность каждого мусульманина.

С.Кутб предложил следующую стратегию для исламского движения. Во-первых, поскольку в джахилийском обществе вообще отсутствуют представления об исламе, бесполезно требовать введения шариатского правления или пытаться с этой целью совершить государственный переворот. Нужно начать с объяснения принципов ислама, и особенно – идеи единовластия Аллаха.

Во-вторых, те, кто принял этот призыв, как бы вновь приняли ислам и, следовательно, должны себя вести в соответствии с принципами «истинных» мусульман. Для этого таким верующим необходимо уйти из джахилийского общества, но не в буквальном смысле, а в плане «духовного разрыва», не исключая контактов в жизненных и бытовых вопросах.

В-третьих, после того, как община «истинных мусульман» достигнет необходимого духовного и морального уровня, следует приступить к

⁹⁹ Кутб С. Вехи на пути Аллаха. - С. 245-246.

созданию исламской организации – своеобразного авангарда, призванного свергнуть джихилию и установить на земле власть Аллаха.

В-четвертых, на начальном этапе такой деятельности следует избегать прямого столкновения с правящим режимом, так как это может привести к роковому удару по еще слабому исламскому движению.

В-пятых, когда исламское движение достигнет необходимой силы и мощи, следует начать джихад в его силовом, наступательном понимании, без всяких уступок и снисхождения.

Идеи Сейида Кутба развил Абд ас-Салям Фараг, который в конце 70-х гг. XX в. основал в Египте ультрарадикальную группировку «Аль-Джихад», особенно активно действовавшую в последней четверти прошлого века и имевшую отношение к убийству президента Анвара Садата.

Новизна взглядов А.Фарага в отличие от концепций Хасана аль-Банни и Сейида Кутба заключалась в ярко выраженном салафитском характере. Каждое свое утверждение оно обосновывал аятами Корана и изречениями пророка Мухаммада, а также творческим наследием таких улемов прошлого, как Ибн Таймийя, Ибн Касир и Ибн аль-Джаузи. До конца 80-х гг. книга А.Фарага «Аль-Фарида аль-гайба» была практически основным идеологическим источником «Аль-Джихада».

А.Фараг как главный идеолог организации, проанализировав весь опыт радикального исламизма 60-70-х гг., нашедший отражение в трудах Сейида Кутба, Салиха Сарийя, Шукри Мустафы, сформулировал классические основы радикального исламизма суннитского толка. Идеи А.Фарага служат идеологической платформой деятельности большинства современных радикальных группировок.

Так, он считал, что любой мусульманин, игнорирующий нормы шариата - «неверный, с ним нужно воевать, пока он не вернется к Суду Аллаха и его посланника и не перестанет судить ни в большом, ни в малом другим судом»¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Малащенко А.В. Неприятие фундаментализма как его зеркальное отражение // НГ-религии. – 1997. – 25 дек.

Говоря о современных правителях Египта. А.Фараг утверждает, что они «не имеют от ислама ничего, кроме мусульманских имен», и причисляет их к отступникам (муртадун). Отступник, отмечает он, хуже, чем «неверующий по рождению» (т.е. христианин, иудей и пр.), так как они могут не знать ислама, а отступник осознанно отрекается от веры, зная об ее добродетелях. Ссылаясь на мнение основателей-эпонимов суннитских мазхабов, А.Фараг пишет, что «неверующих по рождению» христиан и иудеев, которые являются общиной покровительствуемых, нельзя убивать. Отступника же разрешено казнить, «он не имеет права завещать свое имущество кому-либо, его брак теряет юридическую законность, так как он отверг саму основу ислама, он хуже кафира»¹⁰¹.

Обвинив в безбожии правящий египетский режим, А.Фараг обосновал этим законность с религиозной точки зрения вооруженного джихада с властями¹⁰². В своей работе «Забытый долг» он пишет: «Сегодня, несмотря на всю важность джихада, от которого зависит будущее ислама, некоторые улемы пренебрегают этой обязанностью, зная, что это единственная дорога для того, чтобы вновь возвысить ислам... Без всяких сомнений, сегодня идолопоклонство на земле можно свергнуть только силой меча»¹⁰³.

По мнению А.Фарага, в то время как умма находится под властью неверного режима, исполнение только пяти столпов ислама становится недостаточным. В этих условиях джихад как вооруженная борьба автоматически становится шестым столпом ислама. Кроме того, джихад в концепции А.Фарага приобретает наступательный характер. По его мнению, «война в исламе ведется для утверждения слова Аллаха на земле как оборонительным образом, так и наступательным... Ислам распространялся мечом, однако безбожные имамы скрывают это... На мусульманах лежит обязанность поднять мечи и направить их на режимы, которые скрывают истину»¹⁰⁴.

¹⁰¹ Примаков Е.М. История одного сговора. – М., 1981. – С. 248-250.

¹⁰² Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте. – М., 2003. – С. 84.

¹⁰³ Voll J.O. Islam: Continuity and Change in the Modern World. – Boulder, 1982. – P. 354-355.

¹⁰⁴ Ражбадинов М.З. Указ. соч. – С. 84-85.

Общая стратегия джихада у А.Фарага определяется представлениями о «враге ближнем» (мусульмане, которые не разделяют идеологических воззрений и практику радикалов), «враге дальнем» (немусульманские противники радикалов, прежде всего, представители западнохристианской цивилизации) и о джихаде как об индивидуальной обязанности для каждого мусульманина. По мнению А.Фарага, джихад становится обязательным в трех случаях:

- если встретились два войска, то мусульманину запрещено покидать его ряды;
- если неверные напали на мусульманское государство;
- если имам призвал свою общину к джихаду.

Кроме этого, А.Фараг упоминает еще одно условие – четвертое. Согласно ему, если правитель мусульманского государства отверг руководство по шариату, то такого правителя нужно свергнуть, и джихад становится индивидуальной обязанностью. На его ведение не нужно даже специального разрешения улемов, джихад становится такой же индивидуальной обязанностью, как пост и молитва¹⁰⁵.

Однако на рубеже 80 – 90-х гг. XX в. новый лидер «Аль-Джихада» Аббуд аз-Зумр насытил идеологическую доктрину организации новыми концепциями. Помимо него, еще одним плодотворным автором движения выступил Тарик аз-Зумр. К концу 90-х гг. новые идеи выдвинул один из лидеров зарубежного руководства «Аль_Джихада» Айаман аз-Завахири, ныне считающийся главным идеологом «Аль-Каиды» и «Мирового фронта джихада», созданных Усамой бен-Ладеном.

Особенности трактовки ими концепции джихада практически не отличаются от идей А.Фарага. Так, по мнению Аббуда аз-Зумра, джихад также есть фард айн – индивидуальная обязанность каждого мусульманина, который должен участвовать в нем по мере своих сил и возможностей¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Ат-Тураби Х. Аль-Харака аль-исламийя фи ас-Судан (Исламское движение в Судане). – б.м. – б.г. – С. 4-5.

¹⁰⁶ Ерасов Б. Культура, религия и цивилизация на Востоке. – М., 1990. – С. 73.

Другой теоретик исламизма Тарик аз-Зумр считает, что высшее проявление из всех форм джихада – это вооруженная борьба. Он резко критикует тех лидеров из числа исламских радикалов, которые ограничиваются только идейной борьбой¹⁰⁷. Более того, джихад в таком случае имеет наступательный характер, и необязательно, чтобы неверные инициировали нападение первыми, «достаточно, чтобы они всего лишь имели признаки тех людей, с которыми надлежит воевать»¹⁰⁸.

Идеологи организации подкрепляют свои выводы религиозными аргументами, ссылаясь на целый ряд авторитетных улемов мусульманского прошлого, среди которых Ибн Таймийя, Ибн Касир, Аль-Куртуби, Ан-Навави и др. В итоге делается вывод, что джихад становится обязанностью каждого мусульманина в следующих случаях:

- когда во главе государства стоит правитель-кафир, поэтому необходимо вести борьбу за его свержение;

- джихад ведется с общиной, уклоняющейся от предписаний шариата. Под таковыми ныне понимаются сотрудники службы безопасности, полиции и прокуратуры;

- джихад необходим для установления власти халифа-мусульманина. Опираясь на мнение Ибн-Таймийи, Тарик аз-Зумр считает, что сила нужна для исполнения таких предписаний шариата, как «повеление благого и запрещение нечестивого, установление справедливости, совершение хаджа, пятничной молитвы, помощь угнетенным, исполнение наказаний»¹⁰⁹.

Следует также отметить, что «Аль-Джихад» отвергает тактику постепенной «исламизации снизу». Такая стратегия основывается на изменении общества посредством осуществления исламского призыва. Однако «Аль-Джихад» считает, что общество трудно изменить, пока оно будет находиться под властью режима неверных, способного применять и использовать разнообразные методы, препятствующие мирной исламизации.

¹⁰⁷ Там же. – С. 147-148.

¹⁰⁸ Ruthven M. Islam in the World. – N.Y., Oxford, 1984. – P. 308.

¹⁰⁹ Miller J. The Challenge of Radical Islam // Foreign Affairs. – 1993. -Vol. 72. - N 2. – P. 50-51.

По мнению идеологов организации, стратегия «исламизации снизу» демонстрирует свою ограниченность в деятельности «Братьев-мусульман» и салафитских джамаатов. Первые замыкаются рамками интеллигенции и отрываются от масс, вторые практически утратили чувство реальности. Более того, для «Аль-Джихада» неприемлемо какое-либо участие в парламентской деятельности: это означало бы признание того, что источником законов может быть не Аллах, а его творения – люди¹¹⁰.

Вместе с тем, в конце 90-х гг. видный теоретик и лидер «Аль-Джихада» Айман аз-Завахири выдвинул идею глобального джихада, в первую очередь, с «дальним врагом» - альянсом мирового куфра. Под ним он подразумевает, прежде всего, страны Запада, в первую очередь США и Израиль; теперь же в этот список попала и Россия, примкнувшая, по мнению исламистов, к этому союзу. А. аз-Завахири пишет, «не следует считать, что борьба за создание исламского государства является региональной войной. Альянс крестоносцев и сионистов, возглавляемый США, не позволит мусульманским силам прийти к власти в какой-либо из мусульманских стран. Надо готовиться к тому, что эта борьба не ограничится рамками одного региона, она будет вестись как против внутреннего врага – вероотступников, так и против внешнего – альянса крестоносцев и сионистов»¹¹¹. По его мнению, джихад с «дальним врагом» нельзя откладывать, поскольку альянс евреев и крестоносцев не дает ни времени, ни шансов нанести поражение «внутреннему врагу». Поэтому А. аз-Завахири предлагает перенести войну за пределы исламского мира на территорию врага. В частности, он высказывался за то, чтобы вывести успешный джихад за освобождение мусульман из пределов Афганистана и Чечни и перенести его с окраин исламского мира в его самое сердце¹¹².

После терактов в Америке 11 сентября 2001 г. и начала антитеррористической операции А. аз-Завахири назвал уничтожение двух

¹¹⁰ Ражбадинов М.З. Указ. соч. – С. 88-89.

¹¹¹ Там же. – С. 89.

¹¹² Enayat H. Modern Islamic Political Thought. – Austin, 1982. – P. 84.

Нью-Йоркских небоскребов благословенной акцией и вершиной борьбы между мусульманской Уммой и силами великого языческого куфра. Он обвинил Дж.Буша в том, что тот открыто объявил новый крестовый поход против ислама под вывеской борьбы с терроризмом. А. аз-Завахири в своей новой книге «Аль-Валайя ва-ль-бараа» подчеркивает, что ныне каждый мусульманин должен руками, языком или хотя бы в помыслах оказывать противодействие оккупантам. В книге он обнародовал своеобразную фетву, в которой говорится о том, что мусульманину запрещено сближаться с кафирами, следует хранить в тайне любые секреты мусульман. Запрещено вести какие-либо дела с кафирами. Запрещено воспринимать какие-либо теории и идеи безбожников. Запрещено помогать кафирам в их войне с мусульманами и как-то оправдывать крестоносцев. Мусульманам предписано вести джихад с безбожными агрессорами, отступниками и лицемерами (под двумя последними подразумеваются арабские режимы, предоставившие свою территорию для антитеррористической кампании, а также улемы, издающие лживые фетвы, купленные властями)¹¹³.

«Аль-Джихад» одной из первых выдвинул также идею создания единого фронта исламских организаций. Еще в апреле 1991 г. Аббуд аз-Зумр выдвинул проект создания исламского фронта. По его мнению, организация осознала, что сегодня крайне необходимо объединить различные исламские организации, так как «масштабы вызова слишком велики, чтобы справиться с ним лишь силами какой-то одной группировки в отдельности»¹¹⁴. Кроме того, современная международная обстановка толкает к таким мерам, а именно: сближение России и США и ускорение европейской интеграции¹¹⁵. При этом несомненный приоритет в таком фронте отдается радикальным, «джихадистским» группировкам.

В феврале 1998 г. современному «террористу номер один» Усаме бен-Ладену удалось объединить вокруг ранее созданной им организации арабов-

¹¹³ Ражбадинов М.З. Указ. соч. – С. 91-92.

¹¹⁴ Трофимов Д.А. Исламский фундаментализм в Арабских странах: истоки и реалии // Восток. - № 1. – 1992. – С. 116.

¹¹⁵ Левин З.И. Мусульманское реформаторство и политика // Ислам и исламизм. – М., 1999. – С. 43.

афганцев «Аль-Каида» ряд экстремистских исламских группировок, создав «Всемирный исламский фронт борьбы с иудеями и крестоносцами», получивший известность как «*Мировой фронт джихада*» (МФД). Помимо него учредителями «фронта» стали: руководитель египетской организации «Аль-Джихад» доктор Айман аз-Завахири; председатель консультативного совета «Гамаа Исламия» Рифаи Ахмед Таха Муса (Египет); секретарь пакистанской исламской организации «Джамиат уль-Улема-е-Пакистан» («Ассоциация улемов Пакистана») шейх Мир Хамза; лидер пакистанского движения «Харакат аль-Ансар» Фазлуль ар-Рахман и лидер движения «Джихад» из Бангладеш Абд аль-Салям Мохаммед. В МФД также вошли пакистанская организация «Аль-Хадис», ливийская «Аль-Джамаа аль-Исламия», иорданская «Байат аль-Имам» («Присяга имама»), алжирская «Вооруженная исламская группа», йеменский «Джихад», ливанские «Асбат аль-Ансар», «Джамаа исламия» и др.¹¹⁶

А.аз-Завахири считает важным для стратегии джихадистского движения два момента. Во-первых, оно должно постоянно расти, видоизменяться и обновляться. Во-вторых, в муджахедах нужно воспитывать непоколебимость, терпеливость и стойкость. Главным же приоритетом стратегии движения он видит боевую подпольную деятельность. В частности, он указывает на то, что боевые группы джихадистского движения должны использовать любое оружие, которое доступно или не доступно и даже запрещено. Все известные формы и способы ведения эффективной войны должны стать частью современной стратегии. А.аз-Завахири предлагает начать с самого простого и «легкого»: «Убивайте американцев пулями, ножами, упакованной смесью взрывчатки, бейте их железными прутьями и забрасывайте бутылками с зажигательной смесью»¹¹⁷.

Он предлагает сосредоточиться на следующих задачах. Во-первых, следует концентрироваться на проведении широкомасштабных акциях с

¹¹⁶ Добаев И.П. Политические организации исламского мира: идеология и практика. – Ростов н/Дону, 2001. – С. 69.

¹¹⁷ Ражбадинов М.З. Указ. соч. – С. 101.

большим количеством жертв, важное значение имеют именно огромные людские потери. Такие акции впечатляют западное общество, и заставляют задуматься людей. Это единственный язык, который сегодня понимает Запад. Во-вторых, при проведении боевых операций необходимо опираться на акции шахидов (камикадзе). Такие операции не требуют больших потерь со стороны мусульман, но наносят противнику большой урон. В-третьих, акции следует тщательно подготавливать, нужно производить достоверный анализ вражеского потенциала, его возможностей и наиболее уязвимых мест. В-четвертых, большое значение имеет выработка четкой стратегии и идеологии борьбы. Сегодня борьба «за наши святыни, нашу родину, дома, богатства – этой война каждого мусульманина, и молодого и старого». Каждый мусульманин несет ответственность за защиту ислама и его святынь. Мы должны дать обществу сильных и знающих лидеров, показать явного врага и разбить оковы страха¹¹⁸.

В настоящее время идеологию радикального исламизма на практике реализуют многочисленные группы религиозно-политических экстремистов и террористов, прикрывающихся исламом, во многих регионах мира, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке, Северной Африке, на американском континенте и в Европе, а также и на территории Российской Федерации. Среди них - «Аль-Каида», «Исламское государство», «Фронт победы» («Джабхат ан-Нусра»), «Боку Харам» и десятки, а может быть и сотни, аналогичных группировок. При этом террористические атаки представляются ими в качестве «джихада». Сказанное настоятельно требует повышения эффективности противодействия терроризму, в том числе и в идеолого-психологической сфере, особенно среди уязвимых слоев молодежи.

¹¹⁸ Там же. – С. 102.

Глава II. Информационно-психологическое противодействие идеологии терроризма в молодежной среде современной России

2.1. Терроризм в контексте процессов глобальной информатизации

Развитие современного терроризма неразрывно связано с развитием информационно-коммуникационных технологий. Важно отметить, что информация как глобальная ценность содействует освоению и преобразованию окружающего человека мира, помогает ему в формировании жизненных ценностей, политических предпочтений. Наблюдаемое на рубеже XX и XXI вв. активное развитие коммуникационных технологий значительно облегчило производство и распространение социально значимой информации и привело к формированию глобального информационного пространства, в которое вовлечены целые сообщества, политические, экономические, религиозные и культурные институты.

Интенсифицирующиеся в настоящее время процессы глобальной информатизации социального пространства коренным образом преобразуют человеческое и общественное бытие. В результате формы пространственно-временной организации социальных связей и отношений претерпевают глубокую трансформацию. Продолжающаяся информационная революция сжимает время и пространство, открывает границы, позволяет устанавливать контакты в любой точке земного шара, меняет содержание различных видов деятельности. Пространство общественного бытия уплотняется и перемешивается, становясь более однородным. Неслучайно в ряде многие исследователи обращают внимание на неслыханный темп, который характерен для современных культурных и политических изменений.

С созданием всемирной компьютерной сети Интернет человечество практически вступило в фазу формирования и поддержания в актуальном состоянии единой общемировой информационно-коммуникационной среды. Киберпространство, совсем недавно доступное лишь

высококвалифицированным программистам, на наших глазах трансформируется в информационное поле социально-экономического, политического и культурного развития всего сообщества, позволяющее обеспечить необходимыми сведениями отдельных граждан, их различные объединения, предприятия, органы власти и управления. Показательно, что ООН в 2011 г. приравнило свободу доступа в Сеть к свободе слова. В то же время «средство (или технический процесс) нашего времени - электронная техника - придает новую форму и перестраивает схемы социальной взаимозависимости, а также аспект нашей личной жизни... Общественная жизнь зависит в большей мере от характера средств, при помощи которых люди поддерживают между собой связь, чем от содержания их сообщений...»¹¹⁹. Реалии сегодняшнего дня таковы, что печатные книги и соответствующие им издания масс-медиа, утрачивают прежний социальный авторитет, традиционное культурное предназначение. Отметим, что книга-кодекс, форму которой имеют современные печатные книги и издания пришла на смену книги-свитка, изготовленной из тонкого папируса. Естественно, свиток был недолговечен, неудобен для прочтения и передачи больших объёмов информации. Появление книги-кодекса было связано с развитием технических возможностей, что повлекло за собой изменение социальных, культурных, познавательных потребностей и интересов людей. В настоящее время, по мнению литературоведов и культурологов, происходит процесс, когда электронные способы передачи различной информации занимают приоритетные позиции, а традиционные для минувшего столетия печатные издания, как и книга-кодекс их утрачивает. Сегодня интернет формирует глобальное информационно-коммуникативное пространство, служа физической основой для веб и множества систем (протоколов) передачи данных. Все уровни коммуникации в Сети находятся в системно-функциональной взаимосвязи и взаимозависимости. Вместе с тем

¹¹⁹ Маклюэн М. Война и мир в глобальной деревне/ М. Маршал, К. Фиоре. пер. с англ. И. Летберга. - М. 2012. - 219 с.

исследователи отмечают также синергетический характер подобной многоуровневой коммуникации.

Однако Интернет не только является главным достижением в развитии средств массовой коммуникации, но и фактором преобразования привычного уклада жизни и деятельности миллионов людей во всех странах мира. В современном обществе постоянная информационная связь с окружающим миром является одним из важнейших условий нормальной жизнедеятельности человека, развития его социальной активности. Прекращение такой связи способно вызвать психологический дискомфорт, дезадаптацию, стать причиной фрустрации и возникновения стрессовых состояний. Однако на социальное самочувствие людей влияет не только постоянный информационный контакт или его отсутствие, но и количество, объем, содержание и структура поступающей и перерабатываемой информации. Человек, живущий в XXI веке, подвержен почти непрерывному влиянию информационных технологий, воздействующих на его сознание, участвующих в формировании мировоззрения, стиля жизни, моделей поведения. В силу этого мировосприятие человека представлено иерархией информационных моделей и систем.

Итак, информационная сфера выступает системообразующим фактором жизни современного общества, а массовая коммуникация его неотъемлемым атрибутом. В связи с этим задача адекватного управления обществом в условиях постиндустриальной эпохи требует перехода с административного на коммуникативное поле. В такой ситуации задача удержания власти предстаёт как коммуникативная задача. Как известно, в демократическом обществе решения принимаются на основе принципа большинства, поэтому массовая коммуникация является составной частью политической системы. Сегодня массовые коммуникации выступают активным элементом идейно-политической системы общества. Заметим, что основная функция массовой коммуникации как социального института состоит в постоянном и повсеместном воспроизведении системы существующих в обществе

отношений. Подчеркнём, что в данном контексте массовая коммуникация, есть среда формирования, распространения и функционирования различных образцов восприятия, мышления, поведения.

Безусловно, в осуществлении коммуникаций на массовом уровне, сегодня особое значение имеет сеть Интернет. Отметим, что в настоящее время выделяют несколько уровней его исследования: коммуникационный (технический аппаратный и технологический программный) и коммуникативный (антропоцентрический). В то же время отсутствует однозначное общепринятое определение понятия Интернет.

Например, в законодательстве США (2001г.) дано следующее определение: «Интернет» означает совокупность неограниченного числа компьютеров и различных телекоммуникационных составляющих, включая оборудование и управляющее программное обеспечение, которые, будучи соединёнными, составляют всемирную сеть. Она, в свою очередь, использует протоколы TCP/IP (или какие-либо предыдущие или последующие их версии) для передачи информации любым образом посредством кабелей / проводов или радио»¹²⁰. Отметим, что в данном определении отражены технические (оборудование) и технологические (программное обеспечение), то есть коммуникационные параметры Сети, которые изначально трактовались и трактуются до сих пор однозначно, поскольку эволюционируют, не претерпевая радикальных изменений. В то же время в рамках исследовательских традиций XX века сложилось несколько базовых междисциплинарных подходов к изучению Интернета, которые развиваются и в настоящее время. Прежде всего, Интернет рассматривается как новый объект социума. При этом констатируется, что его развитие влечет за собой социальные изменения. Соответственно, технологии и информация определяют новый тип общественного устройства. В русле классических трактовок развивается также идея о том, что интернет является обязательной компонентой глобального общества принципиально нового типа. Отметим,

¹²⁰ Internet Freedom and Broadband Deployment Act of 2001.

что наряду с междисциплинарными подходами к исследованию Интернета, существуют частные. Например, частный подход реализуется в исследованиях Всемирной паутины как виртуального образа реального мира¹²¹. Однако, несмотря на разнообразии исследовательских подходов, в целом ряде трактовок понятия Интернет внимание фокусируется на его коммуникативной сущности. В частности, Интернет – это:

- информационно-коммуникативная технология, техническая основа которой – «глобальная информационная компьютерная сеть, представляющая собой всемирное объединение локальных сетей, шлюзов, серверов и компьютеров, которое использует единый набор правил и процедур (протоколов), регулирующих порядок осуществления связей между ними».
- всемирная система компьютерной коммуникации, осуществляемая с помощью символического языка машинных кодов в различных формах и обеспечивающая коммуникативные возможности.
- информационно-коммуникативное пространство, формируемое на основе аппаратной и программной инфраструктуры в результате совокупности процессов коммуникации всех субъектов.

Подчеркнём, что несмотря на отсутствие единого определения понятия Интернет, большинство исследовательских подходов обращено к его социальным функциям и коммуникативной составляющей. Это во многом обусловлено тем, что Интернет, являясь средством массовой коммуникации, имеет специфические свойства, отличающие его от других масс-медиа. К таким свойствам Интернета относятся мультимедийность, открытость, интерактивность, оперативность, нефиксированность объёма информации и дешивизна.

Итак, интернет - это продукт современного общества, состоящий из совокупности сетей. В его специфику входит предоставление огромного

¹²¹ Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. - Спб. 2002. - 209 с.

количества информации, через средства коммуникаций, такие как электронная почта, региональные, глобальные и локальные сети связи. При помощи Интернета предоставляется доступ к многочисленным объемам информации, которые хранятся в различных уголках нашей планеты. Как считает Мануэль Кастельс: «Интернет выполняет роль технологического базиса для организационной разновидности информационной эры — Сети».

Однако «средства коммуникаций, изменяя среду, вызывают в нас необычные соотношения чувственных восприятий. Расширение любого чувства изменяет образ нашего мышления и деятельности нашего восприятия мира. Когда изменяются эти соотношения, изменяются и люди», - утверждает М. Маклюэн. В этой связи важно отметить, что Интернет является наиболее популярным средством общения и получения информации для молодёжи. Причём для определённого числа её представителей, их называют цифровым поколением, Интернет является ведущим способом взаимодействия и главным фактором влияния на процесс формирования мнений, суждений, убеждений. Важно отметить, что отличительной чертой цифрового пространства является двусторонний характер воздействия. С одной стороны, оно участвует в формировании, социализации и развитии личности, с другой в создании цифровой реальности активно участвуют пользователи компьютерных и Интернет-технологий. Такая ситуация открывает позитивные перспективы, например, в плане развития познавательного и образовательного контента, и одновременно порождает новые психологические риски и информационные угрозы.

Современный исследователь Ю. О. Годик убеждена, что «дети первого «цифрового поколения» родились в веке цифровых технологий, уже подросли и скоро изменят окружающий мир в соответствии со своими желаниями». По мнению социологов Дж. Палфри и У. Гассер социологический портрет «цифрового поколения» образуют такие качества, как «тотальная» креативность, инновационность (подразумевающая разрушение и отказ от традиционных устоявшихся социальных форм жизнедеятельности,

демократичность), информированность, благодаря постоянной включенности в поисковую деятельность, многозадачность (способность решать несколько когнитивных задач одновременно).

Наряду с этим исследователи определяют и проблемные зоны «цифрового поколения», порождающие новые информационно-психологические угрозы и риски. К ним относятся:

- информационную перегруженность и как следствие – снижение способности формировать и оперировать знаниями (т.е. систематизировать информацию, последовательно ее осваивать, выстраивать логические связи, структурировать материал),
- интернет-зависимость,
- контакты со злоумышленниками и доступ к «опасному» контенту (проявления агрессии, домогательства, призывы к насилию, порнография),
- трансформация (порой разрушительная) понятий личного пространства, защиты личных данных, авторских прав.

Как отмечают современные исследователи познавательных процессов, активное использование цифровых технологий приводит к развитию, так называемого, распределённого сознания. Его особенность в том, что сознание и все ментальные процедуры своеобразно распределены между человеком и разными устройствами, которым передаётся часть когнитивных функций. Вследствие этого происходит изменение процессов восприятия, памяти, мышления и познавательной активности личности. Так, современный молодой человек зачастую не считает нужным запоминать, например, сведения о каком – либо историческом событии, общественном деятеле, учёном, полагая, что в случае, если ему данная информация потребуется, он обратится к Википедии. В то же время фрагментарность, мозаичность как постоянные атрибуты виртуального мира, искореняют связь между событиями и разрушают культурную память, историческое самосознание.

Следует особо отметить, что Ш. Теркл, исследуя проблемы, взаимодействия человека и технологий, обращает внимание на такую психологическую особенность молодых пользователей, как тревога неподключенности, которая для некоторых достигает уровня паники. «Современные подростки могут всерьез говорить о потере iPhone как об очень значимой утрате. Желание быть всегда в Сети характерно для современного человека, общепринято»¹²².

Другой психологической особенностью является, эмоциональная холодность представителей цифрового поколения. Это во много является следствием опосредованного взаимодействия, при котором практически невозможно осуществлять полноценную невербальную коммуникацию. Как известно, в Интернет-коммуникации эмоциональные реакции символически обозначаются посредством смайликов. Однако они не способны отразить даже частично гамму эмоциональных откликов и переживаний человека. Вследствие этого «цифровая жизнь» порождает поверхностное взаимодействие и сопровождается иллюзией «легкости скольжения». Так, открытому общению или даже телефонному разговору молодые люди нередко предпочитают тестовые онлайн или СМС сообщения. Наблюдая подобные проявления, психологи отмечают тенденцию пребывания в иллюзии общения, иллюзии дружбы.

Безусловно, настоящая дружба, отношения требуют от человека глубины переживаний, искренности, интимности, внутренних усилий, работы. Именно от этого уклоняется новое поколение. Такие стратегии общения способствуют развитию социальной дезадаптации «цифровых детей». Другими словами, адаптируясь к виртуальному миру, они не смогут адекватно взаимодействовать в обществе, испытывая дефицит реального социального опыта.

¹²²Turkle Sherry Интервью для проекта Digital Nation. Life on the digital frontier // http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/digitalnation/interviews/turkle.html?utm_campaign=videoplayer&utm_medium=fullplayer&utm_source=relatedlink

В этой связи необходимо обратиться к вопросам личностной и социальной идентичности молодёжи, активно ведущей Интернет-коммуникации. Представители «цифрового поколения» презентуют социальные, личные идентичности, реальные и идеальные, обновляют, изменяют их, включаются в коммуникацию одновременно в он- и офлайн-мирах. «Цифровое поколение» придает очень большое значение своему публичному онлайн-образу и старательно выстраивает его. Заметим, что социологи Джон Полфри и Урс Гассер полагают: у каждого из нас идентичность имеет несколько составляющих, в том числе личную (характер, интересы, предпочитаемые виды деятельности) и социальную (референтные группы, сообщества, с которыми личность себя соотносит, чьи ценности и интересы она разделяет). Век интернета предоставляет недостижимую прежде свободу формировать и управлять своей идентичностью.

Социально-психологические исследования свидетельствуют, что для современного шестнадцатилетнего подростка цифровой мир есть не что иное, как продолжение реального. Вместе с тем избыточность потребляемой на различных ресурсах информации, рассматривается в качестве одной из причин неустойчивости личностной идентификации, трансформирующейся под влиянием виртуального пространства. В то же время существенные изменения претерпевает социальная идентичность, формируемая в различных онлайн-сообществах.

Итак, цифровое пространство стало неотъемлемой частью жизни молодёжи, в этом кроется значительная социальная опасность, так как интенсивное развитие информационно-коммуникационной сферы повлекло за собой развитие новых технологий информационно-психологического воздействия, используемых в целях вовлечения в терроризм. Это вызывает обеспокоенность экспертов НАК, констатирующих активное пополнение рядов экстремистов за счёт представителей цифрового поколения.

В условиях глобальной информатизации лидеры террористических движений организуют свою деструктивную деятельность, рассчитывая на

своеобразный «эффект бабочки», когда их действия имеют лавинообразные последствия для разных сфер общественного бытия, политических и социальных отношений. В этой связи рассмотрим особенности современного терроризма. Анализ научной литературы, международных документов и уголовного законодательства ряда стран, по мнению В.В. Устинова, Н.Н. Ветрова, Ю.М. Антоняна, К.Н. Салимова и других показывает, что современному терроризму как деянию свойственны следующие четыре отличительных признака¹²³.

1. Терроризм порождает реальную общественную опасность для неопределенного круга лиц, возникающую в результате совершения деструктивных действий либо угрозой таковыми.

2. Публичный характер исполнения, определяющийся тем, что современный терроризм является формой насилия, рассчитанной на массовое восприятие.

3. Преднамеренное создание обстановки, способствующей появлению подавленности, напряженности, страха перед лицом террора у широкого круга лиц.

4. Террористический акт для его организаторов выступает средством воздействия на власти, а также на определенные слои населения, которые своей реакцией могут способствовать принятию необходимого террористам общественно – политического решения.

В современной российской литературе выделяется взаимосвязанный ряд стратегически важных тенденций терроризма в мире¹²⁴.

1. Интенсивный рост общественной опасности, угрожающей как международной, так и национальной безопасности, конституционному строю и правам граждан.

¹²³ Терроризм и контртерроризм в современном мире аналитические материалы, документы, глоссарий: Научно – справочное издание/ Под общ. Ред. О. А. Колобова. - М. 2003. - 348 с.

¹²⁴ Терроризм в современном мире. 2-ое изд. / Под ред. В. Л. Шульца; Центр исследований проблем безопасности РАН. - М. 2011. - 603 с.

2. Расширение социальной базы терроризма за счёт вовлечения в его орбиту представителей различных слоёв населения и формирование устойчивого круга лиц, разделяющих политические устремления тех или иных террористических организаций.
3. Превращение терроризма в долговременный фактор политической жизни.
4. Рост организованности и управляемости террористических образований.
5. Создание блока террористических организаций в рамках отдельных стран и мира в целом.
6. Смыкание терроризма и организованной преступности.
7. Продолжение и даже усиление связей между государственным, международным и внутренним терроризмом.

Очевидно, что основной тенденцией терроризма сегодня становится интенсивное повышение его общественной опасности. В силу своей многогранной природы терроризм оказывает деструктивное воздействие на различные сферы общественного бытия. «Террористы самым серьезным образом способны изменить общественную атмосферу, посеять страх, неуверенность, недоверие к властным структурам», - полагают Л.Я. Гозман, Е. Б. Шестопап¹²⁵. В связи с этим позиция Национального антитеррористического комитета на современном этапе заключается в том, что институты гражданского общества, научного, образовательного и бизнес – сообщества, СМИ могли бы более активно подключиться к антитеррористической деятельности государства и внести свой значимый вклад в дело защиты наших граждан от террористических посягательств¹²⁶.

Отметим, что вследствие многогранной природы терроризма, отсутствует однозначная оценка причин и последствий этого явления.

¹²⁵ Будницкий О. В. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии. - 2004. - №5. - С. 21-34

¹²⁶ Терроризм в современном мире. 2-ое изд. / Под ред. В. Л. Шульца; Центр исследований проблем безопасности РАН. - М. 2011. - 603 с.

Однако, как считает зарубежный исследователь У. Лакер, «никого не должен сдерживать тот факт, что не существует «общей научной теории» терроризма, пишет один из крупнейших современных исследователей терроризма - Общая теория a priori невозможна, потому что у этого феномена много различных причин и проявлений»¹²⁷.

Соответственно, разнообразие исследовательских подходов, порождает различные трактовки понятия терроризм. Так, в мире насчитывается более сотни различных определений. В толковом словаре Даля при трактовке понятия терроризм указывается на то, что это: «...устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства»¹²⁸. В то же время в словаре С. И. Ожегова террор трактуется как физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам¹²⁹. Отметим, что синонимами слова «террор» (лат. terror — страх, ужас) являются слова «насилие», «запугивание», «устрашение»¹³⁰. Терроризировать - трактуется, как преследовать, устрашать насилием, репрессиями; террористический – свойственный террору, внушающий ужас, страх¹³¹.

Соответственно, этимология термина «*терроризм*» свидетельствует о том, что корни этого понятия произрастают из латинского слова «*terror*», обозначающего страх, ужас. И действительно, необходимым элементом, присутствующим в любой террористической акции является устрашение политического противника, либо тех людей, которые выступают в роли непосредственных жертв терактов. При этом нагнетание страха играет роль вспомогательного средства для достижения конкретной цели: получить материальные или политические выгоды, заставить власти выполнить определенные требования, например, изменить политический курс и т.д.

¹²⁷ Современный терроризм: анализ основных направлений/ Под общ. ред. Тарас А. Е. - Мн. 2000. - 218 с.

¹²⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-ч томах 1863-1866 гг. // <http://slovardalja.net/word.php?wordid=40157>.

¹²⁹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 1982. - С. 707

¹³⁰ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Терроризм>

¹³¹ Лёхин И. В., Петров Ф. Н. Словарь иностранных слов. - М. 2007. - С. 456-457.

Важно отметить, что по мнению Р. Арона акт насилия рассматривается как террористический в том случае, когда его психологический эффект обратно пропорционален истинным физическим результатам¹³².

Обобщая имеющиеся в общественных науках определения терроризма, Я. И. Глицинский делает вывод, что определение терроризма может быть многовариантным¹³³:

- «систематическое устрашение, провоцирование, дестабилизация общества насилием»;
- «применение насилия или угрозы насилия против лиц или вещей ради достижения политических целей»;
- «насильственные действия или угроза их применения со стороны субъектов политики и преследование ими политических целей»;
- «систематическое использование убийств, телесных повреждений и разрушений или угроз перечисленных действий для достижения политических целей»;
- «метод политической борьбы, который состоит в систематическом применении ничем не ограниченного, не связанного с военными действиями физического принуждения, имеющего целью достижение определённых результатов путём устрашения политических противников».

В соответствии со статьёй 3 Федерального закона (ФЗ) «О противодействии терроризму» 2006 г¹³⁴.

1) **терроризм** - идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и / или иными формами противоправных насильственных действий;

¹³² Там же.

¹³³ Глицинский Я. И. Криминология. Теория, история.ю эмпирическая база, социальный контроль. - СПб. 2000. - С. 220.

¹³⁴ <http://nac.gov.ru/content/3888.html>

2) **террористическая деятельность** – деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооружённого формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информирование или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности;

3) **террористический акт** – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех или иных целях;

4) **противодействие терроризму** – деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по:

а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

б) выявлению, предупреждению пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

в) минимизация и/или ликвидация последствий проявлений терроризма.

Террористические акты в современном мире нацелены на то, чтобы разрушить общественный порядок, парализовать противодействие террору со стороны общественных сил и государственных органов, интенсифицировать беды и страдания общества.

Сущность террористической деятельности заключается в систематическом, социально и политически мотивированном, идеологически обоснованном использовании насильственных методов как средства достижения поставленных целей. При этом терроризм как особая, крайняя форма применения насилия отличается от других аналогичных форм своими специфическими признаками. Ю. В. Ващенко провёл специальный анализ зарубежных работ, изданных в США, Великобритании и некоторых других странах Запада, и обнаружил согласие большинства авторов в отношении следующих признаков терроризма:

1. терроризм заключается в использовании крайних форм насилия или в угрозе таким насилием;
2. цели террористического акта выходят за пределы причиняемого им разрушения, причинения телесных повреждений, смерти;
3. цели террористического акта достигаются путём психологического воздействия на лиц, не являющихся непосредственными жертвами насилия;
4. жертвы терроризма избираются больше по их символическому, нежели действительному значению.

Итак, объектом международного терроризма являются общественные отношения, регулирующие общественную безопасность, нормальное функционирование органов власти, а также жизнь и здоровье граждан. Соответственно, одна из важнейших промежуточных целей заключается в создании постоянной угрозы общественной безопасности. Важно отметить, что после событий 11 сентября 2011 г. в США обозначилась тенденция отождествления терроризма и войны. Зарубежный исследователь А. Джангир утверждает, что *«терроризм* – самостоятельная военно-политическая

категория, особый вид войны, компонент политической культуры и направление идейного мировоззрения, включающий силовые и иные представляющие угрозу мотивированные действия, проявления и тенденции со стороны организованных структур, действующих вне формата государства». Сходного мнения придерживаются и отечественные исследователи, полагая, что терроризм в настоящее время «революционирует» в новый вид глобальной войны. Такое понимание природы терроризма обусловлено тем, что лидеры соответствующих движений эксплуатируют средства массовой коммуникации для усиления значения своей разрушительной деятельности и достижения определённых социально – политических целей. С точки зрения автора данного учебного пособия современный терроризм является способом информационно-психологического воздействия с целью управления социумом посредством превентивного устрашения и достижения социально-политических и экономических целей. В этой связи террористическую агрессию автор определяет как социально - нормированный коммуникативный акт, имеющий в рамках конкретной и дискретной ситуации деструктивную цель и призванный решить определённые задачи. К их числу относятся дестабилизация общества посредством порождением страха перед «лицом террора» у широкого круга лиц, и вместе с тем недоверия к демократическим режимам, не способным защитить граждан от терактов. Так, по мнению радикальных идеологов, акции смертников должны получать мощную медиаподдержку, чтобы возложить ответственность за многочисленные жертвы среди мирного населения Запада на правительства государств, поддерживающих США в их всемирной борьбе с терроризмом¹³⁵. Соответственно, вследствие глобальной информатизации социального

Седых Н. С Современный терроризм с точки зрения информационно-психологических угроз. // Национальная безопасность / nota bene. - 2012. - № 2. - С. 68-75. // http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-18411

¹³⁵ Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / Отв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследований проблем безопасности РАН. - М.:Наука, 2011. - 462 с.

пространства терроризм приобрёл черты “бархатной” или “мягкой” войны, основанной на использовании различных средств массовой коммуникации (СМК) для осуществления контроля над общественным мнением населения, направленного на достижение определённых социально-политических и экономических целей.

В этой связи наиболее перспективным нам представляется информационно-семиотический подход, позволяющий выделить терроризм как сложную организованную информационную систему, в процессе деятельности которой конструируются источник информации, передатчик информации и получатель информации. В контексте данного видения предназначение теракта есть передача некоего послания. По этой причине для лидеров соответствующих организаций принципиальное значение имеет совершение теракта в наиболее резонансной точке. В целях анализа ситуаций террористической опасности автор предлагает под точкой резонанса подразумевать способ территориальной организации акции террора, обеспечивающий её наиболее болезненное социальное восприятие и осознание произошедшего как угрозу собственной безопасности. Теракты, организованные таким образом, продемонстрировали, что современный человек находится в зоне повседневного риска. Серии взрывов жилых домов в г. Москве, Волгодонске и Буйнакске (1999 г.) привели к тому, что было поколеблено укоренившееся ощущение «мой дом – моя крепость». Трагические события в Беслане 1.09.2004 г., поразили своей жестокостью и продемонстрировали, что даже дети могут стать объектом террора. Серии взрывов в метро, аэропортах и другие подобные теракты привели к тому, что граждане не только стали проявлять бдительность, но и испытывать тревогу, находясь в местах общественного скопления.

Итак, террористическая опасность проникла в различные сферы социального бытия человека и стала сопровождать его жизнедеятельность и социальную активность. Однако в немалой степени этому способствовала и сенсационная подача информации о террористических проявлениях и

причастных к ним людям в СМК. Заметим, что сенсационная подача материала обеспечивает возможность его изложения не в контексте логической последовательности, а в компилировании того, что наиболее интенсивно воздействует на эмоции. Поэтому зачастую сенсация основывается на внушении как виде психического воздействия словесного и образного, имеющего свойство вызывать некритическое восприятие и усвоение информации. Вместе с тем воспринимаемая эмоционально, а не рационально сенсация позволяет формировать определённые социально – психологические установки.

Заметим, что одна из самых сильных эмоций - страх. Причём «то, что мы называем общественным мнением, является, в сущности, общественной эмоцией», - считает Б. Дизраелли¹³⁶. СМИ, как подчёркивает В. В. Лунёв, вольно или невольно служат надёжными пособниками террористов в нагнетании страха¹³⁷. Это во многом обусловлено тем, что посредством СМИ осуществляется передача устрашающего информационного послания боевиков непосредственному адресату - массовой недифференцированной аудитории. Однако семиотическое пространство такого послания, воплощенное в теракте, резко расширяется в границах смыслового содержания и оценочных рефлексий. Как отмечает В.Б. Петухов, «шоковое состояние масс усугубляется хаосом непроверенной информации, панических слухов и предположений, ретранслируемых СМИ»¹³⁸.

Причём лидеры террористических организаций, на наш взгляд, преднамеренно режиссируют акции террора так, чтобы они получили всемирное освещение и оказали информационно-психологическое воздействие, заключающееся в изменении или укреплении взглядов, мнений, отношений и других психологических явлений. Следует подчеркнуть, что

¹³⁶ Улуян А. Информационная война без правил и победителей. Рос. Вести. - 2000. - №50 (6-12 декабря).

¹³⁷ Терроризм в современном мире. 2-ое изд. / Под ред. В. Л. Шульца; Центр исследований проблем безопасности РАН. - М. 2011. - 603 с.

¹³⁸ Петухов В. Б., Терроризм в информационно-семиотическом и мифологическом контексте // Общественные науки и современность - 2008. - №3. - С. 92-101.

информационно-психологическое воздействие является значимым атрибутом психологической войны, цель которой — достижение устойчивого результата в формировании общественного мнения, закладывание установок и паттернов поведения в подсознание масс. При воздействии на такие установки впоследствии происходит управление массовым психическим сознанием.

Соответственно, в психологической войне ключевую роль играют различные способы идеологического влияния и пропаганды, направленные на формирование общественного мнения в нужном манипуляторам ключе. Подчеркнём, что, идеология, согласно концепции зарубежного исследователя Томпсона, является смысловой конструкцией, поскольку выражена символическими формами, представляющими собой широкую совокупность действий и высказываний, текстов и образов. В этой связи идеология рассматривается через призму путей и способов, в которых значение, мобилизованное посредством символических форм, служит установлению и поддержанию отношений доминирования. В то же время функция выражения идеологии или «узаконивания власти», по мнению Т. ван Дейка, является основной функцией прессы¹³⁹.

Однако символические формы, как указывает Томпсон, оказываются включенными в процесс конституирования социальных отношений и являются репрезентациями, с помощью которых артикулируются или затеваются социальные отношения и интересы. Следует отметить, что репрезентация, согласно С. Холлу, - это производство смысла посредством языка¹⁴⁰. В то же время З. Фрейд, рассматривая репрезентативную функцию языка, отмечал, что слова могут одновременно отражать и формировать психический опыт. Это свойство делает их мощным орудием, так как

¹³⁹ Дейк, ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. - М. 1989. - С. 231.

¹⁴⁰ Hall S. 1986. The Problem of Ideology - Marxism Without Guarantees. - Journal of Communication Inquiry, vol. 10, N 2.

позволяет влиять на сознательные или бессознательные психические процессы с помощью языковых средств¹⁴¹.

Безусловно, войны, в которых имело место воздействие на психику масс, существовали во все времена. Однако в нынешнем тысячелетии информационно-психологические войны вследствие интенсификации коммуникативных технологий перешли на новый этап собственного развития. Значимой предпосылкой этого стала всё более возрастающая в условиях всеобщей информатизации социальной жизни зависимость человека от потока сообщений средств массовой коммуникации. Это продиктовано усложнением и динамичностью социальных процессов в обществе, влиянием происходящих общественных изменений непосредственно на повседневную жизнь человека. Причём усложнение общественной жизни, проявляющееся и в убыстрении социальных процессов, и в возникновении новых форм и «сечений» общественных институтов, и во всё умножающихся бурных социальных изменениях, а порою катаклизмах. Такие обстоятельства требуют от обыденного человека, рядового члена общества достаточной степени понимания того, что же происходит вокруг¹⁴². При этом всё меньше сведений, необходимых для своего социального поведения и жизни в обществе, индивид может получить, основываясь только на своем повседневном опыте. Все больше актуальной социальной информации современный человек получает из теле- и радиопрограмм, периодических изданий и Интернет - ресурсов. Особенно ярко это проявляется в формировании мнений по вопросам, которые не находят отражения в его непосредственном опыте, например, об обстановке в других городах, регионах, странах, о политических лидерах, об экономической конъюнктуре, международном терроризме и т.п. Общественное мнение интегрирует отношение к событиям и явлениям социальной реальности и отражает суждения больших социальных групп, народа, социетальной системы общества о значимых

¹⁴¹ Браун Дж. Психология Фрейда и постфрейдисты. - М, 1997. С. 25-28.

¹⁴² Андреева Г. М.. Психология социального познания. -М., .2004. - 288 с.

явлениях внутренней и международной жизни, вызывающих интерес. Общественное мнение – это коллективное (оценочное) суждение по поводу эмоционально – значимых проблем. Однако это не просто сумма отдельных, индивидуальных мнений, а совокупное мнение, имеющее эмерджентный характер. В силу этого общественное мнение является подсистемой социальной психики, которая представляет собой сложное, духовное, динамическое, но вместе с тем весьма противоречивое образование. Социальная психика функционирует подобно ансамблю эмоций, настроений, интересов масс. В недрах социальной психики кроются основания социальной воли, побуждающей к массовым действиям.

Заметим, что найти образ действий, соответствующий характеру времени и специфическим обстоятельствам в момент принятия решения, и есть, согласно Макиавелли, высшее проявление политики и главная её проблема. Известно, что СМИ выполняют не только функцию информирования, но также социализации и образования. Однако в условиях глобальной информатизации социального пространства масс-медиа нередко заменяют процесс систематического обучения и просвещения относительно общественно значимых вопросов и служат руководством к действию при решении повседневных практических проблем. В этой связи отметим, что важной предпосылкой политизации ислама на постсоветском пространстве и распространения фундаменталистских идей, по мнению современного исследователя Р.Ф. Патеева, послужила религиозная безграмотность населения, которая способствовала восприятию чуждых экстремистских идей под видом ислама. Причём это происходило в условиях формирования глобального информационного общества, в котором благодаря технологическому совершенствованию, открылись возможности распространения любых, в том числе и радикальных идей¹⁴³.

¹⁴³ Патеев Р. Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность // Автореф. дис. соиск. канд.полит. Наук. - Ростов-на-Дону. - 2006. - С. 4.

Сегодня интернет активно используется экстремистами как средство коммуникации, пропаганды, вербовки, так как позволяет осуществлять то, что Д. Деннинг назвала «управление восприятием - то есть террористы могут позиционировать себя точно такими, какими хотят казаться, без фильтров, налагаемых традиционными СМИ»¹⁴⁴. В частности, идеологи террористических движений сегодня призывают к медиаджихаду, утверждая, что его следует рассматривать как равный по своей значимости войне с оружием в руках, и он может составлять 90% от общих усилий. В настоящее время в интересах всемирного джихада действует около 5600 сайтов, причём каждый год открывается около 900 новых¹⁴⁵. Рассмотрим некоторые особенности конструирования экстремистских сайтов. Они выстроены преимущественно по модели сайтов легитимных политических движений и партий, поэтому основное внимание уделено описанию дела, за которое борются террористы. Вместе с тем большая часть наполнения сайтов террористических организаций состоит из справочных материалов, в первую очередь, по истории движения¹⁴⁶. Такая репрезентация служит идеи «моральной легитимизации насилия» и позволяет осуществлять групповое манипулирование. Это определяется тем, что намеченные к реализации цели, конкретные программные установки и практические шаги должны быть морально санкционированы господствующим в данной среде общественным мнением, после чего любые акции этого движения, даже если они сопряжены с неминуемыми беспорядками и кровопролитием, заведомо будут восприниматься как нравственно оправданные, отвечающие неким высшим интересам. При этом общий механизм морального оправдания насилия характеризуется тем, что: "...насилие придает смерти характер ритуальной жертвы... Когда смерть становится мерилом преданности благородному делу,

¹⁴⁴ Denning D.E. Assessing the computer network operations threat of foreign countries // Information strategy and warfare. Ed. by J. Arquilla, D.A. Borer. — New York — London, 2007. - P. 31.

¹⁴⁵ Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / Отв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследований проблем безопасности РАН. - М.:Наука, 2011. - 462 с.

¹⁴⁶ Tsafiti Y., Weimann G. www.terrorism.com: Terror on the Internet // Studies in Conflict & Terrorism. 2002. Vol. 25.P. 317-332.

даже жертвы становятся соучастниками насилия, если они принимают это как некую историческую необходимость. Для политического насилия это один из путей обрести свою легитимность"¹⁴⁷. В этой связи весьма показательное участие женщин в террористической деятельности, опровергающее укрепившееся представление о том, что «у войны не женское лицо». Вовлекая женщин в деструктивную деятельность, организаторы акций рассчитывают, прежде всего, на «психологический эффект», отметил известный исламовед Раис Равкатович Сулейманов. в ходе экспертного интервью, проведённого автором данного учебного пособия Данное интервью в сокращённом виде опубликовано в Российской газете¹⁴⁸. В ходе нашей беседы Р.Р. Сулейманов также подчеркнул, что «смерть женщины, например, в результате самоподрыва, или её участия в боевых действиях, воспринимается как некий акт героизма» и служит социальной репрезентации насилия «как справедливой войны».

Следует обратить внимание, что при позиционировании собственной деятельности экстремисты широко используют, так называемый, «язык ненасилия». Они демонстрируют, что ищут мирные средства, стремятся к дипломатическим решениям. Членов своих организаций представляют как борцов за свободу, продвигающих идеи социального благополучия и нравственного оздоровления общества посредством реализации глобалистского проекта – создания всемирного исламского государства. В то же время силовые действия правительств характеризуются как насильственные, употребляются слова «убийства», «пытки» и подобные. Например, на одном из форумов было размещено письмо известного идеолога «Аль – Каиды» Мухаммада Хасана (известного под именем Шейх Абу Яхья аль-Либи, который сбежал из американской тюрьмы в Баграме в Афганистане в июле 2005 г.). В нём он рассказывает о способах перевозки

¹⁴⁷ Панин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма// *Общественные науки и современность*.- 2002. - №4. - С. 113 -126.

¹⁴⁸ *Седых Н.С. Не женское дело — смерть. Почему террористы и религиозные экстремисты так часто делают женщин своим орудием* //Федеральный выпуск № 5987 (11). <http://www.rg.ru/2013/01/22/smi.html>.

заклѳченнѳх, методах пыток, способов допросов, используемых американцами. В разделе «Как противостоять на допросах» содержится подробная инструкция о том, как выдержать пытки, как воздействовать психологически на следователей¹⁴⁹. Соответственно, такая тактика позиционирования силовых действий правительств позволяет переложить ответственность с самих террористов на тех, кто им противостоит. Это также способствует формированию дихотомического взгляда на окружающую социально – политическую реальность и развитию стереотипного мышления в категориях «мы-они».

Безусловно, на фоне происходящих социально-экономических, политических изменений, сопровождающихся всё возрастающим влиянием массовой коммуникации на общественное и быденное сознание, актуализируется вопрос о том, как человек строит образ социального мира, или «конструирует» социальный мир. Под «конструированием» понимается приведение в систему информации о мире, организация этой информации в связные структуры с целью постижения ее смысла. Результатом этого является построение образа социального мира, который предстает перед человеком как определенная социальная реальность¹⁵⁰.

Итак, в целях выявления причинно-следственных связей развития терроризма в современных условиях, принципиально важно проанализировать процесс, в ходе которого он конструируется как социальный феномен и становится частью психологической реальности человека. При этом необходимо иметь в виду, что, с одной стороны, экстремисты целенаправленно ведут пропагандистскую деятельность, ориентированную на распространение соответствующей идеологии и популяризации террористической деятельности. С другой стороны, они крайне заинтересованы в организации информационно-психологического

¹⁴⁹ Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / Отв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследований проблем безопасности РАН. - М.:Наука, 2011. - 462 с.

¹⁵⁰ Андреева Г. М. Психология социального познания. - М.,2004. - 288 с.

воздействия, адресованного широкому кругу лиц в целях дестабилизации социальной жизни населения и создании постоянной угрозы общественной безопасности.

Таким образом, в целях создания прикладных инновационных методик противодействия, терроризм необходимо рассматривать с позиций социального конструкционизма. В данной исследовательской парадигме язык получает конститутивный статус, способность активно воздействовать на поведение и мышление людей, и рассматривается как порождающий процесс. При этом личности и человеческие сообщества являются не априорными величинами - они конституируются в процессе общения, во-первых, дискурсивно, во-вторых, интерактивно. Отметим, что одновременно основой и результатом коммуникации являются социальные представления, которые обеспечивают разделяемые коды социального взаимодействия и позволяют конвенциализировать, объекты, идеи, теории, события и отношения, подчиняя их обыденности, здравому смыслу. Исследователь данного феномена М. Московичи, указывает на то, что представления основаны не на тех вещах и ситуациях, которые в них упоминаются, а на коммуникации, касающейся этих вещей и ситуаций.

Следовательно, социальные представления о терроризме, на наш взгляд, формируются под воздействием дискурсивных практик СМК. В этой связи отметим, что развитие социальных представлений о терроризме можно описать с помощью «динамической модели»¹⁵¹. Оно прослеживается во внешних изменениях, которые представляют собой объективацию предмета представления – терроризма и включают в себя несколько этапов. Завершает процесс формирования социальных представлений этап «натурализации». На этом этапе элементы социальных представлений наделяются свойствами объективности и реальности. Например, в качестве элементов социальных представлений о терроризме могут выступать угроза теракта, террорист. В

¹⁵¹ Московичи С. Социальные представления. Исторический взгляд // Психологический журнал. - 1995. - Т. 16. - № 1-2. - С. 11-22.

этой связи необходимо подчеркнуть, что важнейшей функцией социальных представлений является функция опосредованного поведения. Данная функция проявляется как во внешне наблюдаемом поведении, так и в эмоциональных проявлениях. Это подтверждается результатами исследований Р. Харре, который выявил, что появление тех или иных эмоций и их динамические параметры во многом зависят от социальных представлений¹⁵². Современные исследователи констатируют, что в настоящее время в число навязчивых страхов (фобий) входят и страхи перед террором. Однако отмечается, что это не классические психиатрические фобии, подразумевающие навязчивую, необоснованную боязнь чего-либо неопределенного. Страх перед террористическим актом – глобальная угроза не только физическому выживанию, но и нормальному психическому состоянию человечества. Данные страхи и опасения, на наш взгляд, развиваются вследствие формирования и развития социальных представлений о терроризме, происходящих под влиянием масс-медиа.

Устрашающий эффект воздействия на социум террористических проявлений, безотчетный страх насильственных действий, который порождается неизвестностью и неопределенностью места, времени и характера насильственной угрозы, зафиксирован социологическими опросами, согласно которым граждан нашей страны весьма тревожит угроза пострадать от теракта. Так, 54% считают вполне возможным совершение теракта в месте, где они живут. Часто ловят себя на мысли, что они сами или члены их семей могут оказаться жертвами терактов около 15%. К 50% эта мысль приходит в основном после трагических случаев. Причём среди сельских жителей считают теракт вполне возможным 42%, в райцентрах 55%, в областных столицах – 60%, в мегаполисах – 64% . В то же время в экстремальные периоды численность лиц, испытывающих страх стать

¹⁵² Харре Р. Грамматика и лексика – векторы социальных представлений // Вопросы социологии. - 1993. - № 1-2. - С. 118-129.

жертвами теракта, увеличивается на 30 - 40%, а интенсивность психологической реакции способна достигнуть панических настроений.

Однако, по мнению В. Б. Петухова, неотъемлемая важнейшая часть террористического процесса, террорфония, которая не только фиксирует социокультурную адаптацию терроризма в массовом общественном сознании, но и запускает механизм психологических изменений в менталитете, мировоззрении, образе жизни - как на личностном, так и на общесоциальном уровне¹⁵³. На наш взгляд, это осуществляется посредством целенаправленного управления процессом формирования и развития социальных представлений о терроризме. Причём инструментальным способом, позволяющим добиться этого, является организация медиадискурса, соответствующего скрытым намерениям лидеров террористических движений.

В этой связи подчеркнём, что средства массовой коммуникации относятся к дискурсивным системам и участвуют в производстве и воспроизводстве типизированных значений. При этом дискурс, с одной стороны, формируется социальными отношениями, а с другой - формирует их. Это обусловлено тем, что дискурсы являются способом конструирования объектов и событий, которые выступают предметом обсуждения. В этой связи дискурс понимается как специфическая версия событий, выраженная в повествованиях, утверждениях, диалогах. Причём любой объект, событие или человек может быть помещен в различные дискурсы и, таким образом, по-разному репрезентирован. Следовательно, можно говорить о двустороннем характере отношений между реально существующими объектами и дискурсом. С одной стороны, различные дискурсы соответствуют реальным объектам и событиям. С другой стороны, реальные объекты и события становятся такими, какое значение им придается в дискурсе, в котором они появляются.

¹⁵³ Петухов В. Б., Терроризм в информационно-семиотическом и мифологическом контексте // Общественные науки и современность. - 2008. - №3. - С. 92-101.

Важно отметить, что дискурс обнаруживает себя в текстах. В данном случае значение термина «текст» имеет расширительное толкование. Под текстом понимается и устное выступление, и письменные материалы, и визуальные изображения, и даже значения, закодированные в одежде и манере ее носить. Фактически все, что так или иначе семантически нагружено, является проявлением того или иного дискурса и может быть определено как «текст». В этой связи текст является репрезентацией социальных и культурных значений, которые люди придают различным феноменам, событиям, обстоятельствам. Слова выступают проявлением дискурсов, проекцией репрезентации событий в социальную жизнь. Они возникают не в частном опыте человека, не в его внутреннем мире, а в дискурсивной культуре, которой принадлежит человек. Тогда объекты и события, о которых люди говорят или пишут, могут рассматриваться как части дискурса.

Однако в современных условиях особое значение для межиндивидуального разговорного общения имеют масс-медиа, являющиеся важнейшим механизмом формирования и развития социальных представлений. Это обусловлено тем, что медиа обладают властью «предписывать» событиям некий смысл, интерпретируя их определенным образом и придавая данным интерпретациям статус общепризнанной «правды». В связи с этим весь массив текстов массовой коммуникации, по мнению Т. ван Дейка, - это особый тип языкового употребления, относящийся к специфике социокультурной деятельности. Рассматриваемые тесты, по мнению автора, представляют собой «сложное коммуникативное явление», выступающее как диалог социальных субъектов¹⁵⁴.

Следует уточнить, что массовая коммуникация может рассматриваться как система, составляющие которой не просто «механически» связаны друг с другом (например, интенцией автора, социальной ситуацией или экономическими интересами СМИ), а образуют единое целое. Это

¹⁵⁴ Дейк, ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. - М., 1989. - С. 231.

обусловлено интерсубъективными процедурами создания знания, особым знаково-символическим и концептуальным контекстом, в котором оказываются и коммуникатор, и аудитория, и средства коммуникации. Коммуникатор всегда моделирует не только само сообщение, но и образ потенциального получателя информации, исходя из собственного представления о нем. Более того, он не является абсолютным адресантом, а совмещает роли коммуникатора и реципиента, будучи таким же потребителем массовой информации, как и его аудитория. Соответственно, коммуникатор и реципиент соучаствуют в процессах образования и трансляции смысловых структур. По этой причине масс-медиа принадлежит ведущая роль в формировании таких сложных когнитивных образований, как образы, стереотипы, мифы, идеологии, являющиеся в определённой степени отсроченными эффектами массовой коммуникации.

Таким образом, медиадискурс находится в определённой модальности по отношению к некоторой предметной области и его можно интерпретировать как тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве¹⁵⁵. Медиадискурс о терроризме, на наш взгляд, относится к репрезентирующему типу. Это определяется тем, что в нём представляется терроризм как одна из значимых угроз современности, которая раскрывается посредством позиционирования в дискурсе масс - медиа конкретных персон, являющихся проводниками экстремисткой идеологии и их деятельности, её причин и последствий. Соответственно, нам представляется возможным определить содержательные характеристики социальных представлений о терроризме посредством следующей схемы: субъект терроризма - объект терроризма - причина агрессивного взаимодействия - последствия агрессивного взаимодействия. Следовательно, при изучении содержания социальных представлений о терроризме необходимо определить специфическую содержательную выраженность каждого из этих

¹⁵⁵ Кожемякин Е.А. Дискурс-анализ массовой коммуникации // URL: http://www.gmj.sfedu.ru/v2i1/v2i1_kozhemyakin.htm

компонентов, специфическую их последовательность и характеристики, обретающие социальное бытие посредством репрезентации в дискурсе СМК и получающие дальнейшее развитие при конструировании феномена терроризма представителями различных социальных и возрастных групп населения.

Итак, в настоящее время назрела необходимость содержательного анализа социальных представлений о терроризме в дискурсивном контексте их транслирования СМК. В этой связи подчеркнём, что с точки зрения социального конструкционизма в процессе взаимодействия происходит не только дискурсивное конструирование событий или феноменов, но и ситуаций, в которых происходит взаимодействие. При этом контекст конструируется как интерпретация момента взаимодействия «on-line». Под контекстом тогда понимается активность, сопряженная с производством текста, разворачивающаяся непосредственно в ходе взаимодействия. В этой связи дискурсивная практика выполняет не только описательные, но и конструирующие функции. Это обусловлено тем, что познание осуществляется в дискурсивной практике не только с помощью «отражательных» операций (отражение и копирование), но и с помощью опосредованных операций, выводящих субъекта за пределы чувственного опыта – репрезентации, категоризации, интерпретации, конвенции. Следовательно, в фокусе внимания оказываются средства воздействия высказывания на его получателя, специфика тематики, система убеждений, способы рассуждения.

Таким образом, в современных условиях одно из основных направлений борьбы с терроризмом перемещается в коммуникационную сферу, на уровень риторики и дискурсов. В силу этого необходимо создание практико-ориентированных информационно-коммуникационных технологий нацеленных на предотвращение развития соответствующей идеологии и формирование активной социальной позиции молодёжи, исключаяющей соучастие в терроре. Именно эти технологии должны стать основой

антитеррористической деятельности и базисом для разработки гибких инновационных образовательных программ, нацеленных на профилактику экстремизма в молодёжной среде.

2.2. Информационно-психологическое воздействие терроризма на обыденное сознание

Обыденное сознание - совокупность представлений, знаний, установок и стереотипов, основывающихся на непосредственном повседневном опыте людей и доминирующих в социальной общности, которой они принадлежат¹⁵⁶. В настоящее время на обыденное сознание значительное, а зачастую, и приоритетное влияние оказывают масс-медиа. Это во многом обусловлено тем, что современное общество отличается, с одной стороны, возрастающее управленческое значение средств массовой информации, с другой – возрастающая информированность населения, беспрепятственная работа всех СМИ, наличие массовых технических средств, делающих информацию доступной для большинства граждан.

Важно отметить, что механизмы воздействия масс-медиа на индивида и общество в целом исследовались на разных исторических этапах по мере появления и развития соответствующих технологий. Безусловно, обнаруживались многие факты, свидетельствующие об их мощном социальном и культурном воздействии. Например, с появлением печатного станка, новой технологии производства бумаги и наборных гранок стали выпускать больше книг, снизились цены, больше людей стали обучаться грамоте. Основное социальное влияние этих процессов заключалось в том, что в течение примерно ста лет потребителями печатной продукции стали не избранные представители правящей верхушки, а широкие массы населения. В этой связи внимание учёных стала привлекать динамика развития социальных процессов и изменений в них под воздействием новых медиатехнологий. Отметим, что с конца XIX до начала XX века в фокусе

¹⁵⁶ Большой психологический словарь / Под ред. Мещерякова Б. Г. , Зинченко В. П. - М. 203. - 672 с.

внимания исследователей массовых коммуникаций были социальные влияния медиа и их последующее воздействие на массовое поведение. Однако Х. Блумер смещает акценты и, анализируя массовое поведение, обращается, прежде всего, к процессам индустриализации и урбанизации начала XX века: «Массовое поведение становится всё более масштабным и важным явлением. Это объясняется, прежде всего, действием тех факторов, которые изолируют людей от привычной культурной среды и социального окружения. Миграция, переезды, газеты, кино, радио, образование, - всё это приводит к тому, что индивиды лишаются привычных опор и оказываются выброшенными в новый, гораздо больший мир. В этом мире индивидам приходится адаптироваться на основе, как правило, самостоятельно принятых решений»¹⁵⁷. Соответственно, индивид начинает испытывать всё большую потребность в разнообразной информации и обращается к различным медийным источникам.

Сегодня компьютеры и СМИ важная составляющая общественной инфраструктуры. Вследствие этого человек получает массу медиасообщений. Он нуждается в информационной связи с миром, коммуникация становится видом повседневной социальной активности. Одновременно усиливается роль опосредованного взаимодействия, с помощью гаджетов и различных технических устройств. Сегодня без них немислима какая-либо социальная, деловая, познавательная активность человека. Отметим, что, как показывают многочисленные исследования, при потреблении массовой информации происходит обучение аудитории. В новой социальной реальности, в ситуации развития нелинейного сознания это приобретает особое значение, так как актуализируется потребность ориентации в окружающем мире, динамично изменяющихся социальных, политических, экономических реалиях, в круге неожиданно возникающих ситуаций и непредвиденных событий. Соответственно, человеку необходимо интерпретировать наблюдаемые факты

¹⁵⁷ Blumer H. The mass, the public and public opinion. In A. M. Lee (Ed.) New outlines of the principles of sociology (2nd rev. ed.). - New York: Barnes & Noble, 1951. - P. 45.

и выстраивать адекватные модели взаимоотношений как со сложным и многомерным социальным миром, так и с непосредственным окружением.

Подчеркнём, что о психологическом воздействии СМИ начали говорить ещё с момента появления в 1450 году первого печатного станка. Традиционно в психологии воздействие СМИ рассматривалось в ракурсе причинно-следственных отношений, где в качестве «причины» выступала информация, поступающая через различные средства коммуникации. И ещё в 1976 г. М.Л. Де Флер и С. Болл-Рокеш создали модель медиазависимости. Авторы исходили из того, что в обществе зависимость индивидов от СМИ как источника новостей и информации непрерывно возрастает. Причём уровень зависимости индивидов от СМИ и интенсивность медиавоздействия тесно связаны со стабильностью или нестабильностью общества и степенью социальной важности, которая придаётся масс-медиа как источнику информации. Модель представляет взаимоотношение и взаимодействие между СМИ, обществом и аудиторией, а также медиавоздействие. Примером проявления медиазависимости выступает потребление новостей в периоды кризиса. В критической ситуации люди обращаются к СМИ как источнику информации и даже психологического комфорта. При этом зависимость индивидуальных членов общества от масс-медиа в таких ситуациях возрастает¹⁵⁸. Однако важно иметь в виду, что в нынешнюю эпоху глобальной информатизации новости и сенсации, сказанное и напечатанное слово, обретает долгое, а, порой и иное звучание в цифровой реальности, где нередко появляются противоречивые комментарии пользователей Сети. И, тем самым, провоцируются новые эмоциональные всплески, обретаются другие значения и смыслы, проникающие в социальное и психологическое пространство людей, воспринимающих информацию.

Соответственно, террористические угрозы развиваются одновременно с развитием массовой коммуникации и технологий медиа-воздействий. В силу этого считаем целесообразным изучение соответствующего дискурса масс-

¹⁵⁸ Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. - М., 204. - 432 с.

медиа, его трансформаций, социальных практик и психологических акцентов, скрыто или явно присутствующие при описании реальных событий.

Важно отметить, что в конце XX века начинает достаточно активно развиваться дискурсивная психология, которая основывается на пересмотре принципиальных идей когнитивной и социальной психологии. В рамках данной исследовательской парадигмы, дискурс определяется как репертуар интерпретаций – то есть как совокупность наборов возможных последовательностей высказываний в конкретных ситуативных, временных, культурных и институциональных рамках. Вместе с тем психика субъекта рассматривается не как совокупность изолированных когнитивных феноменов (сознание, мышление, восприятие, память и т.д.), а как сложное единство динамичных языковых конструкторов, приобретающих значение в процессах интеракции в рамках определенных дискурсов. При этом сам субъект мыслится не как сущность изолированных внутренних процессов, для которого язык является лишь средством передачи неких разделяемых смыслов; дискурсивная психология рассматривает субъекта через призму языка, дискурса и социальной практики¹⁵⁹.

Дискурс одновременно является и результатом конструирования и инструментом конструирования социальной реальности. В силу этого дискурс, по мнению Т. ванн Дейка, “существенная составляющая социокультурного взаимодействия” В этой связи принципиальной нам представляется идея о том, что «дискурсы не отражают какой-то абстрактный внешний мир, находящийся «вне» или «за пределами» человека», а скорее «создают мир, который выглядит реальным или истинным для говорящего субъекта»¹⁶⁰. Интересно, что скандинавские исследователи М. Йоргенсен и Л. Филлипс трактуют дискурс в терминах способности конструирования проживаемой нами реальности. Теоретики дискурсивной психологии Поттер и Уэзерелл рассматривают дискурс как «репертуар интерпретации». Причём

¹⁵⁹ Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М. 2003. - 280 с.

¹⁶⁰ Дейк, ван Т. Язык. Познание. Коммуникация.. - М., 1989. - С. 231.

это понятие вводится с целью выделить особую динамическую изменчивую природу дискурса. Отметим, что любой дискурс включает различные языковые и неязыковые стратегии и практики, цель которых продуцирование определённого вида информации, её рецепцию и интерпретацию.

Медиадискурс рассматривается как тематически сфокусированная, социокультурно обусловленная речемыслительная деятельность в масс-медийном пространстве. Центральным предметом медиадискурса являются способы описания каких-либо явлений и процессов и передачи знания о них. В этом отношении медиадискурс является в высшей степени посреднической деятельностью. Это обусловлено тем, что информация конвертируется в смыслы и происходит конструирование знания. Медиадискурс осуществляет перевод знания с одного уровня, например, институционального, на другой, например, обыденный. Однако знание такого рода имеет относительный характер, так как его «истинность» или «значимость» определяется лингвосоциальным, социокультурным и – шире – историко-цивилизационными контекстами, учёт которых также необходим при описании медиадискурса.

Отметим, что неотъемлемой частью публицистического дискурса сегодня, как считают эксперты-аналитики, становится «лингвистика убеждения». Поэтому современные исследователи оперируют такими понятиями как «давление дискурса», «дискурсивная доминанта». Понятие медиадискурса, как отмечает М.Н. Черкасова, шире понятия «публицистический дискурс». Однако доминанты этих дискурсов совпадают и находят своё выражение в социальной оценочности. При этом «речь идёт об акцентах в системе ценностей, аксиологии (обобщенных устойчивых представлениях о значимых предметах и событиях окружающего мира) медиадискурса, то есть об условной шкале оценки в определённой системе координат, которое находит своё материальное выражение в презентации явления, события, образа в медиатексте»¹⁶¹. Отметим, что на активность

¹⁶¹ Черкасова М. Н. Речевые формы агрессии в текстах СМИ. - Ростов-на-Дону, 2011. - 123 с.

массового сознания оказывается значительное влияние с помощью медийного создания образа-значения и образа потребного будущего. При этом образ – субъективная картина мира или его фрагментов, предполагающая интерпретацию лавинообразного потока информации, получаемой органами чувств, на основе уже сложившейся у человека категориальной системы. В понятие «образ» входит три составляющих элемента. Первый – это образ-знание, то есть отражённая субъектом картина существующей реальности. Второй – это образ-значение, который создаёт личностный смысл презентуемого субъекта, события и обеспечивает нам возможность выбора отношений и действий. И, наконец, образ потребного будущего. Подчеркнём, что в сфере восприятия объектов и событий социальной действительности функционируют одновременно образ-знание, образ-значение и образ потребного будущего объекта, образ-прогноз, которые выполняют мотивирующую функцию по отношению к нашему поведению. Образ – знание формируется и пополняется при помощи различных видов получаемых сообщений. При этом зачастую он создаётся на основе исторических аналогий. Образ-знание предшествует формированию образа-значения, имеющего эмоционально-оценочную окраску. В то же время, так называемый, образ потребного будущего создаётся на основе интерпретации ситуации и осмысления перспектив её развития. Например, это может быть интерпретация и осмысление того, как терроризм «вписывается» в социальную, политическую реальность и какие имеет последствия, угрозы, риски. Известный американский футуролог Э. Тоффлер пишет: «Раньше люди изучали прошлое, чтобы пролить свет на настоящее... чёткий образ будущего поможет нам лучше понять настоящее. Сегодня нам всё труднее осознавать наши личные и общественные проблемы без применения будущего в качестве интеллектуального оружия»¹⁶².

Современный французский философ Жан Бодрийяр считает, что человечество потребляет «реальное либо путём предвосхищения, либо

¹⁶² Тоффлер Э. Третья волна. - М. 1999. - С. 26-27.

ретроспективно, во всяком случае на дистанции, каковая является дистанцией знака». Одной из характерных особенностей сегодняшнего общества, с его точки зрения, является включение в него системы потребления, «каковая является системой манипуляции знаками». Всё больше и больше фундаментальных форм деятельности наших современных обществ дают место логике знаков, предстают в рамках анализа кодов и символических систем. По его мнению, «в образе проявляются и потребляются наши фантазии», но интерес представляет то, «что приходит в образ, чтобы быть в нём одновременно потреблённым и отвергнутым: реальный мир, событие, история». Представляется интересной и точка зрения Ж. Бодрийяра на роль массовых коммуникаций в обществе потребления, которые дают «не действительность, а головокружение от действительности». Он считает, что общество уходит от реальности и живёт «под покровом знаков». Так возникает иллюзия «чудесной безопасности», которая даёт возможность воспринимать образ, знак, послание, всё то, что мы потребляем, как «наше душевное спокойствие, подкреплённое дистанцией от мира. Таким образом, именно практика массовых коммуникаций предоставляет современному «обществу потребления» «отказ от действительности на основе жадного и умножающегося изучения её знаков». И тогда современное общество определяется Ж. Бодрийяром. «как система коммуникации и обмена, как кодекс непрерывно испускаемых, получаемых и вновь обретаемых знаков, как язык»¹⁶³.

Итак, анализируя номинации террористов-смертников в российских СМИ, М. Н. Черкасова отмечает, что, начиная с 2009 – 2010 г. доминируют такие, как «шахидка» / «шахид»; «смертник»/ «смертница», «живые бомбы», «бомбистки». Эти номинации постепенно вытесняют иноязычное «камикадзе», распространённое в печати в последнее десятилетие XX века. Автор связывает это, прежде всего, «с политико-социальной ситуацией, когда

¹⁶³ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер с фр. и примеч. Е. А. Самарской. - М., 2000. - С. 16.

необходимо чётко зафиксировать номинации явления без дополнительных созначений и нежелательных ассоциаций». Происхождение слова «камикадзе» имеет романтический ореол и в переводе с японского означает «божественный ветер», который, как гласит легенда, разметал в XIII веке вражеский флот у берегов Японии. В современном русском языковом пространстве камикадзе – это «самоубийца вообще, причём речь идёт как об осознанном суициде, так и о несчастном случае». В силу этого слово «камикадзе», «из-за своей ассимиляции и расширения семантического объёма самой лексической единицы не имеет такую «агрессивную» нагрузку, как слово «террорист»»¹⁶⁴.

Вместе с тем М. Н. Черкасова обращает внимание на важную тенденцию употребления в рамках публицистического дискурса слова «террорист» в переносном значении, которое в данном качестве означает – «чрезмерную жестокость, запугивание, преследование кого-либо». В частности, в качестве примера наряду с другими, приводится, что «А. Б. Пугачёва, называет бывшего зятя «террористом» в контексте семейного конфликта: «Он ведёт себя как террорист!»». Такие примеры присутствуют и в обыденной речи. Автору данного учебного пособия приходилось, например, слышать в живой разговорной речи такое выражение: «он – смертник!», прозвучавшие в адрес студента, халатно относившегося к экзаменационной сессии. Вероятно, это во многом обусловлено тем, что «дискурс – прежде всего, это речь, погруженная в жизнь, в социальный контекст». Неслучайно Ж.-К. Коке называет дискурс сцеплением структур значения, обладающих собственными правилами комбинации и трансформации. Это иллюстрируется и тем, что в информационном пространстве, причём в текстах, не связанных с терактами, многочисленны и переносные употребления глагола «терроризировать». Подобных примеров, как известно, немало и в обыденной речи. Так, автору довелось услышать на одном из

¹⁶⁴ Черкасова М. Н. Указ. соч.

совещаний слова руководителя, который требовал от сотрудников исполнения распоряжения, заявив: «Я буду вас терроризировать!».

Такой дискурсивный поворот с нашей точки зрения свидетельствует: понятие «терроризм» зафиксировалось на уровне обыденного сознания как норма сегодняшней жизни. Это во многом обусловлено тем, что реальность повседневной жизни имеет *интерсубъективный* характер, поэтому в процессе коммуникации, её элементы обозначаются, называются и наделяются определёнными свойствами. В то же время социальные формы общения участвуют в процессах интериоризации. Интериоризация (от фр. *intériorisation* — переход извне внутрь и лат. *interior* — внутренний) - формирование внутренних структур человеческой психики посредством усвоения внешней социальной деятельности, присвоения жизненного опыта, становления психических функций и развития в целом. Подчеркнём, что вследствие интериоризации психика человека приобретает способность оперировать образами предметов, которые в данный момент отсутствуют в его поле зрения.

Итак, в результате воздействий массовой и, как следствие, межличностной коммуникации понятие «терроризм» подвергается интериоризации и «вписывается» в картину мира человека, которая определяет специфический способ восприятия и интерпретации событий и явлений. Картина мира является подвижной структурой и соотносится с образом мира, который более устойчив. Структурой, являющейся одновременно регулятором и строительным материалом образа мира, является структура субъективного опыта. В эту структуру входят три слоя – «перцептивный мир», который соотносится с поверхностными структурами образа мира. Следующий слой – семантический выражен многомерными отношениями, возникающими под воздействием сенсорно-перцептивного, представленного, мыслительного следов деятельности. И наиболее глубокий и устойчивый слой – слой амодальных структур образуется при обработке «семантического слоя». Важно отметить, что в картине мира смысловые

образования выполняют основные функции: репрезентативную (представление жизненного мира субъекту), интерпретативную (структурирование, интерпретация жизненных явлений и событий), регулятивную (регуляция поведения человека в жизненных ситуациях).

Соответственно, осмысление событий повседневности, в которые во многом в силу глобализации массовой коммуникации включились события, связанные с терроризмом и его различными проявлениями, находит отражение в картине мира, обыденном языке и разговорной речи. Подчеркнём, что язык является психолингвистической структурой. Посредством использования языка в качестве репрезентативной системы, люди создают модель собственного опыта. И вместе с тем язык используется для того, чтобы передать данную модель, или репрезентацию мира другим. Процесс передачи может иметь различные, как устные, так и письменные формы. Однако написанные и сказанные слова являются «поверхностными структурами». Они в свою очередь представляют собой преобразованные психические и лингвистические «глубинные структуры». Итак, слова могут одновременно отражать и формировать психический опыт, что делает их мощным орудием, так как позволяет влиять на сознательные или бессознательные психические процессы с помощью языковых средств. Причём, особенно ярко, на наш взгляд, это проявляется в условиях глобальной информатизации. Современные СМИ не столько отражают действительность, сколько посредством интерпретаций, комментариев, оценок способствуют созданию идеологического фона. Это позволяет констатировать развитие «информационной агрессивности», под которой, следует подразумевать «навязывание определённых стереотипов, мнений, суждений, моделей поведения и т.д. только в одностороннем порядке»¹⁶⁵. Необходимо подчеркнуть, что массовая коммуникация сегодня выступает не только в качестве мощной социальной силы, но и, по мнению Ж. Бодрийера, в качестве творца новой «гиперреальности». Ю. Хабермас, разрабатывая

¹⁶⁵ Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. - М. 2008. - С. 44.

свою теорию коммуникативного действия, рассматривает коммуникацию в качестве базового социального процесса. С его точки зрения язык является средой господства и социальной власти, поэтому представляет собой вид «метаинституции, от которой зависят все общественные институты». При этом он подчёркивает, что метаинституция языка как традиция в свою очередь зависит от общественных процессов. Обращаясь к коммуникации как к повседневной практике частных жизненных миров, Ю. Хабермас полагает процессы коммуникативной рационализации жизненных миров в качестве структурирующих общественность¹⁶⁶. Как известно, бурное развитие информационной сферы современного общества повлекло за собой ряд социальных последствий, которые оцениваются весьма неоднозначно. Это во многом определяется тем, что информационное пространство выступает как среда, имеющая в своей основе ценности, цели, перспективы и т.д.

Информационное пространство сегодня, по мнению автора данного учебного пособия, становится одновременно пространством социального познания и конструирования феномена терроризма. При рассмотрении этого процесса в контексте информационных воздействий, на наш взгляд, следует опираться на понятие «конструкт» в постпозитивистском контексте, которое трактуется как целенаправленное формулирование значений посредством таких ментальных процессов, как структурирование, концептуализация, интерпретация и анализ. Конструировать с этой точки зрения – значит интроспективно выявлять значение событий на основании прецедентов. В этой связи подчеркнём, что человек, согласно постулатам постклассической психологии, понимается как сложная, открытая самоорганизующаяся система. С точки зрения теории психологических систем психическое трактуется как то, что порождается, возникает в процессе функционирования психологических систем и тем самым обеспечивает их самоорганизацию и саморазвитие. Безусловно, сегодня информационные потоки организуют

¹⁶⁶ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. Д. В. Складнева, послесл. Б. В. Маркова. - СПб., 2000. - С. 57.

процесс социального познания и влияют на порождение особой психологической онтологии «представляющей собой системный конструкт, который опосредует взаимоотношения между человеком и миром «чистой» объективности («амодальным миром»), что и обеспечивает превращение амодального мира в «освоенную» человеком и ставшую его индивидуальной характеристикой действительность»¹⁶⁷.

Итак, очевидно, что современная массовая коммуникация оказывает непосредственное воздействие на развитие человека как психологической системы, в которую включены субъективная (образ мира) и деятельностная компоненты (образ жизни). Соответственно, транслируемая масс-медиа информация о террористических проявлениях трансформирует образ мира человека и воспринимается как часть действительности. При этом мы исходим из понимания действительности как многомерного мира человека, а образа мира как целостной и системно-смысловой действительности, представляющей собой мир данного человека, в котором он живет и действует.

В этой связи необходимо обратиться к вопросам познания социальных объектов, ситуаций в условиях глобальной информатизации. Социальное познание определяется, прежде всего, процессами коммуникации, так как оно возникает и поддерживается социальным взаимодействием. Приоритетное значение принадлежит социальному контексту и среде. В данном случае имеется в виду языковая среда как символическая репрезентация окружающего мира. Отметим, что, Г. А. Андреева, указывает на разделяемость как ведущий признак социального познания, обусловленный тем, что люди существуют в некотором общем познавательном пространстве и в определённой степени разделяют значение тех или иных познаваемых ими объектов. Причём средством выработки таких разделяемых представлений, значений является коммуникация. Итак, массовые

¹⁶⁷ Ключко В. Е., Галажинский Э. В. Самореализация личности: системный взгляд. - Томск, 2004. - 154 с.

коммуникации сегодня задают векторы социального познания феномена терроризма и определяют границы его конструирования.

В этой связи обратимся к результатам эмпирического исследования социальных представлений о терроризме, проведённого автором данного учебного пособия. Отметим, что социальные представления, выполняют три основные функции. Во –первых, это функция инструмента познания, при этом роль социальных представлений аналогична роли обычных категорий, посредством которых индивид описывает, классифицирует, объясняет события. Во – вторых, это функция опосредования поведения, которая выражается в том, что социальные представления способствуют направлению коммуникаций в группе, обозначению ценностей, регулирующих поведение. В – третьих, это адаптационная функция, проявляющаяся в том, что социальные представления являются средством адаптации совершившихся событий к уже имеющимся, то есть способствуют сохранению сложившейся картины мира.

Как свидетельствуют полученные нами данные, социальные представления о терроризме, развиваются под воздействием дискурсивных практик масс-медиа. Это во многом обусловлено тем, что СМИ сегодня не только информируют население, но и выполняют конструирующую функцию, причём, особенно наглядно это проявляется, когда речь идёт о явлениях недоступных для непосредственного чувственного восприятия. Неслучайно в работах М. Фуко звучит термин «дискурсия», который понимается им как «сложная совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений о том объекте, который они подразумевают»¹⁶⁸. Вместе с тем «представление, - считает исследователь В. Вагнер, - это концептуальный пирожок, сделанный из мира-теста силами дискурса, консенсуса и социального поведения». В свою очередь дискурсы представляют собой «динамическую деятельность, конструирующую

¹⁶⁸ Фуко М. Археология знания. – К. : Ника-Центр, 1996. - 208 с.

смысл». Причём «...воображаемое получает, таким образом, совершенно реальное, материальное воплощение»¹⁶⁹.

Итак, терроризм в дискурсе масс - медиа представляется как одна из значимых угроз современности, которая раскрывается посредством позиционирования конкретных персон, являющихся проводниками экстремисткой идеологии и их деятельности, её причин и последствий. Остановимся на результатах нашего исследования, отражающих особенности социальных представлений о субъектах терроризма, олицетворяющих собой угрозу безопасности жизни, здоровью и социальному благополучию. Основным инструментом данного исследования был метод семантического дифференциала (англ. semantic differential). Методика исследования разработана Седых Н. С. на базе современного русского языка и отражает сформировавшиеся в нашей культуре представления о внешнем облике, социально – демографическом статусе и структуре личности. Методика содержит 55 прилагательных, являющихся вербальными антонимами. Испытуемым предлагается охарактеризовать, используя семи-бальную шкалу оценки:

а) террориста – лидера террористического движения, главные задачи которого состоят в развитии соответствующей идеологии, пропаганде и продвижении идей экстремизма и терроризма в целях вовлечения новых членов в ряды организации;

б) террориста – исполнителя, члена террористического подполья, главные задачи которого состоят в участии в подготовке и совершении терактов;

в) террориста– смертника (мужчину);

г) террористку– смертницу (женщину).

В качестве респондентов выступили 176 человек (84 юноши и 92 девушки) в возрасте 19-22 года, являющиеся студентами психологического и

¹⁶⁹ Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио ; предисл. Ю. С. Степанова. - М. 1999. - С. 17.

экономического факультетов Южного Федерального университета, расположенного в городе Ростове – на – Дону. Важно отметить, что этническая палитра Юга России самая пестрая и многообразная в стране. На небольшом пространстве проживают представители более 100 народов. Среди студентов, участвовавших в нашем исследовании 9% респондентов, являются уроженцами г. Назрань Чеченской республики, 5 % - уроженцы Ставропольского края, 4% -Краснодарского края, 3% прибыли на обучение из г. Владикавказа, 59% являются коренными жителями г. Ростова-на-Дону, 20% - уроженцы разных населённых пунктов Ростовской области.

Итак, результаты статистической обработки полученных нами эмпирических данных, показали отсутствие статистически значимых различий в представлениях студенческой молодёжи о террористе – лидере, исполнителе, террористе – смертнике мужчине и террористки – смертнице женщине. При этом основным методом статистической обработки данных выступил параметрический t-критерий Стьюдента, который использовался нами для сравнения представлений о различных субъектах терроризма. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что под воздействием информационных потоков масс-медиа формируется в целом однородное смысловое содержание понятия «террорист».

Вместе с тем частотный анализ, полученных нами эмпирических данных, позволил обобщить и содержательно проинтерпретировать полученные результаты и составить «портрет», отражающей особенности представлений студенческой молодёжи Южно-российского региона о террористе – лидере, исполнителе, террористе – смертнике мужчине и террористке – смертнице женщине.

Прежде всего, необходимо отметить, что представления о внешнем облике террориста (террористки), независимо от специфики осуществляемой ими террористической деятельности, являются одинаковыми и содержат следующие характеристики:

- темноволосый (ая);

- смуглый (ая);
- кареглазый (ая);
- аккуратный (ая);
- хмурый (ая);
- обычный ((ая))(не выделяющийся (аяся) из толпы).

Наряду с этим представления о социально-демографических характеристиках террориста (террористки), независимо от специфики осуществляемой ими террористической деятельности содержит следующие общие характеристики:

- верующий (ая);
- холостой (не замужняя);
- не имеющий (ая) детей .

Однако представления о социально-демографических характеристиках террориста- лидера террористического движения, главные задачи которого состоят в развитии соответствующей идеологии, пропаганде и продвижении идей экстремизма и терроризма в целях вовлечения новых членов в ряды организации, имеют определённые особенности. Итак, согласно представлениям студенческой молодёжи он является:

- образованным;
- компетентным;
- успешным;
- зрелым;
- талантливым;
- независимым.

Вместе с тем представления о социально-демографических характеристиках террориста – исполнителя, члена террористического подполья, главные задачи которого состоят в участии в подготовке и совершении терактов, а также террориста- смертника- мужчины и женщины имеют следующие отличительные особенности. Они предстают как:

- неуспешные;
- некомпетентные;
- невежественные;
- бедные;
- бездарные;
- молодые;
- безвестные.

Необходимо подчеркнуть, что представления молодёжи о характеристиках личности, террориста – лидера, имеют многообразное наполнение и выражены рядом отличительных особенностей. В частности, он предстаёт, как:

- уверенный;
- волевой;
- деятельный;
- конкретный;
- решительный;
- сильный;
- серьёзный;
- сосредоточенный;
- эгоистичный;
- упрямый;
- энергичный;
- хитрый;
- смелый;
- замкнутый;
- самостоятельный;
- рассудительный;
- практичный;

- напряженный;
- враждебный.

Это, на наш взгляд, во многом обусловлено активным освещением деятельности лидеров международного терроризма и особенностями их позиционирования в СМК. Показательно, что «достижения» в области террористической деятельности Бен Ладена имеют социальную маркировку в сюжетах масс-медиа. Например, объявляется, что, американские спецслужбы присвоили ему *титул* (курсив Седых Н.С.) «международного террориста №1». В дальнейшем лидирующее положение Бен Ладена и укрепление его позиций в качестве «первого лица» мирового терроризма подчёркивается в следующем сообщении на сайте «О людях, чьё влияние на наш мир невозможно переоценить». В указанном сообщении отмечается, что «в течение вот уже нескольких лет он возглавляет, так называемый, "*топ-террорист 10*" (курсив Седых Н.С.) – список, ежегодно составляемый ФБР, куда включаются наиболее опасные террористы». В тоже время отмечается, что фигура бен Ладена стала популярной в молодёжной поп-культуре. Его изображением можно увидеть на постерах, майках, значках, календарях и т. п., причём не только в арабских странах, но и западных. О жизни и деятельности международного террориста снят ряд документальных фильмов. Очевидно, что Бен Ладен, имеющий «титулы» и возглавляющий топовые списки, воспринимается как человек добившийся успеха в своей деятельности и получивший определённое признание. Вместе с тем, общеизвестно, что широкое признание получают люди, обладающие незаурядными способностями и личностными качествами, которые позволяют им стать выдающимися деятелями в какой-либо области. Соответственно, предлагаемая на страницах СМК социальная маркировка деятельности всемирно известного террориста является демонстрацией того, что он обладает уникальными интеллектуальными и социальными компетенциями; а также соответствующими личностными качествами, позволившими ему достичь высоких результатов в террористической

деятельности и привлечь внимание мирового сообщества к собственной персоне.

Важно отметить, что, после теракта, произошедшего в аэропорту Домодедово (г. Москва) 24 января 2011г., когда террорист-смертник уничтожил 37 человек, 117 ранено, в масс-медиа активно обсуждалась деятельность Доку Умарова. Он взял на себя ответственность за организацию теракта в аэропорту Домодедово и других крупных акций террора. Доку Умаров являлся одним из лидеров незаконных вооружённых формирований. 11 марта 2011 года Совет Безопасности ООН включил Доку Умарова в список террористов, связанных с Аль-Каидой. 26 мая 2011 года США объявили награду в 5 миллионов долларов за информацию о нахождении Доку Умарова. Показательным примером, отражающим особенности позиционирования террориста в масс-медиа, являются следующие утверждения: «Умаров пообещал продолжить проводить теракты на территории России», «Умаров обещал России «год слез»», приведёнными в статье «Смертника в Домодедово сопровождал брат». Важно отметить, что данная статья содержит подзаголовок «Угроза терроризма – комментирует Умаров». Заметим, что 03.07.2013 на YouTube опубликован видео-материал под названием: «Умаров взорвёт Сочи?». В комментарии содержится утверждение, что террорист: «... планирует нанести удар по олимпийскому Сочи во время проведения соревнований...». Соответственно, внимание масс-медиа к его персоне, как и подобные формулировки способствуют социальному восприятию Умарова как авторитетного деятеля, высказывающего значимые мнения. Это во многом обусловлено функцией присвоения статуса, присущей современным СМК, и выражающейся в данном случае в том, что, если масс-медиа выделили данного человека из анонимной массы, значит его поведение и мнения достаточно важны для всех.

В этой связи следует заметить, что деятельность террористов – исполнителей освещается преимущественно в контексте преступных деяний

лидеров, к которым и приковано пристальное социальное внимание. Поэтому представления молодых людей о чертах личности террориста – исполнителя, имеют более скудное наполнение. Вместе с тем террористу - исполнителю приписываются качества, необходимые для того, чтобы хорошо выполнить какую-либо задачу:

- трудолюбивый;
- добросовестный;
- сосредоточенный;
- конкретный;
- энергичный;
- решительный.

Наряду с этим, он предстаёт как:

- зависимый;
- замкнутый;
- несамостоятельный;
- напряженный;
- корыстный.

Отметим, что представления молодых людей, о характеристиках личности террориста – смертника мужчины и женщины, имеют определённую специфику. В частности, террорист – смертник, независимо от пола, предстаёт, как:

- зависимый(ая);
- замкнутый (ая);
- враждебный (ая);
- напряженный(ая);
- сосредоточенный (ая);
- молчаливый (ая);
- угрюмый (ая);
- нелюдимый (ая);

- решительный (ая).

Однако представление о женщине – смертнице дополняется характеристикой - слабая. Очевидно, это в значительной степени определяется гендерными стереотипами, которые тесно связаны с выражением оценки и влияют на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определённого поведения. Например, ещё древнегреческий философ Платон был убеждён, что «... по своей природе как женщина, так и мужчина могут принимать участие во всех делах, однако женщина во всём немогуще мужчины»¹⁷⁰. Важно отметить, что журналистика, как любое проявление массовой культуры опирается на стереотипные, устойчивые представления о должном, в том числе и относительно моделей поведения и черт личности, характерных для мужчин и женщин, которые активно тиражируются посредством разнообразных медийных сообщений.

Таким образом, проведённое нами эмпирическое исследование, позволило сделать ряд основных выводов. Во – первых, представления молодёжи о террористах, решающих в рамках осуществляемой ими деструктивной деятельности специфические задачи, имеют как общие черты, так и отличительные особенности. Важно отметить, что внешний облик террористов – лидеров, исполнителей и смертников, независимо от пола последних, описывался одинаковым набором характеристик. На наш взгляд, это во многом обусловлено, фото и видео сюжетами о террористических проявлениях и словесными портретами террористов, транслируемых масс-медиа. Представления о социально-демографических характеристиках террористов также имеют ряд общих черт. Следует обратить особое внимание, что одной из доминирующих характеристик является - верующий (верующая). Однако, по мнению,

¹⁷⁰ Платон Собрание сочинений в 4-х Т. 3 / Пер с древнегреч. Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. - М., 1994. - 654 с.

священнослужителей, деятельность террористов противоречит основным религиозным постулатам.

Во – вторых, представления студенческой молодёжи о социально-демографических характеристиках и характеристиках личности террористов- лидеров и исполнителей, имеют ряд особенностей. Это выражается в том, что террорист – лидер, предстаёт как человек, имеющий более высокий социальный статус в сравнении с террористом – исполнителем и террористом – смертником (террористкой- смертницей). Так, доминирующими социально – демографическими характеристиками террориста – лидера являются: образованный, успешный, компетентный и т. п.. В Террорист- исполнитель, как и террорист – смертник (террористка- смертница), напротив, характеризуются, как неуспешные, некомпетентные, невежественные, бедные.

В – третьих, представления о чертах личности террористов-лидеров и исполнителей отражают представления о классических лидерах и исполнителях, занимающихся тем или иным видом деятельности. В частности, доминирующими характеристиками личности террориста - лидера, являются: уверенный, волевой, деятельный, конкретный, решительный, сильный серьёзный. Вместе с тем террорист – исполнитель, характеризуется, прежде всего, как трудолюбивый, добросовестный, сосредоточенный. Наряду с этим, важно отметить, что представления о чертах личности террористов-смертников, как мужчин, так и женщин содержат характеристики, отражающую их определённую социальную инфантильность и в то же время выглядят «угрожающими» враждебный (ая); решительный (ая), зависимый(ая); замкнутый (ая); угрюмый (ая); напряженный(ая); нелюдимый (ая). Отметим, что черты личности террористки – смертницы дополняются характеристикой, слабая. Это, на наш взгляд, во многом обусловлено гендерными стереотипами, присутствующими в современном российском обществе.

Подводя итог, подчеркнём, что представления о субъектах терроризма интерпретированы и структурированы. Это находит конкретное вербальное воплощение в характеристиках, которые транслируют смысловое содержание, закрепившееся в обыденном сознании, и реализуется, в том числе и в дискурсивных практиках, используемых для описания широкого круга жизненных явлений, не имеющих прямого отношения к терроризму и терактам, но определённым образом соотносимых с данным смысловым содержанием. Очевидно, что главные цели акций террора достигаются путём психологического воздействия на лиц, не являющихся непосредственными жертвами насилия и состоят в информационно-психологическом воздействии, проявляющемся в трансформации социального мышления, влекущей за собой впоследствии изменение поведения индивидов и групп.

2.3. Предупредительно-профилактическая антитеррористическая деятельность в молодежной среде: состояние и пути совершенствования

Как известно, пополнение рядов террористов, в том числе и в современной России, происходит преимущественно за счёт представителей так называемого «цифрового поколения». Ведущим способом взаимодействия и главным фактором влияния на процесс формирования их мнений, суждений, убеждений выступает Интернет. Вследствие этого интенсифицируются террористические угрозы и создаются новые риски. Эти риски имеют тенденцию к усилению, так как являются продуктом передовых современных технологий, к числу которых относятся и средства массовой коммуникации. Так, развитие движения всемирного «джихада», повлекшего за собой интенсификацию террористических угроз, является следствием глобальной информатизации социального пространства. Тотальный «джихад» выступает действенным продолжением исламизма - идейного течения в мусульманской мысли новейшего времени, основанного

на представлении о необходимости утверждения в обществе и государстве в определённых географо-политических границах или в планетарном масштабе господства всеобъемлющего исламского комплекса правил поведения – шариата. Как следствие, глобальный джихад, объявленный лидерами террористических организаций, является воплощением религиозно-политического экстремизма, который рассматривается как крайнее идейно-политическое течение в исламе, провозглашающее своей главной целью установление исламских форм государственной власти путем использования различных видов вооружённого и политического насилия¹⁷¹. Ведущим методом достижения заявленных социально-политических целей, является «медиаджихад», который рассматривается как равный по своей значимости войне с оружием в руках и может составлять до 90% от общих усилий экстремистов. Это объясняется тем, что вследствие активного развития цифровых технологий информационное производство и информационный обмен становятся основополагающими видами социальной деятельности. В этой связи коммуникация является главным способом формирования социального пространства, основным механизмом управления и творцом «новой социальной реальности». В силу этого широкомасштабная идеолого-пропагандистская деятельность лидеров соответствующих организаций ведётся, преимущественно, в информационном пространстве¹⁷². Её основным объектом является молодёжь.

Сегодня террористы активно эксплуатируют самое популярное средство массовой коммуникации у молодёжи - Интернет. Специалисты обоснованно отмечают такую психологическую особенность молодых пользователей, как тревога неподключенности, которая для некоторых достигает уровня паники. В этой связи особую обеспокоенность вызывает информационная перегруженность и, как следствие, – снижение способности формировать и оперировать знаниями (т.е. систематизировать информацию,

¹⁷¹ См. об этом подробнее: Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. - Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. - 370 с.

¹⁷² Седых Н. С. Современный терроризм с точки зрения информационно-психологических угроз. // Национальная безопасность / nota bene. - 2012. - № 2. - С. 68-75. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-18411 (дата обращения: 18.03.2017).

последовательно ее осваивать, выстраивать логические связи, структурировать материал). Наряду с этим наблюдается так называемый, феномен распределённого сознания. Его особенность заключается в том, что сознание и все ментальные процедуры своеобразно распределены между человеком и разными устройствами, которым передаётся часть когнитивных функций. Вследствие этого происходит изменение процессов восприятия, памяти, мышления и познавательной активности личности. Так, современный молодой человек зачастую не считает нужным запоминать, например, сведения о каком – либо историческом событии, общественном деятеле, учёном, полагая, что в случае, если ему данная информация потребуется, он обратится к Википедии или к другому аналогичному информационному ресурсу. В то же время, фрагментарность, мозаичность, как постоянные атрибуты виртуального мира, искореняя связь между событиями, разрушают культурную память, историческое самосознание. Одновременно существенные изменения претерпевает личностная и социальная идентичность, формируемая в различных онлайн-сообществах. В силу этого идеологи терроризма активно используют социальные медиа, как наиболее популярное средство Интернет-коммуникации молодёжи. По мнению современных учёных, социальные медиа - это интерактивные цифровые способы доставки информации, средство коммуникации, где главным коммуникативным источником является интернет. К новым социальным медиа относятся: социальные сети, блоги, интернет-форумы, подкасты, видеохостинги, **веб-сайты**, Wiki, печатные, онлайн-овые и мобильные продукты. Вместе с тем, новые социальные медиа – это ещё и интерактивные площадки для общения и обмена контентом между пользователями. Например, такие, как форумы, фото-хостинги и другие творческие площадки.

Террористические организации¹⁷³ используют Интернет в качестве своеобразной трибуны для пропаганды своих идей и вербовки новых

¹⁷³ Добаев И.П. Экстремистские неправительственные религиозно-политические организации как средство геополитики исламского мира // Философия права. - 2002. - № 2.

сторонников. Информацию, представленную такими объединениями, условно можно разделить на две группы, имеющие различные цели:

- программные документы террористических групп, содержащие информацию, побуждающую к насильственному изменению конституционного строя и нарушению целостности России, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности и т.п.;

- данные о способах изготовления самодельных взрывных устройств, методах осуществления преступлений террористического характера.

Попутно следует отметить, что Интернет используется как один из источников финансирования террористической деятельности, и, вместе с тем, как наиболее эффективный «координатор деятельности».

«Пропаганда радикальных идей и вербовка сторонников происходит преимущественно в популярных социальных сетях Facebook, ВКонтакте, Twitter и Youtube; 84% молодых людей пришли в ряды террористической организации посредством сети Интернет, 47% обратили внимание на материалы (видео и текст), размещенные онлайн, 41% присягнули на верность ИГИЛ онлайн, 19% пользовались онлайн-инструкциями при подготовке теракта (изготовление самодельных взрывных устройств и бомб)», - таковы результаты исследования научного сотрудника ОО «Конгресс религиоведов» Гульзата Билялова¹⁷⁴.

В настоящее время большая часть распространяемых материалов относятся к деятельности радикальной исламистской группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), в настоящее время упростившая в своём названии территориальную принадлежность и

¹⁷⁴ Билялов Г. Как вербуют в ИГИЛ: медиа-империя ДАИШ, профессиональный PR и онлайн-присяги террористов. [Электронный ресурс]. URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1450279359 (дата обращения: 26.08.2016).

именующая себя как «Исламское государство» (ИГ). Образованное в 2006 году в Ираке путём слияния одиннадцати радикальных исламистских группировок во главе с местным подразделением «Аль-Каиды», к настоящему времени оно стало одной из богатейших террористических организаций в мире с годовым бюджетом в несколько миллиардов долларов США. Абу Бакр аль-Багдади стал именовать себя халифом. Он тут же призвал суннитов по всему миру присягнуть ему на верность. В результате это сделали около шестидесяти джихадистских организаций из тридцати стран мира. «Исламское государство» заявило о намерении продолжить «джихад» по всему миру.

На стороне ИГИЛ в Сирии сражаются 4,7 тысячи человек - уроженцев России и СНГ, заявили в декабре 2015 г. эксперты оказывающей консультационные услуги по безопасности американской компании Soufan Group¹⁷⁵.

Радикальный проект, который исламисты пытались реализовать в северокавказском регионе России, - Имарат Кавказ (2007-2016 гг.), объединявший террористические бандгруппы на территории РФ, так и не стал по-настоящему интернациональным¹⁷⁶. Отряды боевиков существовали и действовали в рамках локальных этнических групп, что привело к постепенному снижению активности и потенциальной готовности совершать новые резонансные акции. Основной причиной стало перекрытие каналов финансирования со стороны «зарубежных спонсоров», и, следовательно, постепенная и необратимая криминализация бандгрупп. Эффективные действия российских силовиков, когда в течение 6-8 месяцев были почти полностью разгромлены джамааты в Кабардино-Балкарии и Ингушетии, привели к серьезной смене кадров. Время участия боевиков-исламистов в джихаде сократилось с нескольких лет до нескольких месяцев. Не имея

¹⁷⁵ FOREIGN FIGHTERS An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. - 2015. - 8 дек. [Электронный ресурс]. URL: http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2015/12/TSG_ForeignFightersUpdate_FINAL3.pdf (дата обращения: 18.06.2016).

¹⁷⁶ Добаев И.П. Террористические исламистские организации на Северном Кавказе: влияние экзогенного фактора // Мировая экономика и международные отношения. - 2012. - № 10. - С. 13-20.

духовных лидеров и военных наставников, особенно после нейтрализации в ноябре 2013 г. основателя «Имарата» Доку Умарова, число готовых на «уход в лес» сократилось в разы.

За 2013-2014 гг. «ИГ» распространило среди активных исламистов на Северном Кавказе призыв совершить хиджру (переселение на Ближний Восток для осуществления вооруженного джихада), который нашел немало сторонников. Управление по религиозным предписаниям Египта подготовило доклад, из которого следует, что целью террористической группировки является, в первую очередь, обеспечение притока новых рекрутов в свои ряды, в то время как «для расширения территориальных границ своего влияния ИГ нацелено по-прежнему на Ближний Восток»¹⁷⁷.

Вербовка имеет разные формы, в том числе осуществляется через социальные сети для поиска вакансий. Например, сообщается, что «ИГИЛ открывает вакансии для молодых ученых»¹⁷⁸, или «ИГИЛ открыл вакансию нефтяника с окладом \$225 тысяч в год»¹⁷⁹, «Боевики ИГИЛ испытывают потребность в квалифицированных медицинских кадрах и программистах»¹⁸⁰. Причём, наряду с мужчинами, в ИГ активно привлекаются женщины. Например, как сообщает ИА REGNUM, четыре уроженки Карачаево-Черкесии 23-летняя Дана Мукова, 27-летняя Алина Чотчаева, и две сестры Батчаевы — 25-летняя Мадина и 26-летняя Марина — в период с 2014 по 2015 годы выехали в Сирию и оказывают врачебную помощь боевикам в полевом госпитале¹⁸¹. Подтвердилась также информация о том, что известная чеченская певица Хазан (Аза) Батаева находится в Сирии с конца 2015 года¹⁸². По некоторым данным, она вышла там замуж за одного

¹⁷⁷ Доклад: ИГ сосредоточится на вербовке членов на Кавказе, Средней Азии. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20150813/1181220263.html> (дата обращения: 21.07.2016).

¹⁷⁸ ИГИЛ открывает вакансии для молодых ученых. [Электронный ресурс]. URL: http://so-l.ru/news/show/igil_otkrivaet_vakansii_dlya_molodih_uchenih (дата обращения: 15.05.2016).

¹⁷⁹ Джихадисты из ИГИЛ приглашают на работу нефтяников. [Электронный ресурс]. URL: http://www.russarabbc.com/rusarab/index.php?ELEMENT_ID=34490 (дата обращения: 15.05.2016).

¹⁸⁰ Названы самые востребованные профессии в ИГИЛ. [Электронный ресурс]. URL: <https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/165549> (дата обращения: 16.05.2016).

¹⁸¹ Четыре уроженки Карачаево-Черкесии завербовались в ИГИЛ. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/2104853.html> (дата обращения: 17.05.2016).

¹⁸² Полиция с декабря 2015 года располагала информацией о нахождении Батаевой в Сирии, сообщил источник. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/281319/> (дата обращения: 17.05.2016).

из боевиков. Следует отметить, что женщины, находящиеся в рядах ИГИЛ, представляют собой репродуктивный потенциал террористического государства, так как их главное предназначение - рожать «новых шахидов».

Боевики ведут себя как настоящие профи социального маркетинга: выкладывают в Instagram селфи с оружием и котятами, ведут трансляции боев в Twitter. У них есть собственное мобильное приложение и интернет-магазин, где можно купить футболку с логотипом террористов в знак поддержки. Активисты ИГИЛ заявили о себе и в популярной российской социальной сети «ВКонтакте».

Аудитория ВКонтакте в массе своей представляет собой молодежь: по данным Brand Analytics, почти 2/3 авторов этой сети младше 25 лет. На более зрелую аудиторию приходится небольшая доля: 45+ - всего 1,4% активной аудитории соцсети, 35-44 - не более 6%. Ядро ВКонтакте составляют пользователи 18-24 - 35,3% авторов. Согласно исследованию OnLife 2015 года, типичное поведение аудитории «ВКонтакте» - активное потребление контента (посты в пабликах, музыка, видео и т.д.). Если рассматривать такой показатель, как количество проведенного времени в той или иной соцсети, здесь, по данным TNS WEB Index, на апрель 2015 наибольшая активность пользователей наблюдается в «ВКонтакте». В среднем люди проводят внутри этой соцсети до 41 минуты в сутки¹⁸³.

Активность «ВКонтакте» представители «Исламского государства» начали после блокировки их аккаунтов в Twitter и Facebook. В российской социальной сети появились страницы подразделений пропаганды боевиков — al-Itisam и англоязычного al-Nayat. Для россиян «ИГ» создали новостное сообщество Islamic State News, а также основали официальные проекты основанных ими вилайатов (государственных провинций), где ежедневно в открытой форме отчитывались о строительстве «халифата» на территории оккупированных боевиками провинций Ирака и Сирии. Здесь же публиковались сведения о работе с молодежью (вербовки) и казнях

¹⁸³ Ипполитова Н. кто и как пользуется соцсетями. [Электронный ресурс].

URL: <http://www.sostav.ru/publication/samy-e-aktivnye-sotsseti-18366.html> (дата обращения: 18.0802016).

«предателей Аллаха». Крупнейшее на 2015 г. русскоязычное сообщество сторонников «Исламского государства» ShamToday насчитывало 12 тысяч подписчиков, и было создано задолго до начала военных действий. Группу в соцсети вели члены министерства коммуникаций «Исламского государства», одного из девяти ведомств, подчиняющихся главе «халифата» — Абу Бакру аль-Багдади¹⁸⁴.

Таким образом, социальные медиа обладают колоссальным управленческим потенциалом и поэтому используются экстремистами в качестве канала распространения радикальных идей посредством технологии виртуального вирусного маркетинга, основанного на феномене психологического заражения и нацеленного на развитие лояльности к конкретным персонам, радикальным политическим проектам, социальным доктринам и предлагаемым методам их реализации¹⁸⁵. Известно, что виртуальный вирусный маркетинг заменил так называемое «сарафанное радио». Сегодня, идеи передаются «из уст в уста» посредством цифровых-коммуникаций. Это позволяет осуществлять политическое манипулирование с помощью организации разного рода психологических воздействий. В частности, информационно-смысловых, которые дезориентирует человека в социальном пространстве, информационно-эмоциональных, которые апеллируют к чувственному восприятию и позволяют конструировать образы «жертв» и «врагов». И одновременно информационно-нравственных, которые разрушают представление о том, «что такое хорошо, и что такое плохо»; информационно-исторических, которые трансформируют политическую картину мира.

О результате Интернет - манипуляций вербовщиков террористических организаций говорит то, что в РФ заведено более тысячи уголовных дел на

¹⁸⁴ Васильченко В. Халифат во «ВКонтакте»: как террористы из «Исламского государства» захватывают российскую соцсеть. [Электронный ресурс]. URL: <http://apparat.cc/network/vk-isis/> (дата обращения: 12.02.2015).

¹⁸⁵ Седых Н. С. Роль информационно-психологического воздействия в подготовке террористов-смертников // Психология и Психотехника. - 2013. - № 10. - С. 981-991.

«участвующих» и «активно сочувствующих». Большинство попавших под влияние радикальных идей – студенты. В ходе расследования уголовных дел установлено, что половина случаев ухода молодых людей в наемники связана с вербовкой через сети Интернет.

Самое суровое наказание по делу о вербовке в декабре 2015 г. получили студенты Ставропольской медицинской академии, организовавшие «джамаат» в составе 6 человек, 2 из которых – уроженцы Дагестана. Они вербовали посредством интернет-мессенжеров, прямых призывов к терроризму, размещения постов, текстов, видео на страничках в соцсетях, доступных всем пользователям, личного общения с сокурсниками, приглашения их, как в Интернет-переписке, так и личных беседах на встречи, цель которых заключалась в проповеди идей радикального исламизма. Четыре человека, благодаря их активности, отправились воевать в Сирию. Виновные приговорены Северо-Кавказским окружным военным судом к срокам от 5 до 7 лет колонии общего режима. Преимущественно за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и оправдание терроризма в соцсетях наказывают в виде штрафов (от 1 до 35000 рублей), условного осуждения сроком от 1 до 3 лет, принудительных работ, а также от 1 до 3 лет колонии-поселения¹⁸⁶. Для примера в США стали применять более суровые меры по отношению к лицам, поддерживающим ИГИЛ. Так, в августе 2015 г. в СМИ опубликована новость, что 17-летний Али Шукри Амин из Вирджинии приговорен к 11 годам реального заключения за активное размещение в сети пропаганды ИГИЛ¹⁸⁷. Однако в настоящее время в местах лишения свободы (СИЗО, тюрьмы, колонии-поселении) происходит активная радикализация сознания лиц там пребывающих. Соответственно, осуждённые за вербовку, публичные призывы к экстремизму и терроризму, могут являться как объектом воздействия с целью укрепления и развития радикальных взглядов со

¹⁸⁶ Студенты Ставропольской медицинской академии создали джамаат и вербовали в ИГИЛ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rod-pravo.org/studenty-stavropolskoj-medicinskoj-akademii-sozdali-dzhamaat-i-verbovali-v-igil/> (дата обращения: 16.04.2016).

¹⁸⁷ Мухаметзарипов И.А. Зарубежный опыт противодействия пропаганде ИГИЛ в среде «европейских» мусульман // Казанский педагогический журнал. - 2016. - № 3. – С. 190.

стороны более «опытных товарищей», так и субъектом воздействия с целью радикализации взглядов «новобранцев».

Что касается России, то на современном этапе регионом наибольшей напряженности по числу акций криминально-террористической направленности продолжает оставаться Дагестан. Согласно данным, опубликованным в региональных и федеральных СМИ, в 2015 г. зафиксировано 22 случая вербовки и публичного оправдания терроризма на территории Дагестана, а только за первые полгода 2016 г. - уже 18 случаев, при этом вербовщиками были молодые люди, как мужского, так и женского пола в возрасте от 14 до 35 лет. Аналогичные преступления фиксировались и на территории других субъектов РФ.

Схема привлечения молодежи, используемая вербовщиками ИГ, довольно проста. Состоит из трех этапов: мотивация, коммуникация, вступление в ряды террористической организации. Террористы анализируют сотни аккаунтов в социальных сетях, выбирая из них те, которые принадлежат молодым людям с большими проблемами в социализации. Зачастую сами ребята, анонсируя в своем статусе наличие личных проблем («все сложно», «одинокая волчица» и т.д.), натываются на вербовщика, который вводит свой аккаунт в круг общения молодого человека и ждет, когда к нему обратятся. Основная его задача на данном этапе - сформировать устойчивый интерес к изучению ислама, исламской культуры, исламских традиций. Объект вербовки изучает специальную учебно-методическую литературу, погружаясь в виртуальный мир, в котором ценности мусульманской культуры замещают более простые и понятные идеологические конструкции и концепции радикальных исламистов. Не будучи исламоведом, объект вербовочных устремлений террористов не может установить, что предмет его изучения не традиционный ислам, а исламизм, который он воспринимает за истинное учение всех мусульман. Становясь носителем «истинного знания», молодой человек дистанцируется от своих сверстников. Внутреннее отделение от социума приобретает

принципиальный характер и начинает выражаться в отчужденном поведении и во внешнем виде. Когда идеология исламизма вытесняет в сознании ученика все остальные сферы интересов и увлечений, наиболее остро проявляется недостаток в общении, который необходимо восполнить установлением устойчивых связей с реальными сторонниками радикального ислама.

Общение с ними всегда осуществляется в дистанционной форме - через социальные сети. Оно призвано укрепить молодого человека в правильности выбранного пути. Отделение от объективной действительности становится наиболее полным и выйти из этого состояния самостоятельно практически невозможно, так как любые колебания отслеживаются и попытки прервать общение пресекаются.

На последнем этапе объект вербовки выводится на территорию деятельности террористической группы. Предлогом может стать встреча с идеологом, который к данному моменту становится кумиром и легендой; или же возможность выполнения «особой миссии». Потребность в признании и в приобретении социального статуса у молодежи является одной из доминирующих черт и мотивов, поэтому получение этого в кратчайшие сроки становится определяющим мотивом для всех дальнейших действий.

На последнем этапе определяется место встречи, разрабатывается маршрут передвижения, транспортная карта, готовятся необходимые документы, вербуемого снабжают минимально необходимыми финансовыми средствами. Одновременно его предупреждают, что поездку нужно организовать втайне от родственников и друзей, так как они могут помешать ему в «продвижении по карьерной лестнице». В итоге молодой человек исчезает: его нет в университете, на работе, он не возвращается домой, не отвечает на звонки и письма в сетях. Нередко к тому времени молодой человек уже успевает покинуть границы Российской Федерации. Достигнув пункта назначения, с ним устанавливают контакт террористы, делая открытое вербовочное предложение, при этом непринятие его становится

практически нереальной задачей. В результате еще один представитель террористической группы готов к исполнению своих новых обязанностей.

В России в последние годы осуществляется масштабная профилактическая антитеррористическая деятельность. В частности, только в 2015 г. прекращен доступ к более 800 сайтам террористической направленности, ещё с 4,5 тыс. страниц в Интернете удалена экстремистская информация. Только за первый квартал 2016 г. подразделениями «Р» МВД России заблокировано около 800 аккаунтов и более 150 сайтов террористической направленности, с 2,5 тыс. страниц в Интернет удалена экстремистская информация¹⁸⁸. Однако следует отметить, что высокая степень децентрализации сети сводит на нет эффект закрытия отдельных аккаунтов, так как их место быстро занимают новые. Более того, большая часть серверов экстремистских сайтов находятся за пределами юрисдикции Российской Федерации, на территории США, Финляндии, Германии и др., некоторые же вообще расположены в «сетях-анонимайзерах», предусматривающих абсолютную анонимность.

Таким образом, очевидно, что сегодня лидеры террористических организаций делают ставку на информационный терроризм, проявляющийся в прямом воздействии на психику и сознание молодых людей в целях формирования нужных мнений и суждений, определенным образом направляющих их поведение. Интернет-технологии позволяют охватывать большую аудиторию и взаимодействовать с жителями разных регионов, распространяя радикальные идеи. Это порождает новые социальные риски, пронизывающие все общественные слои, группы, одни из которых выступают субъектами, а другие - объектами риска.

В этой связи в России следует разрабатывать новые способы и методы осуществления идеолого-пропагандистской и разъяснительной деятельности. Как представляется, необходимо дальнейшее развитие методов информационного антитерроризма. Противодействие идеологии терроризма,

¹⁸⁸ Рабочие материалы автора.

по мнению экспертов, должно стать составной частью общей информационной политики государства. Отметим, что информационная политика государства – это способность и возможность субъектов политики воздействовать на сознание, психику людей, их поведение и деятельность с помощью информации в интересах государства и гражданского общества. К объектам информационной политики относится информационная безопасность. Ее структурным компонентом выступает информационно-психологическая безопасность, подразумевающая эффективное использование всех имеющихся информационных ресурсов с целью обеспечения защиты общества, отдельных его групп и личности от негативного воздействия деструктивных видов и форм информации. Согласно официальной позиции представителей НАК, в целях предупреждения развития различных форм деструктивного социального поведения, в том числе терроризма, необходимо воздействовать на общественное сознание и создавать самовоспроизводящуюся систему идей и эффективных каналов их распространения¹⁸⁹.

На современном этапе первоочередной для всей мировой общественности становится задача предотвращения вербовки в экстремистские сообщества. Для ее выполнения необходим комплекс мероприятий, направленных на формирование общенациональной идентичности. Например, в Австрии с 2011 г. действует программа «Вместе: Австрия», которая комбинирует информационную кампанию в Интернете и элементы школьной программы¹⁹⁰. Важный механизм австрийской программы по интеграции мигрантов — привлечение к ней успешных представителей диаспор для лекций в школах. В 2014 г. программа была дополнена новой инициативой «Я горжусь», ставшей одной из самых успешных информационных кампаний австрийского правительства в социальной сети Facebook. Пользователям было предложено снять и

¹⁸⁹ См. Об этом: Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. - Москва — Ростов-на-Дону: «Социально-гуманитарные знания», 2014. - С. 251-282.

¹⁹⁰ Integration: #stolzdrauf-Kampagne kostete 326.000 Euro // Die Presse. - 2015. - 28 янв.

загрузить короткий видеоролик о том, чем они гордятся в своей стране. Особое внимание при этом было уделено аудитории мигрантов. В течение только первых двух недель около 50 тыс. пользователей загрузили материал на Facebook, 2,5 тыс. – воспользовались сервисом Twitter. К кампании активно подключились объединения национальных и религиозных меньшинств. Примером такой кампании в РФ выступает проект «Я помню, я горжусь!», выразителем которой стала георгиевская ленточка.

Одновременно необходима выработка программы борьбы с экстремизмом в системе образования. В этой связи показателен опыт Франции, где действует специальная программа Министерства образования и науки «Большая мобилизация образования в поддержку ценностей Республики», опубликованная 9 февраля 2015 г.¹⁹¹. Аналогичные меры принимаются в Австрии и Германии.

Подчеркнём, что в целях предотвращения вербовки в экстремистские сообщества, в условиях глобальной информатизации принципиальное значение имеет создание специального программного обеспечения для мониторинга интернет-активности. Так, в Великобритании, согласно новому антитеррористическому законодательству, которое вступило в силу 1 июля 2015 г., школы должны использовать специальное программное обеспечение, которое будет осуществлять мониторинг интернет-активности учеников, включая их переписку в соцсетях, на предмет характерных терминов, которые употребляют вербовщики террористов¹⁹².

Представляет практический интерес и опыт некоторых мусульманских государств. Например, набирает обороты противодействие терроризму даже в оплоте исламского суннизма – Королевстве Саудовская Аравия.

¹⁹¹ Grande mobilisation de l'École pour les valeurs de la République : lancement des Assises. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.education.gouv.fr/cid86129/grande-mobilisation-ecole-pour-les-valeurs-republique-lancement-des-assises.html> (дата обращения 18.03. 2016).

¹⁹² Schools monitoring pupils' web use with 'anti-radicalisation software'. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.theguardian.com/uk-news/2015/jun/10/schools-trial-anti-radicalisation-software-pupils-internet> (дата обращения: 18.03.2016).

Выработанная после известных событий 11 сентября 2001 г. в США стратегия саудовских властей по противодействию терроризму включает в себя 3 составляющие: «люди, деньги, умы». «Люди» - это выявление, арест и осуждение террористов, разгром их структур. «Деньги» - это меры по усилению контроля над финансовыми потоками, идущими к террористам и экстремистам по разным каналам, включая перевозку денежных средств курьерами. Борьба «за умы» является, по мнению саудовских властей, самой сложной составляющей контртеррористической стратегии и требует длительного времени.

«Борьба за умы»: эта работа, помимо официальных заявлений саудовского правительства и религиозных деятелей, включает в себя ряд мероприятий по противодействию экстремистской идеологии, среди них: проведение активной антиэкстремистской кампании в СМИ с использованием различного рода объявлений, рекламных щитов и Интернета; распространение книг и памфлетов, видеодисков и кассет в школах, медресе, мечетях; перевоспитание тех богословов, которые проповедуют экстремистскую идеологию. Этим занимаются проповедники в 20 тыс. из 70 тыс. мечетей, в связи с чем саудовские власти постоянно проводят в них «просветительские» семинары и лекции.

В тюрьмах страны осуществляется программа реабилитации лиц, осужденных за терроризм или экстремизм, включая переданных американцами узников из тюрьмы на базе Гуантанамо. Только в 2004-2009 гг. эту программу прошли 4300 человек. После ее завершения рецидивы наблюдались примерно у 20 процентов участников, а потому ее можно считать достаточно эффективной¹.

Принятые саудовскими властями меры, безусловно, снижают уровень террористической угрозы. Тем не менее, в Саудовской Аравии терроризм остается актуальным явлением. В этой связи властями КСА признается необходимым принятие дополнительных мер как законодательного, так

исполнительного и идеологического характера по противодействию терроризму¹⁹³.

Опыт борьбы зарубежных, в том числе арабских государств, с распространением влияния идеологии исламского фундаментализма свидетельствует о необходимости комплексного подхода к решению проблемы и в Российской Федерации, которая имеет социальные, политические, экономические, культурно-исторические и религиозно-этнические корни. Эффективное противостояние государства этой угрозе возможно при условии объединения усилий всех институтов государства, наступательного информационного противодействия и наличия поддержки правительства со стороны влиятельных религиозных и общественных деятелей, гражданского общества.

Назрела также необходимость в проведении комплексного междисциплинарного исследования, нацеленного на создание информационно-коммуникативных методик, опирающихся на позитивный потенциал ислама и основанных на вербально-смысловых конструктах, позволяющих идеологически разоружать пропагандистов радикализма в информационном пространстве и предотвращать вовлечение молодёжи в деятельность террористических организаций. Очевидно, что в современных условиях социальные медиа должны стать эффективными каналами распространения не разрушительных, а созидательных идей. Таким образом, актуализировалась потребность повышения эффективности мероприятий, осуществляемых в рамках реализации информационной политики в молодёжном сегменте, развития эффективных стратегий, методов и методик использования социальных медиа в обеспечении информационной безопасности и предотвращении террористического наёмничества в молодёжной среде.

¹⁹³ Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. - Москва — Ростов-на-Дону: «Социально-гуманитарные знания», 2014. - С. 261-262.

Заключение

Современный терроризм представляет собой соответствующую идеологическую доктрину, базирующуюся на принципах радикального исламизма, и основывающуюся на ней специфическую политическую практику. Идеология современного джихадистского движения зиждется на постулатах, выдвинутых в свое время приверженцами радикального фундаментализма Ибн Ханбалой, Таки ад-Дином ибн Таймийей, М. Ибн Абд аль-Ваххабом и их современными последователями - С.Кутбом, М.Шукри, М.Фараджем, А. аз-Завахири и др. В свою очередь, основу идеологической доктрины радикальных исламистов составляют два неперенных, системообразующих, органично присущих салафизму положения – о такфире и джихаде, которые исламистами трактуются в отрыве от мусульманской ортодоксии. Эта идеология основывается на очевидной простоте, доступности и непротиворечивости используемых аргументаций, четком определении «врагов ислама» и необходимости ведения против них «джихада». Все это находит определенный отклик и понимание в среде некоторых молодых мусульман, как правило, маргиналов, не слишком образованных в традиционном мусульманском вероучении, которое оно к тому же отвергает.

Обзор этапов развития идеологической доктрины радикальных исламистов в мире и, в частности, на Северном Кавказе свидетельствует о привнесении на территорию регионов России практически всех идеологических постулатов радикального исламизма, об экзогенности идеологического фактора в деятельности северокавказского бандподполья. Это подтверждается, в частности, тем, что лидеры российского исламизма до сих пор не смогли создать ни одного оригинального произведения, которое позволило бы говорить о появлении у северокавказских исламистов собственной политической идеологии, соответствующей современным реалиям. Общие рассуждения о необходимости введения шариата не могут

компенсировать отсутствие социально-политической программы у этого движения.

В проведенном исследовании также доказано, что идеолого-пропагандистская и информационная деятельность международных такфиристов-джихадистов выступает дополнительным, не основным видом деятельности террористов, и призвана обеспечивать постоянный приток носителей идеологии радикального исламизма в ряды «моджахедов», а также оправдывать соответствующими псевдорелигиозными постулатами диверсионно-террористическую практику боевиков.

Что касается северокавказских сепаратистов, то они практически копируют формы и методы осуществления идеолого-пропагандистской и диверсионно-террористической деятельности своих зарубежных единомышленников. Явным внешним заимствованием стал, начиная с 2000г., терроризм смертников, который исторически никогда прежде не фиксировался на Северном Кавказе. При этом главный вектор террористической активности в северокавказском регионе нацелен, в основном, против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства. В то же время, вне северокавказского региона террористы, как правило, осуществляют свои разрушительные операции в местах массового скопления людей, преимущественно из числа гражданского населения (например, теракты в Москве, Беслане, Волгодонске, Кавказских Минеральных Водах и т.д.).

Терроризм относят к числу самых опасных и труднопрогнозируемых явлений современного информационного общества, в котором он приобретает всё более деструктивные социальные формы и устрашающие масштабы. В силу целого комплекса причин исследователи рассматривают терроризм как своеобразную психологическую войну. Кровавые акции сеют страх и порождают чувство опасности в большей степени, чем другие формы насилия. Удары наносятся по невинным жителям без разбора и

предупреждения. В силу этого человек, живущий в XXI веке, осознаёт собственную незащищённость перед лицом террора. В то же время акты террора влекут за собой разрушение не столько материальных, сколько социальных ценностей, морально-нравственных основ человеческого бытия, угрожая мировоззренческой безопасности.

Безусловно, серьёзную обеспокоенность как представителей узкопрофессиональных сообществ, так и широкой общественности, сегодня вызывает активная пропаганда радикализма посредством информационного пространства, которая адресована, прежде всего, молодёжи и нацелена на формирование экстремистского сознания. В этой связи особую тревогу вызывает то, что в террористическую деятельность вовлекаются не только выходцы из маргинальных слоёв, но и социально-благополучные, интеллектуально развитые молодые люди, имеющие все шансы оказаться в числе преуспевающих. Общеизвестный пример, Варвара Караулова, студентка МГУ, которая была завербована боевиками ИГИЛ и покинула страну, чтобы влиться в ряды террористов. Девушка была задержана на границе Турции и Сирии и возвращена в Россию

Важно отметить: представители психологической науки полагают, что реагируя, на вызовы международного терроризма, необходимо развивать исследования в рамках следующих направлений:

- формирование культуры мира и развитие межкультурного диалога;
- обеспечение социальных знаний и экспертиз в таких сферах как отбор и подготовка персонала, работающего в области борьбы с терроризмом;
- объяснение способов формирования террористических установок, предубеждений, фанатизма, экстремизма, гетеростереотипов;
- работа с жертвами актов насилия и терроризма,
- формирование гуманистических установок и ориентаций личности;
- проведение прикладных и эмпирических исследований конкретных аспектов терроризма и поиск ответов на вопросы, связанные с социально – психологической природой радикализма.

Подводя итог, подчеркнём, что психологическая наука всегда позиционировалась в обществе как способствующая обеспечению нормального, ненасильственного функционирования социума, реагируя на его социальные запросы в исторической перспективе. Безусловно, один из наиболее актуальных социальных запросов сегодня - это оптимизация системы информационно-психологического противодействия терроризму, его угрозам и вызовам, в конкретных социально – исторических условиях.

Библиографический список литературы

1. Абдулагатов З.М. Исламское сознание в глобализационных процессах: проблемы адаптации. Махачкала, 2010.
2. Абдулагатов З.М. Особенности социализации современной молодежи и социальные деформации в молодежной среде (на примере Республики Дагестан). Махачкала, 2011.
3. Абдурахман Бин Хаммад Аль-Умар. Религия истины ислам. М., 1997.
4. Абу Аль-аля аль-Маудуди Сайид. Ислам сегодня. М., 1992.
5. Абу Аль-аля аль-Маудуди Сайид. Путь к благоденствию. М., 1994.
6. Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973.
7. Авксентьев и др. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. Ростов н/Дону, 2008.
8. Авксентьев В.А. и др. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы. Ростов н/Дону, 2011.
9. Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Дону, 2004.
10. Аксенов М.Д. Религии мира. Энциклопедия в 2-х томах. М., 1997.
11. Алиев Р. Государство и религия. Баку, 2004.
12. Алиев А.К. Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала, 2005.
13. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М., 2007.
14. Алов А.А. и др. Мировые религии. М., 1998.
15. Аль-Тантауи Али. Общее представление об исламе / Пер. с араб. Майкоп, 2002.
16. Ан-Навави. Сады благоденствующих. Махачкала, 1993.

17. Ан-Наим Абдуллахи Ахмед. На пути к исламской реформации. М., 1999.
18. Антес П. Религии современности. История и вера. М., 2001.
19. Арапов Д.Ю. Имперская Россия и мусульманский мир. М., 2006.
20. Армстронг К. Ислам: краткая история от начала до наших дней. М., 2011.
21. Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Махачкала, 1999.
22. Арухов З.С. Апология джихада в ваххабитской пропаганде // Религия и государственно-конфессиональные отношения в Дагестане. Махачкала, 2002.
23. Архиепископ Владимир. ...А друзей искать на Востоке (Православие и Ислам: противостояние или содружество?). Ташкент, 2000.
24. Башамил М.А. Как мы понимаем единобожие. М., 2001.
25. Белая книга российских спецслужб. М., 1996.
26. Беккин Р.И. Исламские финансы в современном мире. Экономические и правовые аспекты. М., 2004.
27. Бережной С.Е. Исламские проекты в контексте социально-политического развития Юга России // Взаимодействие государства и религиозных объединений: состояние и перспективы. Махачкала, 2004.
28. Бережной С.Е. Исламский фундаментализм на Юге России. Ростов н/Д, 2004.
29. Бобровников В.О. Дагестан // Ислам на территории бывшей Российской империи. М., 1998.
30. Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А. «Ваххабиты» (Северного Кавказа) // Ислам на территории бывшей Российской империи. М., 1999.
31. Бобровников В.О. Колхоз как хранитель исламского уклада // Ваш выбор. М., 1996.
32. Богомолов А.И. Религии мира. Ростов н/Д., 2005.
33. Боташева А.К. Терроризм как феномен современной политической реальности. Ставрополь, 2009.

34. Ван ден Берг. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. М., 2005.
35. Витюк В., Эфиров С. «Левый» терроризм на Западе. История и современность. М., Наука.
36. Гайнутдин Равиль. Муфтий. М., 2004.
37. Гайнутдин Равиль. Российские исламские организации могут и должны вносить свой вклад в укрепление безопасности Отечества // Национальная и региональная безопасность на Юге России: новые вызовы. Ростов/Д., 2003.
38. Гаджикович Р. Терроризм и пропаганда // Актуальные проблемы Европы. Проблема терроризма. М., 1997.
39. Гараджа В.И. Социология религии. М., 1995.
40. Гордеев С.В. История религий. М., 2005.
41. Государство, религия, закон. Сборник документов и методологических материалов для работников администраций городов и районов Республики Дагестан. Махачкала, 2004.
42. Государство и религия в Дагестане // Информационно-аналитический бюллетень Комитета Правительства РД по делам религии. Махачкала, 2003.
43. Горкин А.П. Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1998.
44. Грачев А. С. Тупики политического насилия. М., 1982.
45. Гюлен М.Ф. Сомнения, порожденные веком / Пер. с турецкого. Измир, 1999. Том 1.
46. Гюлен М.Ф. Сомнения, порожденные веком / Пер. с турецкого. М., 2001. Том. 2.
47. Добаев И.П. Исламский фактор в этнополитических процессах на Северном Кавказе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1988. № 2.

48. Добаев И.П. Исламский радикализм в контексте проблемы военно-политической безопасности на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 1999. № 1.

49. Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике. Ростов н/Д, 2000.

50. Добаев И.П. Радикальные политические институты исламского мира: этапы эскалации насилия // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 6.

51. Добаев И.П. Исторические и доктринальные корни исламского радикализма, его современные проблемы и течения // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 2.

52. Добаев И.П. Ваххабизм как социально-политический феномен в Саудовской Аравии и на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 2001. №3.

53. Добаев И.П. Экстремистские неправительственные религиозно-политические организации как средство геополитики исламского мира // Философия права. 2002. № 2.

54. Добаев И.П. Блокирование исламского радикализма в условиях Северного Кавказа // Отечественные записки. 2003. № 5.

55. Добаев И.П., Дугин А.Г. Геополитические трансформации в Кавказско-Каспийском регионе // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 5 (41).

56. Добаев И.П. Современные подходы к определению «нового терроризма» // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4.

57. Добаев И.П. Новейшие тенденции в развитии исламского движения на Северном Кавказе // Мировая экономика и международные отношения. 2005. №12.

58. Радикальные идеологии в исламе: история и современность // Ислам в России: взгляд из регионов. М., 2007.

59. Добаев И.П. Политические процессы в исламском движении на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1 (53).

59. Добаев И.П. Механизмы и технологии осуществления Западом «цветных революций» на постсоветском пространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2008. № 2.

60. Добаев И.П., Добаев А.И. «Новый терроризм»: глобализация и социально-экономическое расслоение // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 5.

61. Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе. Монография. Ростов н/Дону, 2010.

62. Добаев И.П. Террористические исламистские организации на Северном Кавказе: влияние экзогенного фактора // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 10.

63. Добаев И.П., Сериков А.В., Шевченко О.М. Агрессивность как фактор обострения молодежного экстремизма на Юге России. Монография / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 71. – Москва – Ростов н/Дону: «Социально-гуманитарные знания», 2012.

64. Добаев И.П., Добаев А.И., Умаров Д.В. Особенности финансирования террористических структур на Северном Кавказе // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 4. С. 79-86.

65. Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. Монография. Москва – Ростов н/Дону, 2014.

66. Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. Монография. Ростов н/Дону, 2015.

67. Добаев И.П., Анисимова Н.А. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе. Монография. Москва – Ростов н/Дону, 2016.

68. Добаев И.П., Умаров Д.В. Терроризм на Северном Кавказе: влияние внешних факторов. Монография. Москва — Ростов-на-Дону, 2016

69. Добаев И.П., Романченко Н.Е. Радикальные исламистские неправительственные религиозно-политические организации в современном мире. Монография. Москва — Ростов н/Дону, 2017.

70. Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2003.
71. Журавский А.В. Ислам. М., 2004.
72. Залимханов З.М, Ханбабаев К.М. Политизация ислама на Северном Кавказе. Махачкала, 2000.
73. Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика. М., 2001.
74. Игнатенко А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. №2 (8).
75. Игнатенко А.А. Исламизм: глобальная угроза? – М., 2000.
76. Игнатенко А. Исламский радикализм как побочный эффект «холодной войны» // Центральная Азия и Кавказ. 2001.
77. Икбал М. Реконструкция религиозной мысли в исламе. М., 2002.
78. Ильин В., Кармин А.С., Носович Н.В. Религиоведение. Пб., 2006.
79. Исак Ф. Быть мусульманином. М., 2002.
80. Ислам и политика. Сборник научных статей. М., 2001.
81. Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов н/Дону, 2001.
82. Ислам на юге России. Сб. статей / Сост. и отв. ред. Сызранов А.В. Астрахань, 2007.
83. Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий. М., 2003.
84. Исламский фактор на Юге России. Сборник научных статей / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 72. Ростов н/Дону, 2012.
85. Керимов Г. М. Шариат: закон жизни мусульман. М., 1999.
86. Керимов М.М. Ислам в контексте традиционной культуры чеченцев. Ростов н/Дону, 2007.
87. Кисин С., Мурадов М.. Террористы разбрелись по Кавказу // Коммерсант. 2006. 26 авг.

88. Киреев Н.Г. Антитеррористическое законодательство и борьба с радикальным исламизмом в Турции // Мусульманские страны у границ СНГ. М., 2001.
89. Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. М., 2004.
90. Климов Г. Божий народ. Краснодар, 2002.
91. Князев А. Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии. Бишкек, 2001.
92. Кожокин Е.М. Исламский экстремизм и фундаментализм как угроза национальной безопасности России. М., 1995.
93. Колесников В.Л. Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, 2007.
94. Коран / Пер. Крачковского И.Ю. М., 1990.
95. Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. М., 1990.
96. Крывелев И.А. История религий. М., 1988.
97. Крымский А.Е. История мусульманства. М., 2003.
98. Кудрявцев А.В., Ниязи А.Ш. Политический ислам: начало 90-х // Современный ислам: культура и политика. М., 1994.
99. Кулаков А.Е. Религии мира. - М., 1997. Курбанов Р. Глобализация сознания мусульман Кавказа: призыв и джихад // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 6.
100. Курбанов Р. Факторы конфликтогенности ислама в Дагестане: неоднородность исламского пространства / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 26. Ростов н/Д, 2005.
101. Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе. Ростов н/Д, 2006.
102. Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М., 1995.
103. Ляхов Е. Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М., 1991.

104. Ляхов Е.Г., Попов А.В. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. Ростов н/Д, 1999.
105. Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000.
106. Максуд Р. Ислам. М., 2005.
107. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.
108. Малашенко А.В. Исламское возрождение в постсоветской России. М., 1998.
109. Малашенко А.В., Олкотт М.Б. Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. М., 2001.
110. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001.
111. Мирский Г.И. «Радикальный ислам» и западное общество // Политические исследования. М., 2002. - №1.
112. Молдалиев О. Исламизм и международный терроризм: угроза исламу или угроза исламу? Бишкек, 2004.
113. Муминов А. Традиционные и современные религиозно-теологические школы в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4 (5).
114. Мур К., Зиндани А.-М., Ахмед М. Коран и современная наука. М., 1997.
115. Муслимов С.Ш. Религиозно-политический экстремизм глазами дагестанцев. Махачкала, 2011.
116. Мухаммад Хасан. Источник террора. Идеология ваххабизма-салафизма. М., 2005.
117. Мухаметшин Ф.М. Взгляд на исламский фундаментализм. М., 1998.
118. Мюллер Ф.М. Введение в науку о религии. М., 2002.

119. Назиров Д. Политический ислам в Центральной Азии: истоки этапы становления // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 4 (28).
120. Олимов М., Олимова С. Политический ислам в современном Таджикистане // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. М., 2001.
121. От террора к планетарной этике: религии и мир // Международный форум. М., 2005. 7-8 июня.
122. Павловский В.П. Основы религиоведения. М., 2006.
123. Патеев Р.Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность. Ростов н/Дону, 2006.
124. Поляков К.И. Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М., 2001.
125. Поляков К.И. Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-ые годы XX века (на примере арабских стран). М., 2001.
126. Порохова В. Коран / Пер. смыслов и комментариев. Teheran, 2001.
127. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., 2004.
128. Противодействие терроризму. Терминологический словарь / Под ред. Ю.С. Алексеева. М., 2011.
129. Рагимов А.А. Ислам и Кавказская война XIX века. Махачкала, 2004.
178. Религия и конфликт / Под ред. Малашенко А. и Филатова С. М., 2007.
130. Романченко Н.Е. Институционализация современных радикальных неправительственных организаций на Северном Кавказе. Москва – Ростов н/Дону, 2011.
131. Рябцев О.В. Крымско-татарское национальное движение: современное состояние и перспективы развития. Ростов н/Д, 2007.
132. Саид-Афанди. Мажмуатуль-Фаваид («Сборник поучений»). Махачкала, 1998.

133. Сажин В.И. К вопросу о цивилизациях, исламе и войнах // Ближний Восток и современность. М., 1998.

134. Салих ибн Фаузан аль-Фаузан. Книга единобожия. Баку, 1998.

135. Седых Н.С. Медиадискурс о терроризме: социальные и психолингвистические аспекты // Психология и Психотехника. – 2014. – № 8. – С. 793 - 802.

136. Седых Н.С. Роль массовой коммуникации в информационно-психологическом противодействии терроризму // Национальная безопасность / nota bene. – 2014. – № 1. – С. 32 - 49.

137. Седых Н.С., Гшиянц Р.Э. Графическая модель социальных репрезентаций терроризма // Национальная безопасность / nota bene. – 2014. – № 5. – С. 712 - 724.

138. Седых Н.С. Социально-психологические особенности вовлечения молодёжи в террористическую деятельность // Национальная безопасность / nota bene. - 2013. - № 3. - С. 471-481.

139. Седых Н. С. Роль информационно-психологического воздействия в подготовке террористов-смертников. // Психология и Психотехника. - 2013. - № 10. - С. 981-991.

140. Седых Н. С., Добаев И.П. Религиозно-политический экстремизм и его социальные последствия (на примере теракта в г. Волгодонске 16.09.99 г.) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. - 2007. - № 1. - С. 153-163.

141. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М., 2008.

142. Силантьев Р. Новейшая история ислама в России. М., 2007.

143. Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии. Алматы, 2002.

144. Соловьев Э.Г. Трансформация террористических организаций в условиях глобализации. М., 2006.

145. Солтамурадов М. Суфизм в культуре народов Северо-Восточного Кавказа. Ростов н/Дону, 2008.

146. Сулейман Ашкар. Как принять ислам. М., 2001.
147. Султан ибн Фахд ар-Рашид. Предсмертный миг. М., 2001.
148. Суханов В.Ю. Этническое и национальное в кавказском конфликте: пришествие «Чужого» // Звезда. СПб., 2001. №24.
149. Сухопаров А. Советские мусульмане: между прошлым и будущим // Общественные науки сегодня. М., 1991. № 6.
150. Суций С.Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия). Ростов н/Дону, 2010.
151. Суций С.Я. Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М., 2013.
152. Стецевич М.С. Мифы о «тоталитарных сектах» и «ваххабитах» в современной России // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. М., 2002.
153. Тихонравов Ю.В. Религии мира. М., 1996.
154. Годуа З. Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии. М., 2006.
155. Тукумов Е. Проблема религиозного экстремизма в странах Ближнего и Среднего Востока // Analytic (Аналитическое обозрение). Алматы, 2001. №1.
156. Трофимов Д.И. Центральная Азия: проблемы этноконфессионального развития. М., 1994.
157. Трофимов Н.А. История религий в России. М., 2001.
158. Умнов А. Ю. Исламский фундаментализм на Среднем Востоке // Вести Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. М., 1994. - №3.
159. Филипс Абу Амина Биляль. Законы жизни мусульман. Эволюция фикха. М., 2002.
160. Хайдар Дулати. Тарих-и Рашиди. (Рашидова история). Алматы, 1999.
161. Халмухамедов А. Исламский фактор в Узбекистане // Свободная мысль. Ташкент, 1998.

162. Ханаху Р.А., Цветков О.М. Состояние и перспективы ислама в Адыгее // Ислам у адыгов Северного Кавказа. Майкоп, 2001.
163. Ханбабаев К.М. Исламоведение на Кавказе // Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала, 2005.
164. Ханбабаев К.М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алимь и ученые против ваххабизма. Махачкала, 2000.
165. Ханбабаев М.К. Исламский радикализм на Северном Кавказе // Свободная мысль. М., 2007. - №3
166. Ханбабаев К.М. Ислам и проблемы обеспечения национальной безопасности в Южном федеральном округе / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 30. Ростов н/Д., 2005.
167. Харун Яхья. Ислам прокликает террор. Астана, 2002.
168. Хайретдинов Д. Ислам в Осетии. Информационный материал Исламского Конгресса России. М., 1997.
169. Чудинов С.И. Терроризм смертников. М., 2010.
170. Шихсаидов А.Р. Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. 1999. №4.
171. Шевченко А.Г. Ислам и христианство: исторический опыт и перспективы сотрудничества. М., 2004.
172. Шейх Вахид Абдус-Салам Бали. Оберегание человека от джинов и шайтанов. М., 2001.
173. Эткин М. Ваххабизм и фундаментализм; термины-«страшилки» // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 1 (7).
174. Юнусов А.С. Исламская палитра Азербайджана. Баку, 2012.
175. Юрченко В.П. Саудовская Аравия: проблемы противодействия терроризму и исламскому экстремизму // Терроризм. М., 2004.
176. Яковлев А.И. Социально-политические реформы на родине ислама и Дом Саудов // Ислам и исламизм / Под общ. Ред. Е.М. Кожокина, В.И. Максименко. М., 1999.

177. Ярлыкапов А.А. Ваххабизм на Кавказе // Социально-политическая ситуация на Кавказе. М., 2001.

178. Dobaev I. Islamic radicalism in the Northern Caucasus // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). – 2000. – N 6. – P. 76-86.

179. Dobaev I. Radical Political Institutions of the Islamic World: Escalation of Violence // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). – 2001. - N 6 (12). – P. 19-28.

180. Dobaev I. The past, present and doctrinal roots of Islamic radicalism // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). – 2001. – N 2 (8). – P. 114-123.

181. Dobaev I. On the typology of the radical Islamic movements // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). – 2002. – N 3 (15). – P. 96-103.

182. Dobaev I. Radical wahhabism as an extremist religious-political ideology // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). – 2002. – N 4 (16). – P. 128-138.

183. Dobaev I. Jihad in the Islamic world and the Northern Caucasus – theory and practice // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). – 2004. – N 1 (25). – P. 71-78.

184. Dobaev I. Geopolitical Transformation in the Caucasian-Caspian region // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). – 2005. - № 5 (35). – P. 90-99.

185. Dobaev I. The islamist movement in the Northern Caucasus: trends, possible developments, and how to oppose it // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). – 2006. – N 3 (39). – P. 57-66 (1 п.л.).

186. Dobaev I. Russian roulette in North Caucasus // India and Global Affairs (New Delhi, India). – 2009. – April – June. – P. 56-63.

187. Dobaev I. The Northern Caucasus: spread of Jihad // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). – 2009. – N 1 (55). – P. 53-70.

188. Dobaev I. Terrorism in the North Caucasus: history and contemporaneity // The Independent Daily (Mauritius). – 2010. – 23 August.

189. Dobaev I. Geopolitical aspects of the information warfare in the North Western Caucasus // Journal of Eurasian Affairs. – M., 2013. - Vol. 1. – N 1. P. 72-78.
190. Dobaev I. The Causes and Consequences of the division of the Muslim elite // North Caucasus power elites and political life. - Warszawa, 2014. - P. 215-234.
191. Esposito J. The Islamic Threat: Myth or reality? NY. 1992.
192. Fuller G. A Phased Introduction of Islamists – Democracy in the Middle East: Defining the Challenge. Washington, 1993.
193. Kisriev E. Islam's Political Role in Daghestan // Central Asia and the Caucasus. Luleo, 2000.
194. Lapeure Edison Gonsales. Violencia y terrorismo. Montevideo, 1995.
195. Laqueur W. The Age of Terrorism. Boston: Little, Brown, 1967.
196. Mallison W, Mallison S. The concept of Public Purpose Terror in International Law // Journal of Palestine Studies. 1975. Vol.4.
197. Jenkins B. The Who, What, What, Where, How and Why of Terrorism // Paper presented at the Detroit Police Department Conference on «Urban Terrorism: Planning or Chaos?». 1984. November.
198. Samir Amin. Political Islam // Covert Action. NY, 2001.
199. Vartan Grigorian. Islam a Mosaic, not a monolith. W., 2003.
200. Zaki Ahmad. Developmental Changes in Islamic-Arab Movements. NY., 1997.

Монография

Добаев Игорь Прокопьевич, Седых Наталья Сергеевна

**Идеология современного терроризма:
проблема информационно-психологического
противодействия в Российской Федерации**

Сдано в набор 03.04.17. Подписано в печать 14.04.17
Формат 60×84^{1/16} Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п.л. 11. Уч.-изд. л. 10.5
Тираж 500 экз.

Издательство: Социально-гуманитарные знания.
344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская , 160, к. 208.